

ФАНТ-ХАБАР

2024

8

ФАНТ-ХАБАР

2024

8

3 Календарь. 2024. Сентябрь
11 Такие дела. Август 2024
14 Голоса из Сетей
159 Источники

Первая страница:

Скопление галактик **MACS J0025.4-1222**. Как и скопление галактик Пуля, оно возникло в результате столкновения двух скоплений. Сравнивая снимки в рентгеновском диапазоне с данными гравитационного линзирования, астрофизики сделали вывод, что при подобных столкновениях тёмная материя и обычное вещество ведут себя по-разному...

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
<https://t.me/bratrasmus>
<https://bvi.livejournal.com>
<http://bvi.rusf.ru/fx/fx008.pdf>

Арканар: Метагом, 2024

Календарь фантастики: Сентябрь

2 сентября: Из свиты Воланда



80 лет назад родился **Александр Георгиевич ФИЛИППЕНКО** (р. 1944), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Там, на неведомых дорожках...» (Кощей Бессмертный), «Семь стихий» (Олег Янков, учёный), «Убить дракона» (Оружейник, Кузнец), «Трудно быть богом» (Дон Рэба), «Мастер и Маргарита» (1994, Коровьев-Фагот), «Тартарен из Тараскона» (Костекальд), «Мастер и Маргарита» (2005, Азazelло), «Азирис Нуна» (Неменхотеп IV, фараон), тчец аудиокниг «Про Федота-Стрельца, удалого молодца» Л.Филатова, «Солярис» С.Лема.

Актёр-легенда, народный артист России, шестидесятник, знаток классики, блестящий декламатор. И конечно, звезда театра и кино. Хотя изначально закончил МФТИ по специальности «Физика быстропротекающих процессов» и несколько лет проработал старшим инженером в Институте геохимии АН СССР. На

сцену вышел ещё в команде КВН МФТИ, выступал в студенческом театре МГУ, а в 1969-1975 годах работал в Театре драмы и комедии на Таганке. В двух разных экранизациях «Мастера и Маргариты» принимал участие в свите Воланда в качестве Коровьева и Азazelло.

2 сентября: Летать – это прикольно



60 лет назад родился **Киану Чарлз РИВЗ [Keanu Charles REEVES]** (р. 1964), канадский музыкант и актёр, исполнитель ролей в к/ф «Невероятные приключения Билла и Теда», «Новые приключения Билла и Теда» и «Билл и Тед снова в деле» (Тед Logan), «Дракула Брэма Стокера» (Джонатан Харкер), «Маленький Будда» (Сиддхартха / Будда), «Джонни Мнемоник» (Джонни), «Цепная реакция» (Эдди Казаливич), «Адвокат дьявола» (Кевин Ломакс), «Матрица» и её продолжения (Томас Андерсон / Нео), «Дар» (Донни Барксдейл), «Константин: Повелитель тьмы» (Джон Константин), «Помутнение» (Боб

Арктор), «День, когда Земля остановилась» (Клаату), «Репродукция» (Уилл Фостер).

Киану Ривз о полётах в «Матрице»: «Когда ты делаешь это правильно – это здорово. Ты тренируешься с четырьмя проводами (по два на руки и на ноги), и они медленно уносят тебя. Для этого есть специальный хореограф и специальный режиссёр, которые ставят это действие, – как в цирке. Я учился, как делать кувырки через голову и обратно, взбегать по стене, делать удары ногой, и я просто тащился от этого. Я довольно физически натренированный человек, и если это делать правильно, то можно получить настоящее чувство полета. Это прикольно».

4 сентября: Начала писать в пять лет



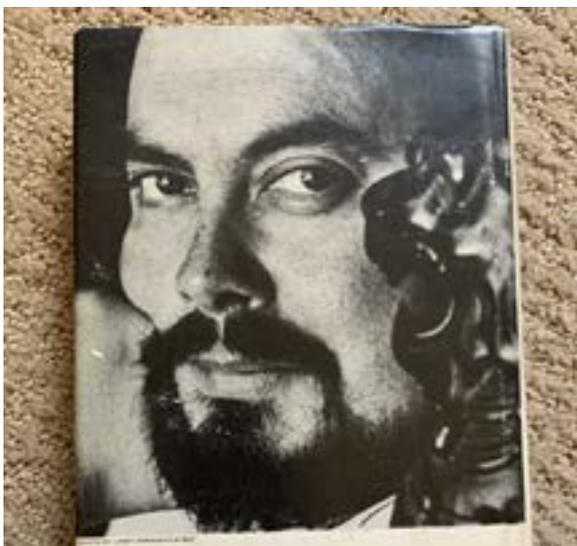
100 лет назад родилась **Джоан Делано АЙКЕН (Николас ДИ) [Joan Delano AIKEN**

(Nicholas DEE)] (1924-2004), английская писательница, автор романов «Волки Уиллоуби Чейз», «Возвращение в Мэнсфилд-Парк», «Джейн и Эмма», сказок «Ожерелье из дождевых капель», «Кот из булочной», «Кот сидел на коврике», «Кусочек неба в пироге», «Клок синей шерсти», «Память», «Кольцо Дожа», «Крылатая изменница», «Королева Луны», «Лист с дерева памяти», рассказа «Пять зелёных лун».

Джоан Айкен родилась в писательской семье, поэтому не удивительно, что когда ей на день рождения в 5 лет подарили два шиллинга, она купила на них пачку бумаги и начала писать собственные истории. И «с тех пор я так и не остановилась». За долгую писательскую карьеру Джоан написала более 100 книг – романов, сборников рассказов и сказок. Хотя наибольший успех получил её фэнтези-цикл «Волчьи хроники», она писала и научную фантастику, и хоррор, и детективы, и даже продолжения викторианской классики Джейн Остин. Но главными в её творчестве были всё-таки детские книги.

4 сентября: Мастер современной готики

100 лет назад родился **Рэймонд /Рэй/ Роберт РАССЕЛ (Брайан РЕНСЛО; Роджер ТОРН; Рекс ФАБИАН) [Raymond /Ray/ Robert RUSSELL (Brian RENCELAW; Roger THORNE; Rex FABIAN)]** (1924-1999), американский писатель, автор романов «Процесс против сатаны», «Колония», «Стрелец», «Инкуб», «Дочь епископа», «Абсолютная сила», сборников «Принц тьмы», «Книга ада», «Дьявольское зеркало».



Кроме романа «Инкуб, или Демон вожделе-ния», на русский язык крупные вещи Рэя Рас-села не переводились. В 1961 году в журнале «Плэйбой» был опубликован рассказ Рассела «Сардоникус», который Стивен Кинг назвал «возможно, лучшим образцом современной готики, когда-либо написанным». По рассказу был снят фильм «Мистер Сардоникус». Рассел также автор сценариев кинофильмов «Пре-ждевременные похороны», «Человек с рентге-новскими глазами», «Инкуб».

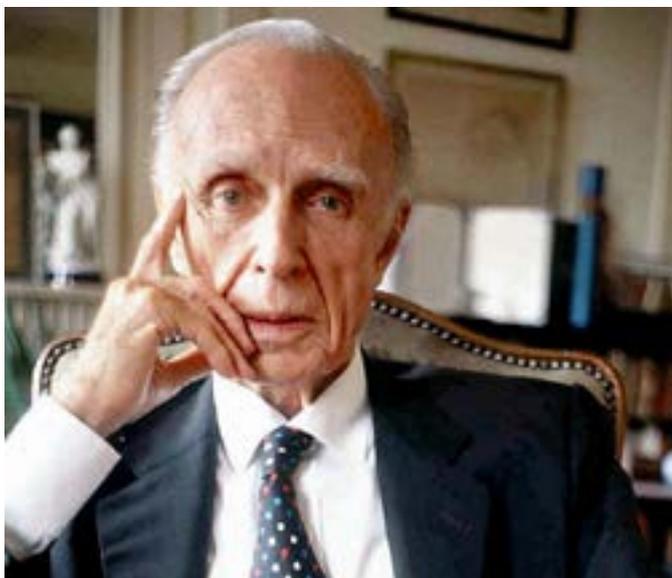
13 сентября: О природе времени

130 летназадродился**Джон Бойнтон ПРИСТ-ЛИ [John Boynton PRIESTLEY]** (1894-1984), ан-глийский писатель и драматург, автор рома-нов «Альберт выпутывается», «Люди судного дня», «Джонсон за Иорданом», «Низкие ноты на высоком уровне», «Волшебники», «Сноггл», «Дженни Вильерс», повести «31 июня».



Пристли, как и Борхес, глубоко воспринял идеи Джона Данна о человеческом восприятии времени. Во многих произведениях Пристли, как фантастических, так и реалистических, речь идёт о природе времени. Вот и история про Лунный день, который бывает, как извест-но, 31 июня, повествует о том, как волшебни-ки Мальгрим и Марлаграм открыли дверь из времён короля Артура в суматошную совре-менность. Повесть была экранизирована в со-ветские времена, но фильм существенно упро-стил сюжет сказки, хотя местами сатирическое сравнение разных временных пластов всё-таки осталось.

15 сентября: Ещё один аргентинский классик 110 лет назад родился **Адо́льфо БЬОЙ КАСА-РЕС (Онорио Бустос ДОМЕК; Б. Суарес ЛИНЧ; Мартин САКАСТРУ) [Adolfo BIOY CASARES (Honorio Bustos DOMECQ; B. Suárez LYNCH; Martin SACASTRÚ)]** (1914-1999), аргентин-ский писатель, автор романов «Изобретение



Морея», «План бегства», «Сон героев», «Хроника войны против свиней», «Спать на солнце», сборников «Козни небесные», «Канун Фауста», «Теневая сторона», «Великий серафим», составитель «Антологии фантастической литературы».

Третий аргентинский классик, в отличие от Кортасара, тесно дружил с Борхесом, они часто составляли вместе различные антологии фантастики, мифов, детективов (у них даже был общий псевдоним – Онорио Бустос Домек, под именем которого они издали несколько книг). Бьой Касарес считал, что литература подчиняется своим собственным законам: «Писать – значит непрерывно открывать эти законы или терпеть поражение... Работа писателя – это задача, которую решаешь, отчасти применяя общие, уже установленные законы, отчасти – законы особые, которые тебе предстоит открыть и принять».

21 сентября: Хулиган и весельчак



95 лет назад родился **Иосиф Ефимович Юз/АЛЕШКОВСКИЙ** (1929-2022), русский писатель, автор повестей «Кенгуру», «Рука», «Николай Николаевич», «Маскировка», «Синенький скромный платочек» и др.

Большинство произведений Алешковского содержит элементы гротеска и сатирической фантастики. Но главная его особенность – введение в художественные тексты «нецензурных» слов и выражений. Борис Стругацкий в разговоре с автором этих строк говорил, что мат в книгах Алешковского органичен, его герои просто не могут говорить по-другому. О себе Юз писал так: «Я был весельчаком, бездельником, лентяем, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, футболистом, чревоугодником, хотя часто помогал матери

по дому, страстно интересовался тайнами деторождения, отношения полов, устройства вселенной, происхождения видов растений, животных и социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина, Дюма, Жюль Верна и Майн Рида. Я даже успел поработать полгода на заводе, но школу кончить и ВУЗ так и не успел, о чем насколько не печалюсь...»

22 сентября: **Шекли по-болгарски**



80 лет назад родился Христо Димитров ПОШТАКОВ (Кристофер ПОУСТМАН) [Христо Димитров ПОЩАКОВ (Кристофър ПОУСТМАН)] (р. 1944), болгарский писатель и переводчик, автор сборников «Дежурство на

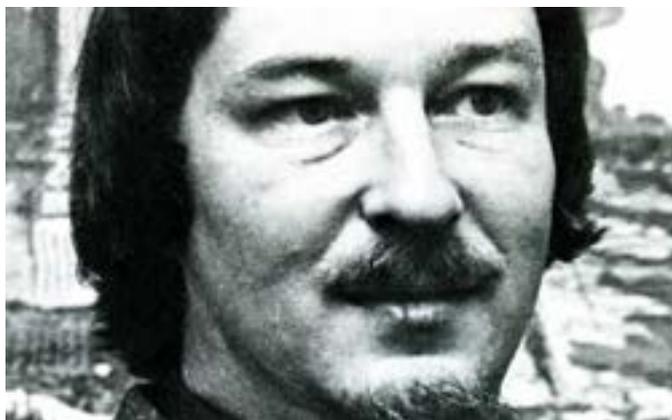
Титане», «Планета Скали», «Генератор реальностей», романов «Приключение в Дарвиле», «Нашествие грухилитов», «Меч, магия и челюсти», «Гаси Америку!».

Активный деятель болгарского фэндома, Христо Поштаков после окончания Софийского Технического университета много лет работал технологом, в 1990-е годы занимался бизнесом, но с 1998 года – профессиональный писатель. Предпочитает короткую форму, в рассказах чувствует влияние творчества Роберта Шекли. В цикле новелл «Короткие и очень короткие страшные рассказы» Поштаков откровенно позировал над штампами литературы ужасов. В романах писатель остаётся верен себе: это пародийно-юмористическая фантастика о настоящем и будущем. Последние два романа выходили на русском языке в переводе Андрея Белянина.

24 сентября: **На волне футуршока**

90 лет назад родился Джон Килиан Хьюстон БРАННЕР (Джон ЛОКСМИТ; К.Х.БРАННЕР; Кит ВУДКОТТ; Тревор СТЕЙНЗ) [John Kilian Houston BRUNNER (John LOXMITH; К.Н. BRUNNER; Keith WOODCOTT; Trevor STAINES)] (1934-1995), английский писатель, автор романов «Небесное святилище», «Мстители Каррига», «Времена без числа», «Квадраты шахматного города», «Стоя на Занзибаре» и др.

Вершиной творчества Браннера стал условный цикл «Квартет Римского клуба», состоящий из романов «Стоя на Занзибаре», «Зазубренная орбита», «И агнцы воззрели горе»



и «Оседлавший волну шока». Первые три романа – скорее антиутопические, о перенаселённом, взрывоопасном мире близкого будущего, о разгуле преступности, об экологическом конце света, а последний можно считать информационной утопией, действие в котором происходит в середине 2020-х годов (написан роман был в 1975 году). И, кстати, многое в романе угадано верно: информационные сети, компьютерные вирусы, хакеры, углубление фрагментации и атомизации общества, ослабление стран Запада, новые вариации гонок технологий и вооружения.

24 сентября: Японский постмодернист

90 лет назад родился ЦУЦУИ Ясутака [筒井康隆] (р. 1934), японский писатель, автор романов «Девочка, прыгающая во времени», «Паприка», «Мой гранпа», «Преисподняя», сборника «Сальмонельщики с планеты Порно».

Здесь перечислены лишь крупные произведения автора, которого критики включают в «большую тройку» (наряду с Сакё Комацу



и Синити Хоси) японских фантастов. Он написал около сорока романов, много рассказов, начинал с комедийной фантастики, но вскоре переключился на авангард и стал писать в жанре «сверхлитературы». Николай Александров отмечал, что в произведениях Цуцуи наблюдаются переплетения сна и яви, абсурдистские элементы и выигрышная для героев «позиция Иванушки-дурачка».

26 сентября: Это было недавно...



90 лет назад родился **Олег Валерианович БАСИЛАШВИЛИ** (р. 1934), советский и российский актёр театра, кино и телевидения, исполнитель ролей в спектаклях «Снежная королева» (Сказочник), «Выпьём за Колумба!» (Шатунов), «История лошади» (Серпуховский), «Салемские колдуньи» (Дэнфорт), в фильмах «31-й отдел» (Шеф издательского концерна), «Конец света с последующим симпозиумом» (Стенли Баррет), «Город Зеро» (Василий Чугунов, писатель), «Небеса обетованные» (Фёдор Степанович Елистратов, брат Фимы), «Предсказание» (Олег Владимирович Горюнов), «Яды, или Всемирная история отравлений» (Прохоров / Папа Александр VI), «Мастер и Маргарита» (Воланд), «Новые приключения Аладдина» (Рассказчик).

Из книги Басилашвили «Неужели это я?! Господи...»:

«Еще до войны я был в Художественном театре.

Допустим, это был 1941 год: январь или февраль. Но мне кажется, это было раньше. Итак, мне шесть лет.

Мама привела меня на «Синюю птицу» во МХАТ.

Спектакль я помню отчетливо. Поразило меня Царство Ночи, с Ужасами, которые вырывались из пещер, Призраками, бродящими в полутьме. Помню, как заколотилось сердце, когда распахнулась стена, засияло голубое небо и птицы... тысячи птиц замелькали белым в этом небе.

Помню грусть (откуда бы взяться грусти у меня, шестилетнего пай-мальчика?), которую вызвала у меня Страна Воспоминаний, медленно возникающая сквозь дымку, с домом-треугольником, как на детской картинке. Золотистые лучи по бледному небу...

«Прощайте, прощайте, пора вам уходить...»

Даже сейчас, когда я вспоминаю это, подступают слезы».

30 сентября: **Писатель и злой рок**

100 лет назад родился **Трумэн КАПОТЕ [Truman CAPOTE]** (1924-1984), американский писатель, автор романа «Другие голоса, другие комнаты», сборника рассказов «Дерево ночи».

Капоте начал писать рассказы к восьми годам. (В качестве анекдота: Станислав Лем писал Ариадне Громовой о сыне Томаше: «Ребёнок растёт, говорить пару слов уже говорит, но как-то ещё ничего не пишет, хотя ему уже почти 13 месяцев».) А в десять лет выиграл престижную награду за короткий рассказ.



Фантастические и мистические элементы часто встречаются у Капоте в раннем периоде творчества. Это сюрреалистическо-готические моменты – призраки, фольклорные предания и байки, грёзы и наваждения. Рассказы «Злой рок», «Мириэм», «Закрой последнюю дверь», «Бутыль серебра» часто публиковались позже в различных хоррор-антологиях, в сборниках о сверхъестественном.

Такие дела Август, 2024:

1 августа: **Кшиштоф Томаш Банашик [Krzysztof Tomasz Banaszuk]** (р. 23 марта 1970), польский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Фауст», «Дон Жуан», в к/ф «Ксеро», «Замена», дублёр многих фильмов и аниме: «Жемчуг дракона Z», «Бэтмен будущего», «Люди Икс», «Шрек», «Астерикс и Обеликс», «Атлантида», «Фантастическая четвёрка», «Ночь в музее», «Хоббит», «Логан». 54 года. **(Wikipedia)**

4 августа: **Чарльз Сайферс [Charles Cyphers]** (р. 28 июля 1939), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Хэллоуин», «Туман», «Побег из Нью-Йорка», в сериалах «Подводная одиссея», «Баффи – истребительница вампиров». 85 лет. **(Wikipedia)**

4 августа: **Джереми Джеймс Стронг [Jeremy James Strong]** (р. 18 ноября 1949), английский детский писатель, автор романов «У нас в ванной фараон!», «Доктор Чокнутый!», «Римляне в ярости». 74 года. **(Wikipedia)**

5 августа: **Патти Ясутаке [Patti Yasutake]** (р. 6 сентября 1953), американская актриса и мастер дубляжа, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Звёздный путь», «Дозор мутантов». 70 лет. **(Wikipedia)**

7 августа: **Ирина Аркадьевна Зайцева** (р. 20 февраля 1951), филолог, текстолог, работала в группах по подготовке Полных собраний сочинений и писем Н.Гоголя и М.Горького. 73 года. **(Николай Подосокорский)**

10 августа: **Рудольф Елинек [Rudolf Jelinek]** (р. 27 февраля 1935), чешский актёр театра

и кино, исполнитель ролей в к/ф «Барон Мюнхгаузен», «Чёрный волк», «Принц и Вечерняя Звезда». 89 лет. **(Wikipedia)**

13 августа: **Серджо Донати [Sergio Donati]** (р. 13 апреля 1933), итальянский писатель, автор сценариев к/ф «...4..3..3..1...смерть», «Холокост 2000», «Остров чудовищ». 91 год. **(Wikipedia)**

14 августа: **Джина Роулэндс [Gena Rowlands]** (р. 19 июня 1930), американская актриса, исполнительница ролей в сериале «Альфред Хичкок представляет», к/ф «Ключ от всех дверей». 94 года. **(Николай Подосокорский)**

15 августа: **Заур Рустамович Дахте** (р. 18 августа 1936), таджикский оператор и фотограф, снявший к/ф «Отважный Ширак». 87 лет. **(Wikipedia)**

17 августа: **Борис Евгеньевич Быстров** (р. 12 февраля 1945), актёр театра, кино и дубляжа, исполнитель ролей в к/ф «Волшебная лампа Аладдина», «Приключения жёлтого чемоданчика», «ТАСС уполномочен заявить...», дублёр фильмов и аниме «Изгоняющий дьявола», «Золотое путешествие Синдбада», «Дракула», «Звёздные войны», «Вавилон-5», «Люди Икс», «Интерстеллар», «Футурама», «Аладдин». 79 лет. **(Николай Подосокорский)**

18 августа: **Ален Фабьен Морис Марсель Делон [Alain Fabien Maurice Marcel Delon]** (р. 8 ноября 1935), французский актёр театра и кино, режиссёр, сценарист и продюсер, исполнитель ролей в к/ф «Дьявол и десять заповедей», «Возвращение Казановы», «Переход», «Три шага в бреду», «Астерикс на Олимпийских играх». 88 лет. **(Николай Подосокорский)**

18 августа: **Константин Иванович Загорский** (р. 13 июля 1933), художник кино,

живописец, с участием которого были сделаны к/ф «Волшебная лампа Аладдина», «Москва – Кассиопея», «Отроки во Вселенной», «Русалочка», «Аленький цветочек», «Новые приключения капитана Врунгеля», «Через тернии к звёздам», «Мио, мой Мио», «Сказка о купеческой дочери и таинственном цветке», «Дюймовочка». 91 год. *(Николай Подосокорский)*

21 августа: **Захар Григорьевич Оскотский** (р. 23 января 1947), писатель и публицист, изобретатель, автор книг «Последняя башня Трои», «Утренний, розовый век. Россия-2024». 77 лет. *(Википедия)*

23 августа: **Александр Андреевич Бялко** (р. 28 августа 1952), журналист, литератор, игрок телеклуба «Что? Где? Когда?», автор «Романа с физикой, или За всех отвечает Любовь», сборника «13 минут счастья», научно-популярной книги «Происхождение человечества». 71 год. *(Николай Подосокорский)*

23 августа: **Войцех Пашковский [Wojciech Paszkowski]** (р. 28 февраля 1960), польский актёр театра и дубляжа, исполнитель ролей в спектаклях «Танец вампиров», «Академия пана Кляксы», «Призрак Оперы», «Кошки», дублёр фильмов и аниме «Корпорация монстров», «Финес и Ферб», «Гарри Поттер и философский камень», «Мадагаскар», «Элвин и бурундуки», «Звёздные войны: Атака клонов», «Стюарт Литтл». 64 года. *(Wikipedia)*

24 августа: **Карел Гержманек [Karel Heřmánek]** (р. 17 октября 1947), чешский актёр, исполнитель роли в к/ф «С чертями шутки плохи», «Спящая красавица», «О рассеянном чернокнижнике», дублёр фильмов и аниме «Астерикс и Обеликс», «В поисках Немо». 76 лет. *(Wikipedie)*

R.I.P. – Дополнения:

13 июня: **Бенджамин Грегори Херцберг (Бенджи Грегори) [Benjamin Gregory Hertzberg (Benji Gregory)]** (р. 26 мая 1978), американский актёр, исполнитель ролей в сериалах «Сумеречная зона», «Альф», «Назад в будущее», «Однажды в лесу». 46 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

21 июня: **Фредерик Кэмпбелл Крюс [Frederick Campbell Crews]** (р. 20 февраля 1933), американский литературный критик, автор книг «Э.М.Форстер. Опасности гуманизма», «Загадка Вини-Пуха», «Грехи отцов: Психологические темы Готорна», «Постмодернистский Вини-Пух». 91 год. *(Дэвид Лангфорд)*

27 июня: **Даг Сакманн [Doug Sakmann]** (р. 22 июля 1980), американский независимый режиссёр фильмов ужасов и специалист по спецэффектам, постановщик к/ф «Любовные страсти» (пародия на Лавкрафта), «XXXорцист», «Проклятие оленя-оборотня», «Дурная голова». 43 года. *(Дэвид Лангфорд)*

28 июня: **Клаудио Манчини [Claudio Mancini]** (р. 24 марта 1928), итальянский продюсер, участвовал в постановке к/ф «Десятая жертва», «Заражение», «Видение шабаша». 96 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

30 июня: **Томас Халперин «Том» Уайнер [Thomas Halperin “Tom” Wyner]** (р. 16 июня 1947), англо-американский актёр, продюсер, режиссёр и писатель, озвучивал роли в к/ф и сериалах «Могучие морфы: Рейнджеры силы», «Призрак в доспехах», «Приключения Дигимонов», «Трансформеры: Автороботы», «Астерикс и Обеликс». 77 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

4 июля: **Исанн Черчман [Ysanne Churchman]** (р. 14 мая 1925), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Космический патруль», «Доктор Кто», «Артемида 81», «Призрак в воде». 99 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

7 июля: **Хассани Шапи [Hassani Shapi]** (р. 15 июля 1973), кенийский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Звёздные войны», «И целого мира мало», в сериале «Арабские приключения». 50 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

8 июля: **Майкл Зулли [Michael Zulli]** (р. 20 декабря 1952), американский художник, автор комиксов «Пума Блюз», «Черепашки-ниндзя», «Болотная тварь», «Песочный человек». 71 год. *(Дэвид Лангфорд)*

14 июля: **Сальваторе Пунтильо [Salvatore Puntillo]** (р. 27 июля 1935), итальянский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Наконец... тысяча и одна ночь», «Кроваво-красное», «Семь нот в темноте», в сериале «Джекилл». 88 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

15 июля: **Уитни Уилберт Ридбек [Whitney Wilbert Rydbeck]** (р. 13 марта 1945), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Спящий», «Любовь с первого укуса», «Битва за пределами звёзд», «Пятница. 13-е – Часть 6: Джейсон жив!», в сериалах «Великолепный мир цвета», «Бак Роджерс в XXV веке», «Звёздный путь: Следующее поколение». 79 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

21 июля: **Дебора Полин Андерсон (Дебора П. Колоджи) [Deborah Pauline Anderson (Deborah P. Kolodji)]** (р. 11 августа 1959), американская поэтесса, президент поэтической ассоциации НФ и фэнтези, составитель ежегодных антологий очень коротких форм НФ «Dwarf

Stars», автор сборников «Притяжение чёрной дыры», «Шоссе спящих городов», «Пыль красной планеты», «Симфония Вселенной», «Луна на берегу моря». 66 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

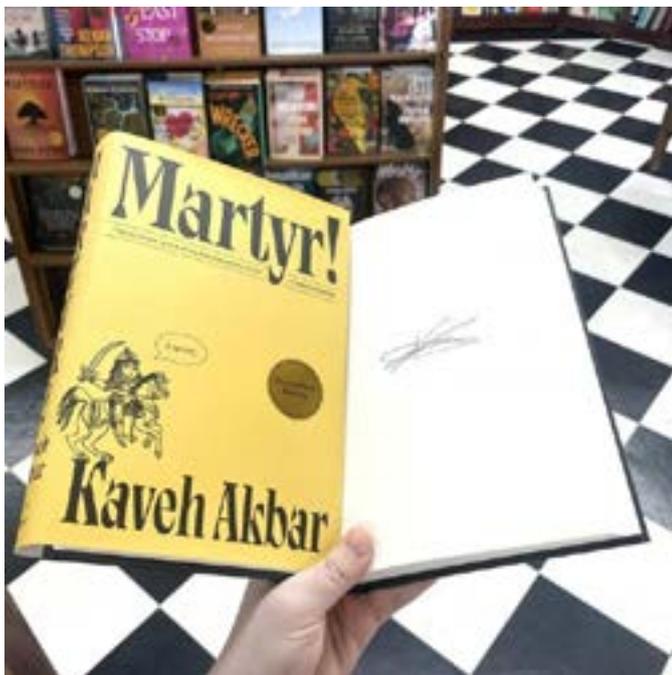
28 июля: **Рэндал Джонсон Мэлоун [Randal Johnson Malone]** (р. 29 мая 1959), американский актёр и продюсер, исполнитель ролей в к/ф «Чужая сила», «Знак Дракулы», «Царство кошмаров: С того света», «Вещи 3: Старые вещи», «Истории об оборотнях», «Шабаш ведьм», «Кровавая легенда», «Другой мир: Зло против Зла», «Наточенный топор», «Тёмный рыцарь: Возвращение», «Оргия крови», «Восстание Франкенштейна», «Ночь мёртвых», «Доктор Джекил и мистер Хайд», «Хэллоуин: Смертельная ловушка. Киски будут наказаны!». 56 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

28 июля: **Эрика Шанталь Эш [Erica Chantal Ash]** (р. 19 сентября 1977), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Кристи», «У нас есть привидение», в сериале «Очень страшное кино». 46 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

29 июля: **Ронди Энн Вилотт Салсиц [Rhondi Ann Vilott Salsitz]** (р. 23 ноября 1949), американская писательница, автор более 60 романов, публиковавшихся под десятком псевдонимов (в частности, на русском – Эмили Дрейк и Чарльз Ингрид), входящих в десяток циклов (на русском печатались циклы «Волшебники», «Песчаные войны», «Пилоты Хаоса»). 74 года. *(Дэвид Лангфорд)*

Голоса из Сетей

1 августа:



«Martyr!», Kaveh Akbar / «Мученик!», Кавех Акбар*

Может, Кир проглотил не те наркотики в том порядке, или те наркотики не в том порядке, но когда Бог наконец-то заговорил с ним после двадцати семи лет молчания, единственное, что Киру хотелось – получить второй шанс.

«Мученик!» – роман, который успел засветиться во многих подборках и рецензиях зарубежных СМИ; он окружен хвалебными отзывами, к которым всегда стоит относиться с осторожностью. Если избавиться от информационного шума, то перед читателем окажется история о двадцативосьмилетнем Кире

(названным так в честь того самого Кира Великого), юноше иранского происхождения, с детства живущего США. Его мать погибла, когда США сбили гражданский самолет; отец увез мальчика с родины, запустив алхимический процесс смешения национальностей и идентичностей, культурных кодов, который стал для Кира разрушительным. Теперь у героя остался только живущий далеко дядя – ветеран войны, ищущий в классической музыке образ Бога, – и ворох сомнений в голове.

Наркотики, алкоголь, подработки и реабилитация – все это заставляет Кира, поэта-любителя, задуматься о цели в жизни. Сначала он думает, что хочет умереть, а потом понимает – нет, ему надо стать мучеником. Но что есть мученичество? Желание найти ответ приводит Кира в Бруклин, где современная художница проводит «Выставку Смерти» – скоро она должна умереть от рака, и последние дни решает жить в музее, среди своих картин, и говорить с людьми о чем им захочется. Арт-перформанс, выходящий за рамки арт-перформанса. И изменивший жизнь Кира...

Сюжет романа приходится пересказывать весьма подробно, потому что книга не переведена на русский (и, исходя из многих законов, навряд ли будет в ближайшее время – там есть смысловая линия, связанная с ЛГБТ, притом в консервативном восточном обществе). В целом же «Мученик!» – роман-апликация о смертях, которые проходят незамеченными, поисках идентичности, миграции и феномене мученичества, а местами – даже о божественном («Бог состоит из слов», как-то заявляет Кир). В таком большом наборе разноцветных тем и достоинство текста, и его беда. «Мученик!» – дебют Кавеха Акбара, и в романе чересчур ощутимо желание говорить о всем, везде, и всюду: из-за этого смысловое содержание не влезает ни в сюжетную

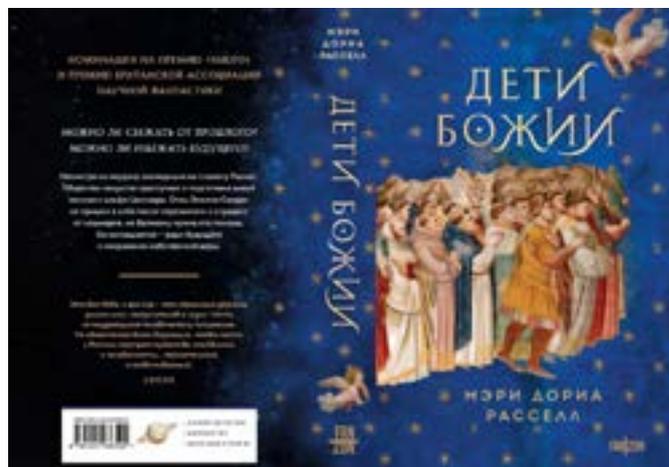
канву, ни в постраничный объем книги, и автору приходится постоянно пользоваться заплатками. Да, ближе к финалу читателя ждет много важных сюжетных откровений, но на протяжении остального текста – за исключением критически важных флешбеков, – происходит мало вещей: только разговоры и мысли, мысли и разговоры.

Кир, несмотря на свои двадцать восемь лет – большой ребенок. Он незрелый, плохо знающий жизнь и собственные желания. Это помогает Кавеху Акбару сыграть с читателем в игру. «Мученик» – никакой не роман взросления в чистом виде, но неопытность главного героя постоянно создают такую иллюзию: поиск себя, поиск правды, поиск смысла в чужих смертях – вот векторы движения текста. И к финалу Кир станет старше. Но центральная линия повествования порой отходит на второй план, ведь особенно яркими Кавеху Акбару удастся сделать, во-первых, родственников Кира – в прошлом и настоящем, – даже когда мы не видим их: один разговор с немного спятившим дядей-солдатом колоритнее многих других сцен. Во-вторых, запоминаются «выдуманнные» сцены, где мертвецы разговаривают с разными персонажами – Лизой Симпсон, или, например, мертвыми поэтами, – при этом осознавая себя персонажами или усопшими. Итого, пестрая аппликация, порой построенная на чистой игре воображения, оказывается очень земной историей (возможно, даже отчасти автофикциональной) о судьбах маленьких затерявшихся людей, прочно закрепленной в социальном и культурном контексте США – плавильного котла, в котором, заметить могут либо гения, либо мученика.

Но не каждый мученик обязан взрывать башни-близнецы; не каждый – даровать собственную жизнь во славу кого-то или чего-то.

** перевод авторский*

Денис Лукьянов



В сентябре Фанзон издаёт роман Мэри Дорис Расселл «Дети Божии» – финал дилогии «Птица малая»!

Новый перевод знаменитого романа в формате увеличенного покета с клапанами! Сочетание научной фантастики о первом контакте человечества с внеземным разумом и философских размышлений о природе веры и религии. Второй роман оригинальной и удивительной фантастической дилогии, который придется по вкусу любителям Артура Кларка, Урсулы Ле Гуин, братьев Стругацких и Рэя Брэдбери.

Единственный, как казалось, выживший участник после первой миссии – Эмилио Сандос – вынужден снова сыграть роль в новом контакте с инопланетной расой, несмотря на прошлые физические и психологические травмы.

Даже после возвращения на Землю отец Эмилио Сандес не находит покоя. Экспедиция на планету Ракхат имела печальный финал, но Общество иезуитов собирает новую миссию к альфе Центавра. Ватикан просит помощь Сандеса, и он соглашается, стараясь сдержать свои страхи. Заручившись

поддержкой старых друзей, он отправляется к новым открытиям. Ради будущего детей, которые рождены за пределами Солнечной системы, ему предстоит бороться с собственным разумом и верой.

Алексей Севериан



АстрельСПБ анонсировал выход романа Анны Каньтох «Предлунные»

Добро пожаловать в Лунаполис, город, где всем заправляет таинственная и древняя цивилизация Предлунных. Здесь совершенство принудительно, а гениальность обязательна. Здесь царит диктатура творчества, а искусство и художественное воображение поставлены на пьедестал. Это мир идеала, мир поразительной красоты, и не было никогда ничего совершеннее. Здесь детей заказывают

у инженеров души, а за лучшие проекты разумов для будущих гениев конкурируют корпорации. Только есть одно условие: всех, кто кажется Предлунным недостаточно одаренным, не пускают в будущее. Они остаются в прошлом, где реальность разрушается, гниет и распадается, и таких людей становится все больше. На подобном фоне разворачиваются истории трёх героев: художника, которого сила обстоятельств заставляет выступить против существующего порядка; девушки, которая спасается от собственного деспотичного отца и решает помочь тем, кого отвергли Предлунные, и космонавта, попавшего на свою беду в странный умирающий мир.

Алексей Севериан



К нам прилетели Вуки и Твилеки.

Первый сравнительный бриф говорящих моделей.

Два самых интересных и многообещающих события последних дней в мире ИИ – выход в свет говорящих моделей: расширенного голосового режим ChatGPT и нового Siri с ИИ под капотом.

Страшно интересно, действительно ли это «вау», типа разговора с инопланетянами?

Но авторитетных тестировщиков, сумевших всего за несколько дней поиграть с новыми говорящими моделями, единицы. И из них, лично для меня, интересней всего мнение **проф. Итана Молика**, уже не раз публиковавшего чрезвычайно глубокие аналитические посты о ГенИИ больших языковых моделей.

Главный вывод профессора Молик (в моей интерпретации):

Эти говорящие модели можно уподобить двум иконическим расам в культуре «Звездных войн»: Вуки и Твилеки, похожие друг на друга не больше, чем Чебурашка и Гена:

– Вуки (Wookiees) – высокие, покрытые шерстью гуманоиды, известные своей силой, преданностью и умением вести боевые действия.

– Твилеки (Twi'leks) – гуманоиды с характерными щупальцеобразными отростками на голове, называемыми «лекку». Они известны своей разнообразной окраской кожи и культурным разнообразием.

Два новых говорящих ИИ – это не просто разные подходы к общению с ИИ. Во многом они демонстрируют собой водораздел между двумя философиями ИИ:

- вторые пилоты против агентов,
- маленькие модели против больших,
- специалисты против универсалов.

Если Siri стремится сделать ИИ менее странным и более предсказуемым, ChatGPT Voice – полная противоположность.

Сделав ставку на конфиденциальность, безопасность и надежность, Apple воплотил в Siri идеально второго пилота, способного надежно выполнять функции специализированных ИИ для помощи в выполнении определенных задач.

Такие вторые пилоты могут быть полезны, но вряд ли приведут к скачкам производительности или изменят способ нашей работы, потому что они ограничены. Мощность идет вразрез с безопасностью.

ChatGPT Voice – полная противоположность. Он кажется человеком во всем: в динамике темпа речи, интонациях и даже в фальшивом дыхании и придыханиях (послушайте аудиоклипы, которые Молик вставил в свой пост). И как всякий человек, этот ИИ «хочет» быть агентом, а не инструментом. И чтобы хоть как-то обуздать его инициативу, похоже, многие из доступные ему функций закрыты разработчиками за ограждениями.

Но каков бы ни был водораздел, эти два говорящих ИИ уже примерно через год задействуют всю мощь своих систем (сейчас не задействована и половина) и превратятся в помощников, которые смогут смотреть, слушать и взаимодействовать с миром.

И как только это будет достигнуто, следующим шагом станут агенты, идея которых в том, что ваш ИИ будет не просто уметь разговаривать с вами, но также планировать и предпринимать действия от вашего имени.

Сергей Карелов

2 августа:

Ларри Нивен «Самое холодное место» (рассказ)

Данный рассказ открывает масштабный цикл «Известный космос». Также это мое первое знакомство с автором. Сам Нивен в предисловии к сборнику называет рассказ слабым, с чем я полностью согласен. Знакомство с циклом я тем не менее продолжу, так как по отзывам впереди ждёт много интересного.



Действие рассказа происходит на холодной стороне Меркурия. По задумке автора, это одно из самых холодных мест в солнечной системе, с чем я не согласен, но при чтении решил принять точку зрения автора. Это царство вечного холода, где даже газы принимают твердую кристаллическую структуру. Кто может жить в столь негостеприимных условиях? Однако посланный сюда зонд передал на Землю изображение неких движущихся объектов. На холодную планету отправляется экспедиция, чтобы выяснить в чем же дело.

По сути, это даже не полноценный рассказ, а скорее зарисовка. Художественная ценность его сама по себе весьма незначительна, но он должен сложиться с другими рассказами в масштабную историю «Известного космоса». В нем есть интересные идеи, которые должны будут ещё сыграть в других произведениях.

Итог: «Самое холодное место» – довольно слабый рассказ. Читать его отдельно не имеет смысла. Но если вы все же решите ознакомиться со всем циклом, то рассказ читать нужно: возможно без него картина «Известного космоса» будет не цельной.

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика
Оценка: 6/10

Алексей Севериан

3 августа:

Давным-давно, в далекой галактике, в России 2006 года, некоторые фанфики, не поверите, издавали на бумаге. Неплохими по нынешним временам, хотя и не фантастическими тиражами. Например, у сборника Андрея Ляха «Истинная история Дюны» тираж был 5100 экземпляров. Как раз сегодня вывешивал свою некроретрорецензию на Boosty для подписчиков, вспомнил эту книгу. Туда помимо «Истории» вошел роман Ляха «В направлении Окна», тоже своего рода фанфик, но автофанфик, переосмысление судеб его собственных, Ляха, героев. А вот как издательство «АСТ» в те чудесные годы решало проблему с авторскими правами с правообладателями «Дюны», для меня по сей день загадка. Но в любом случае, стоило бы поискать старые договоры и переиздать эту книгу. Считаю, имела бы успех. Особенно если привязать к очередной премьере какой-нибудь там «Дюны». Сериала или фильма.

Василий Владимировский



Кейт Лаумер «Грейлорн» (рассказ)

«Грейлорн» – первая проба пера писателя-фантаста Золотого Века научной фантастики Кейта Лаумера. Также это мое первое знакомство с ним.

Действие рассказа происходит в далеком будущем. Земля на грани гибели – почти вся суша заражена Красным Приливом, уничтожающим всю органику. Все известные способы испробованы, и надежды практически нет. Совет учёных и военных решает отправить самый современный корабль «Галахад» к дальней колонии, связь с которой давно потеряна. Существует призрачная надежда на то, что колонисты в своем научном прогрессе обогнали землян и помогут разобраться с Красным Приливом. Капитаном корабля выбирают Фредерика Грейлорна, который и предложил эту идею. Лететь до колонии долгие пять лет. Путь этот выдался очень непростым: космическая авария, мятеж команды, первый контакт с враждебной инопланетной расой. Как же смелому капитану удастся выпутаться из столь непростой ситуации?

Рассказ получился очень бодрым и динамичным. Экшн прописан весьма неплохо. Присутствует в романе и тонкий юмор. Главный герой – яркий и харизматичный, бесконечно преданный своему делу. Он прекрасно понимает, что экспедиция – единственный шанс Земли на спасение. При столкновении с инопланетянами-моллюскоидами Грейлорн проявляет образцовое хладнокровие и недюжинную дедуцию.

Однако не обошлось и без минусов. Главная моя претензия состоит в логике подбора команды к столь важной экспедиции. Экипаж «Галахада» должен был прекрасно осознавать всю судьбоносность своей миссии, ведь судьба Земли зависит от них. Несмотря на это, при малейших неудобствах они поднимают открытый вооруженный мятеж, чтобы вернуться домой. И это в тот момент, когда цель так близка. Выглядит не очень реалистично. Да и неумение создавать искусственные витамины

в конце третьего тысячелетия нашей эры выглядит весьма надуманно.

Итог: Перед нами неплохой образец старой доброй фантастики XX века, с присущими ей плюсами и минусами. Великолепные идеи тут соседствуют с логическими ляпами. Тем не менее от рассказа я получил немало удовольствия.

Жанр: Космоопера

Оценка: 8/10

Алексей Севериан



Я знаю: всем вам на сон грядущий – ну или на доброе утро – нужна какая-нибудь палеонтологическая херня. Вот, принесла. Это не Ктулху. Ну то есть ктулху, конечно, ибо Sollasina cthulhu. Эхинодермия. Нет, это не болезнь, это тоже вот она. Родственница морским огурцам, хоть и не близкая.

Если она вам почему-то не нравится (хотя, по моему, прикольная штука!), то подумайте: она уж точно гораздо лучше многого из того, что ещё пока что не вымерло.

Танда Луговская

Штош, я снова писатель. Никогда такого не было, и вот опять.

на фестиваль придет писатель, литературный критик и журналист Василий Владимировский

Недоразумение, разумеется, берет начало из «Википедии». В детстве и юности я действительно пописывал рассказы, в основном беспомощные, иногда, при большом везении – просто слабые. Десятка полтора даже опубликовал. Ну и еще в девятых участвовал в проекте издательства Terra Fantastica по новеллизации телесериала Криса Картера «Секретные материалы», гордиться нечем, но по тем временам платили неплохие деньги (правда, кризис 98 года съел все доходы). Вовремя свернул с этой скользкой дорожки, однако формальных оснований для претензий к авторам «Вики» не имею, из песни слово не выкинешь. Другое дело, что это никак не соотносится с тем, чем я занимаюсь последние лет 20, да и до этого почти не соотносилось.

И вот теперь люди, которым надо меня как-то официально представить и которые понятия не имеют, кто я такой, идут в «Вики», копируют первые две строчки из биографической статьи – и вуаля! Простите за бурчание, но устал уже просить дорогих коллег этого «писателя» вычеркнуть нах.

Еще люблю когда ко мне в письмах и мессенджере обращаются: «Здравствуйте, Владимир!» Это примерно через раз. Но в релизах по крайней мере не пишу.

Василий Владимировский

Дочитал «Транзитную зону», прощальный роман Кристофера Приста. Рекомендовать широкой публике не могу, при всем уважении к классику – не лучшая его книга. Роман почти целиком состоит из одной сплошной экспозиции, кульминация и развязка укладываются в последние 40 страниц,



галопом по европам. Ну и кроме того это не фантастика, российские издатели нимношко обманули фанатов. Да, тут есть вымышленная голливудская актриса, упомянуто несколько несуществующих фильмов, не до конца раскрыт механизм исчезновения кинозвезды из аэропорта, но для фантастики этого мало. Как ни натягивай, рвется – хотя у меня оооочень широкое и крайне эластичное представление об условном «жанре», прямо размера XXXXL, не в каждой аптеке найдешь.

С другой стороны, для пристоведа-любителя книжка небесполезная. Главный герой романа – немолодой кинокритик с хорошей репутацией, который ведет исследования, беседует с актерами

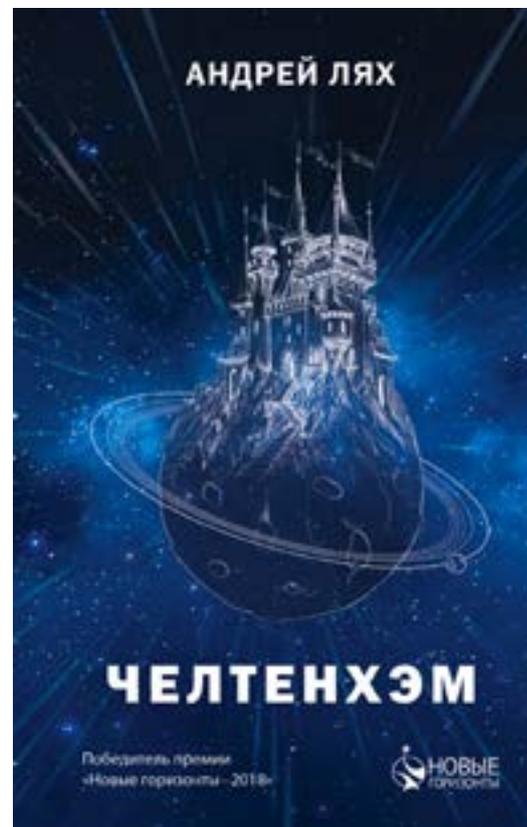
и режиссерами, разъезжает по фестивалям, выпускает книги и все такое прочее. Не секрет, что сам Кристофер Прист время от времени писал о фильмах для разных СМИ, да и в киноиндустрию был вовлечен не только как автор литературной основы для картины Нолана «Престиж». То есть в некотором смысле «Транзитная зона» штука автобиографическая: бесконечные перелеты по всему миру, конвенты, публичные дискуссии и частные интервью – все это не из пальца высосано, отражение персонального авторского опыта.

Одно непонятно: чем главный герой заслужил свою репутацию. Кристофер Прист приводит несколько его кинорецензий – на вполне реальные фильмы, не вымышленные, как образец стиля главгероя. И, честно говоря, даже в «Мире фантастики» о кино часто пишут не хуже, не говоря уж об «Искусстве кино» или «Сеансе». Вполне проходные тексты: можно печатать – можно не печатать, можно читать – можно не читать. Примечательны только тем, что Прист, как я понимаю, достал из архивов свои собственные рецензии и «подарил» герою. В общем, правильно сделал, что пошел в писатели, а не в кинокритики: художественная проза получается у него несравненно лучше.

Василий Владимировский

4 августа:

Коллега Владимировский вспоминает (<https://t.me/SpeculativeFiction/5149>) сборник Андрея Ляха «Истинная история Дюны». Вот как интересно тасуется колода: судя по всему, для Васи там главный текст – это «Истинная...» или «Подлинная...» (там текст разнился на обложке и внутри) «...история Дюны». А второй текст сборника, «В направлении Окна», Вася называет, как мне слышится, с некоторой до-



лей пренебрежительности тоже своего рода фанфиком, но автофанфиком, переосмыслением судеб его собственных, Ляха, героев, что вообще-то не так никаким боком.

Я тогда, в 2006-м, что ли, году, тоже купился на эту «Истинную историю Дюны» как дурак. Вознегодовал я страшно, сейчас перечитал свои желчные филиппики в ЖЖ – ну, дурак и есть. (К слову, я думаю, что издательство не решило вопрос с правами никак.) И, конечно, я решил эту «Подлинную историю Дюны» прочесть. И тут еще Володя Березин меня подловил, мол, не напишу ли я рецу для «Книжного обозрения» про вот Ляха и еще «Ангела Паскуале» Пола Маколи, отличный такой клопанк.

И я купил этого не знакомого мне доселе Ляха, и зачел «Истинную историю Дюны», и накопал несуразностей, признав попутно, что это отчасти подход к снаряду а-ля Кирилл Еськов (я о «Последнем Кольценосце»), но – нет, мне не понравилось.

И что от балды я взялся читать «В направлении Окна». Точнее, Воспоминания государственного преступника доктора искусствоведения Хедли Холла во время его путешествия на автомобиле по секретному поручению маршала Кромвеля через Центральную Европу в направлении Окна. И пропал.

Вынырнув из текста, я готов был признать, что Андрей Георгиевич – один из лучших фантастов современности, что это крутейший писатель, и что вообще непонятно, зачем он вообще написал условно-еськовский фанфик по «Дюне», когда у него собственные тексты такого уровня, что им с Гербертом только за руку уважительно здороваться.

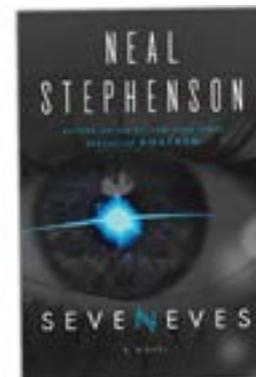
И уже сильно потом я прочел «Реквием по пилоту», первый роман Ляха (тогда его было не очень достать в бумаге, а с электронкой почему-то не сложилось), а потом – в рукописи, спасибо Андрею Георгиевичу, – третий текст из этой его метавселенной (если не считать вот «Дюну» и рассказы), на сегодня – «Челтенхэм». Гигантский роман, который у меня пошел просто вот влет. И очень порадовался, когда Сережа Шикарев номинировал «Челтенхэм» на «Новые горизонты», и когда «Челтенхэм» взял премию, и в 2019 году вышел книгой.

А я тогда написал на «Горький» об этом деле «Ритм в бесконечности туннеля» (<https://gorky.media/context/ritm-v-beskonechnosti-tunnelya/>). И вот сейчас открыл «В направлении Окна» – и потянуло бросить всё и перечитать. И «Реквием», и «Челтенхэм» заодно.

Николай Каравев



LEGENDARY



Лучший в мире фантаст Нил Стивенсон может все-таки дожждаться экранизации: Legendary TV готовится (<https://deadline.com/2024/08/legendary-tv-adapt-seveneves-sci-fi-novel-1236030236/>) снимать сериал по роману Seveneves.

Смущают тут несколько обстоятельств: малоопытность шоураннера, тихий слив предыдущего намерения экранизировать роман силами куда более маститой команды фильма «Apollo 13» с Ронном Ховардом во главе, а также техническая сложность и, э-э, хейтоемкость самой книжки (кто читал эту замечательную историю про гибель человечества и спасение его ошметков на околоземной орбите, тот первую строку третьей части не забудет и не простит).

Ну да пусть хоть с чего-нибудь начнут уже.

Шамиль Идиатуллин

Сегодня отмечаем 120 лет со дня рождения Клиффорда Саймака, отца-основателя современной фантастики

Клиффорд Дональд Саймак – один из крупнейших американских фантастов – родился 3 августа 1904 года в штате Висконсин (не случайно именно там происходит действие многих его произведений).



Учился в Университете штата Висконсин в Мадисоне, но не окончил его. Работал репортером и редактором отдела новостей в городской газете Миннеаполиса (шт. Миннесота), где и прожил всю жизнь.

Хотя первый свой научно-фантастический рассказ Саймак напечатал в 1931 году, признание пришло к нему позже – в конце 30-х годов, когда он начал активно сотрудничать с журналом «Эстаундинг», редактором которого был Джон Кэмпбелл. Вместе с Азимовым, Ван Вогтом, Дель Реем, Катнером, Старджоном, Ханлайном, которые печатались в журнале Кэмпбелла, Саймак считается отцом современной американской научной фантастики, а благодаря этим писателям период с конца 30-х до второй половины 60-х годов по праву называют «золотым веком» фантастики США. Российскому читателю имя Клиффорда Саймака известно с 1957 года, когда на страницах журнала «Знание-сила» был опубликован его рассказ «Однажды на Меркурии». С тех пор на русском языке вышли его романы «Всё живое...», «Почти как люди», «Заповедник гоблинов», «Город», «Кольцо вокруг Солнца» и многие другие.

С начала 60-х годов Саймак переключился в основном на написание романов, наиболее значительным из которых является «Пересадочная станция» (1963), также удостоенная премии «Хьюго», однако другие его книги того времени – «Что может быть проще времени» (1961), «Почти как люди» (1962), «Все живое» (1965) не слишком ему уступают. В 1968 году выходит знаменитый роман «Заповедник гоблинов», почти сразу же переведенный на русский язык и ставший чрезвычайно популярным среди советских любителей фантастики. Романы Саймака, опубликованные в 70-80-х годах, заметно уступают ранее опубликованным. Наиболее значительными из них являются «Выбор богов» (1972), «Наследие звёзд» (1977), «Пришельцы» (1980). Рассказ «Грот танцующих оленей» (1980) удостоен премией «Хьюго» и «Небьюла».

Отличительная черта творчества Саймака – вера в разум, в доброе начало в человеке и человечестве, призыв к миру и единению всех, кто живёт на планете Земля и с кем ещё, возможно, встретятся земляне. Свыше тридцати романов, сборников повестей и рассказов, многочисленные литературные премии, в том числе и самая престижная в американской фантастике премия «Хьюго», лауреатом которой Саймак становился неоднократно, – таков итог более чем пятидесятилетней творческой деятельности этого патриарха научно-фантастического жанра.

В 1976 году Ассоциация американских писателей-фантастов удостоила Клиффорда Саймака титулом «Гранд-мастер». В этом же году писатель вышел на пенсию. 25 апреля 1988 года скончался.

Алексей Севериан

Сказку про Русалочку знают все, а те, кому больше по душе первоисточник, должны помнить, что начинается история не с любви к принцу, а с тяги ко всему людскому. У людей, как выяснила Русалочка, есть то, чего нет у нечисти – бессмертная душа.

Страдания бедной морской девы – далеко не единственный сюжет про то, как нечисть обрела душу; и нет, сейчас речь пойдет не про Ундицу и вообще не про море.

Предупреждаю: это тоже крайне печальная повесть.

Жил-был во Флоренции некий синьор ди Тибальдо, который вел внешне благочестивую жизнь и соблюдал положенные христианину заповеди, однако на самом деле у него был крайне омерзительный характер, благодаря коему он преуспел в умении делать своих близких глубоко несчастными, превращая их самую незначительную оплошность в преступление, способное пошатнуть сами основы бытия. А близких этих было шестеро – славные, добрые и честные дети, три сына и три дочери. За всю свою жизнь ди Тибальдо не удостоил их ни единым добрым словом, но они, воспитанные в духе сыновней и дочерней почтительности, стойко терпели его безобразное поведение.

И вот однажды отпущенный ди Тибальдо срок земной жизни почти истек. В предсмертный час дети, как полагается, были рядом с ним, но присутствовал еще один человек – друг семьи, великий волшебник Вергилий (да-да, тот самый). Он-то и увидел свидетеля, коего никто другой заметить не мог – мелкого демона по имени Бальсабо, который прожил на белом свете почти тысячу лет (таков срок жизни нечисти – важная деталь, запомните ее) и за все это время усвоил лишь одну истину:

все в этом мире лишь суета, а добро и зло – понятия взаимозаменяемые, зависящие от обстоятельств. Такой образ мыслей привел к тому, что Бальсабо выгнали сперва из Ада, потом из Ватикана; в общем, был он среди себе подобных настоящим отщепенцем.

– А не хочешь ли ты войти в это тело и стать на некоторое время отцом семейства? – спросил Вергилий на тайном языке.

– Хоть сию секунду! – откликнулся демон. – Вот уж я повеселюсь!

Так и получилось, что душа ди Тибальдо покинула свое вместилище (ее тут же схватил другой демон, коему было поручено собирать души умерших, надавал тумачков, нацепил оковы и сунул в мешок, а после унес куда-то – лучше нам не знать, куда и зачем, замечает флорентийский рассказчик, и с ним стоит согласиться), а демон Бальсабо тотчас же занял освободившееся место. С точки зрения детей это выглядело так, словно их мерзкий папаша сперва затих, а потом вдруг ожил, вскочил и воскликнул, сияя: «Ну что, негодяи? Я снова с вами!» И они сразу же зарыдали от вполне понятных чувств.

Дальше, однако, все сложилось совершенно не так, как предполагали дети. Для начала «ди Тибальдо» потребовал в честь своего чудесного выздоровления устроить пир горой, и когда старшая дочь Бьянка заметила, что это будет очень дорого, велел денег не считать и вообще приготовиться к тому, что отныне в доме часто будут принимать гостей. По сравнению с предшествующими событиями, когда за лишний бокал разбавленного дешевого вина сыновья и дочери получали от скряги-отца жестокий выговор с обвинениями в чревоугодии и прочих грехах, это было, мягко говоря, неожиданно. А что подумали сыновья и дочери, когда «ди Тибальдо» велел принести свой сундук со сбережениями

и выдал каждому кругленькую сумму на смену гардероба и прочие житейские радости, можете сами догадаться. Бальсабо не остановился на достигнутом и предложил детишкам сыграть в карты; в итоге он вышел победителем, вследствие чего не вставая из-за стола обучил их жульничать.

Короче говоря, жизнь почтенного и уважаемого семейства сделалась до такой степени бурной, что сыновья и дочери, ранее тайком мечтавшие о более веселых временах, стали в свой черед читать Бальсабо нотации, объясняя «отцу» – который, видимо, после недуга повредился умом, – что то-то и то-то делать нельзя, ибо это неприлично, аморально и не подобает хорошему христианину. Демон от таких вещей, вы не поверите, испытывал истинное наслаждение: он видел в поведении юношей и девушек свидетельство того, что этим людям его персона не безразлична. Выслушивая деликатные нравоучения «детей», он покорно опускал взгляд и искренне вздыхал: простите, родные мои, виноват, был неправ, погорячился.

Впервые за без малого тысячу лет Бальсабо ощутил, что его... любят.

Особенно близкие отношения у него сложились с Бьянкой. Так уж вышло, что она была больше всех остальных детей настроена на учебу и любила читать разные мудрые книги. И именно Бьянка заметила некоторые дополнительные странности в поведении отца: например, ди Тибальдо после чудесного выздоровления стал понимать языки, которых раньше не знал, а еще время от времени говорил о давным-давно умерших персонах так, будто был с ними лично знаком. Она не сразу поняла, какой вывод из этого следует, но в конце концов – спустя несколько лет – явилась к другу семейства, Вергилию, и решительно потребовала рассказать всю правду о случившемся.

Вергилий подтвердил догадки девицы: да, прощательное, отзывчивое и удивительно доброе (!) существо в облике ди Тибальдо на самом деле было не ее отцом, а одним из элементарей, стихийных духов. А вот о чем Бьянка не могла знать, так это о сроке жизни Бальсабо, который почти истек.

– Будучи созданием не злым и не добрым, он должен был спокойно превратиться в ничто, ибо таков жребий его народа. Но ты, твои братья и сестры – вы показали ему, что такое любовь и чувство долга, так что теперь он умрет в печали, осознавая свою утрату.

– Неужели его нельзя спасти?

– Можно, – ответил Вергилий. – Но лишь в том случае, если кто-то пожертвует своей жизнью, когда его тысячелетний срок завершится. И тогда две души вознесутся как одна в тот мир, где нет ничего, кроме вечной любви.

– Что ж, – сказала Бьянка, – я доведу до конца дело, которое начала.

С этими словами она покинула Вергилия.

Через некоторое время Вергилий и Бальсабо встречались, и демон приветствовал волшебника с печальной улыбкой на устах.

– Песок в моих часах почти весь просыпался, хозяин, – проговорил «ди Тибальдо». – Еще денек-другой – и солнце скроется за горным хребтом моего бытия, чтобы больше никогда не взойти.

– Понравилось ли тебе время, проведенное в облике человека?

– Было славно ощутить любовь детей, – ответил демон. – Я испытал великую радость и многое узнал – о да, слишком многое, чтобы быть счастливым. Когда я был невежественным дитем воздуха, земли, огня и воды, мне неведомы были различия между добром и злом, я не имел ни малейшего представления о душе и вечной жизни, а теперь

я все это изведаль посредством любви и понял, что оно не предназначено для меня.

– Не спеши с выводами, – сказал Вергилий. – Тот, кто научился любить, сделал первый шаг на пути к вечности.

И вот настала ночь, когда волшебнику сообщили, что тот, кого флорентийцы знали под именем ди Тибальдо, умирает – и что его дочь Бьянка тоже не доживет до утра. Вергилий выглянул из окна своей башни, что стоит над рекой Арно, и его взгляду открылось поразительное зрелище: невероятно красивые призрачные образы мужчины и девушки, озаренные розово-золотым сиянием, возносились все выше, а откуда-то издалека доносились звуки арфы и голоса, поющие о вечной любви.

Их вознесение сопровождалось дождем из розовых и лилейных лепестков, и Вергилий увидел, что каждый такой лепесток, постепенно выцветая, не исчезал насовсем, а превращался в дух, который входил в новорожденное дитя, и дух этот был самой жизнью.

– Сладка твоя песнь, Дух Божий, – проговорил Вергилий, когда отзвучала последняя нота и видение растворилось во тьме. – Даже самый низший демон может быть спасен благодаря Любви.

Наталья Осояну



Та самая башня во Флоренции.

Наталья Осояну

Человек в ленте пишет цитату Рэя Брэдбери про август. Указывает автора, указывает значок «(с)».

«Сами писали? – интересуются в комментариях. – Ошибочки есть, но неплохо».

Екатерина Каретникова



Дэн Симмонс «Мерзость»

Жанр: Триллер

Оценка: 8/10

Увидев аннотацию к «Мерзости», я поначалу подумал, что наконец нашел удачного преемника так полюбившегося мне «Террора». Когда-то подобные ожидания я возлагал на «Голод» Алмы Катсу. В тот раз, как впрочем и сейчас, моим мечтаниям не суждено было сбыться. Но обо всем по порядку.

В центре сюжета экспедиция Джорджа Мэллори и Сенди Ирвина по покорению Эвереста, трагически оборвавшаяся в 1924 году. На фоне гибели двух именитых альпинистов осталось практически никем незамеченным исчезновение ещё одной экспедиции, которую возглавлял молодой лорд Персиваль Бромли. Скорбящая леди Бромли отправляет

на поиски пропавшего сына спасательную экспедицию. Надежды практически нет, но женщина готова на многое, лишь бы найти хотя бы тело сына.

Симмонс с присущей ему скрупулезностью описывает мельчайшие детали подъёма на вершину Эвереста. Постепенно мы все больше узнаем об альпинистском снаряжении, терминологии, методах подъёма и даже быта. Все это помогает проникнуться духом происходящего. В чем всегда был силен автор, так это в создании нужной атмосферы. Постоянный холод, огромные физические нагрузки, разреженный воздух, опасность, идущая по пятам, помогают проникнуться приключениями персонажей. Одновременно с этим, Симмонс иногда излишне углубляется в терминологию, отвлекаясь от основного сюжета. Во всем должна быть золотая середина, и порой автору не удается ее придерживаться.

По стилистике роман выдаётся автором за мемуары главного героя, записанные перед смертью. Главный герой, Джейк Перри, предстает в романе молодым американским скалолазом, мечтающим о новых вершинах. Под конец жизни он обитает в доме престарелых, пребывая в мире воспоминаний о прошлых приключениях. Дэна Симмонса он встречает случайно и с самого начала поражает своей харизмой и силой характера. На момент экспедиции 1925 года он проходил подготовку в горах Европы вместе со своими друзьями. Так как повествование ведётся от первого лица, автору удается хорошо передать внутренний мир героя. Он жаждет славы и приключений, не страшится опасностей и тягот высокогорного восхождения.

Руководит экспедицией по спасению Перси Бромли Ричард Дикон – ветеран войны и поэт. Это чрезвычайно целеустремлённый человек, грезящий первым покорить Эверест. Ни для кого не се-

крет, что именно восхождение на самую высокую точку планеты является истинной целью экспедиции. Дикон показан в романе сложным человеком с богатым прошлым. Ещё один участник экспедиции, Жан-Клод Клэру, является членом альпинистского сообщества «Гиды Шамони». Несмотря на молодость, Жан-Клод является опытным альпинистом и часто выступает автором нестандартных решений при подъёме. Именно он предложил использовать многие из новшеств, использованных в экспедиции. Уже в Индии к экспедиции присоединяются ещё два участника. Леди Реджи Бромли-Монфор, родственница погибшего Перси, не является новичком в восхождении. Несмотря на предвзятое отношение коллег-мужчин, она ничуть не уступает им в мастерстве скалолазания. Ее помощник, Пасанг, играет роль своеобразного сверхчеловека. Все, за что бы он не брался, у него получается лучше всех. Он необычайно силен и вынослив, безусловно образован, воспитан, имеет прекрасные навыки врача и альпиниста. При этом его характер не прописан абсолютно – персонаж функция.

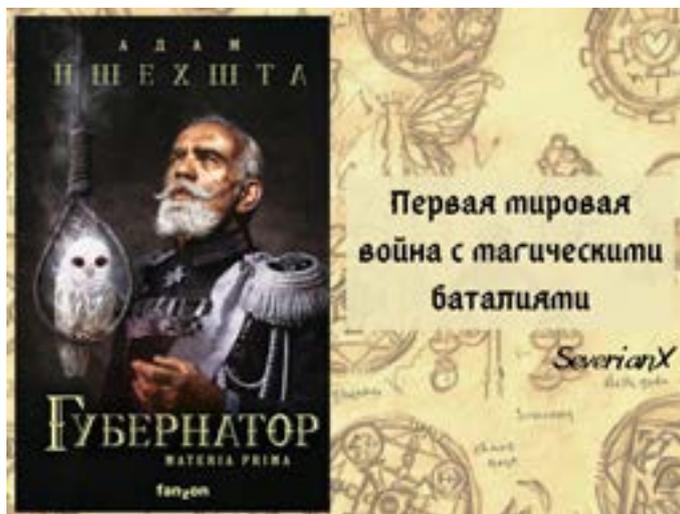
Хотелось бы отметить несоответствие аннотации содержанию. Нам с самого начала намекают на мистику, которой по факту тут нет. В этом кардинальное отличие от «Террора», который не играет с ожиданиями читателей. А ведь сколько было у «Мерзости» возможностей стать прекрасным мистическим триллером в интересном антураже.

Минусом для меня стала и сама идея с компроматом на Гитлера. Слишком уж она вымученная и неправдоподобная. Шпион, косящий под гомосексуалиста, разращение еврейских мальчиков, карательная экспедиция преданных нацистов – все это непроработанно и выпадает из общего сюжета.

Итог: На мой взгляд, роман получился спорным. У него очень затянутое начало и невыразительный

конец. Заметно, что Дэн Симмонс пытался вернуться к успеху «Террора», но при этом избежать самоповторов. В данном случае ему не удалось ни то, ни другое. Название «Мерзость» отсылает нас к мерзости человеческой, а не потусторонней, как можно было бы предположить из аннотации. Рекомендовать роман всем однозначно я не могу, слишком уж он противоречивый.

Алексей Севериан



Адам Пшехшта «Губернатор»

Жанр: Городское фэнтези/Технофэнтези

Оценка: 8/10

«Губернатор» – второй роман из цикла Адама Пшехшты «*Materia Prima*». Могу сразу сказать, что он очень похож на «*Аденга*», сохраняя как сильные, так и слабые стороны первой части.

В своем цикле автор великолепно воссоздал атмосферу Российской Империи XX века. Среди альтернативной истории мы встречаем реально существовавших личностей. Однако, если в первой части они были по большей части лишь декораци-

ями, то во второй начинают играть значительные роли. Появляется ещё больше отсылок к различным историческим событиям.

Сначала пара слов о сюжете. В разгаре Первая мировая война. Российская империя постепенно теряет позиции. Варшава оказалась под властью немцев. Со сменой власти в городе также поменялось немало. Вылазки в анклавы практически прекратились. Отель Олафа хотят присвоить себе немецкие офицеры. В это время в Варшаву приходит письмо от императора Николая II, в котором он просит срочно доставить к нему нашего героя-алхимика. Дело в том, что состояние царевича Алексея заметно ухудшилось, и традиционные средства не помогают. Таким образом Олаф становится пешкой в политической игре, и эта роль его совсем не устраивает. Немцы хотят добиться временного перемирия с Россией, т.к. на западном фронте в конфликт вступают англичане. Император же желает спасти своего сына. Во время предыдущего посещения дворца Олаф сумел помочь Алексею, при этом настроив многих влиятельных людей против себя. Сейчас же он оказывается втянут в политический заговор, корни которого тянутся далеко за пределы дворца. В это же время в столице служит генерал Самарин. Его задача охранять императора, в чем их с Олафом цели полностью совпадают. В остальном же идеологические взгляды разводят их по разные стороны баррикад. Самарин – верный подданный Российской Империи, а Рудницкий – патриот своей страны, которая наконец-то получила возможность обрести независимость. Удастся ли друзьям остаться таковыми в столь непростых обстоятельствах? Политические интриги все больше и больше затягивают героев. Рудницкий всегда старался держаться от них подальше, но не смог остаться равнодушным, когда на кону стоит судьба его родины.

Самарин, напротив, хочет отойти от дел и завести семью. Однако долг не даёт ему сделать это.

Экшена в «Губернаторе» стало не меньше. Будут здесь и масштабные боевые действия, и походы в анклав, сопряжённые с огромным риском. Анклавы, несмотря на всю опасность, остаются важным источником Первичной Материи и символов, дающих силу магам. В боевых действиях магия становится не менее важна, чем оружие, а маги и адепты представляют собой грозную силу в бою. Адам Пшехшта показывает нам, как бы могли развиваться военные действия в нашем мире при наличии магии.

Постепенно мы все больше узнаем об анклавах. Меняется само восприятие демонов. Они больше не бездушные монстры, а разумные существа со своими амбициями. Далеко не все желают смерти людям. Среди них есть свои фракции с разными целями. Больше мы узнаем и об иерархии демонов. Встретимся с одним из высших, носящих имя ветхозаветного ангела.

Персонажи прописаны по-прежнему отлично. Речь не только о Самарине с Рудницким. Все больше сюжетного времени получает «кузина» алхимика – Анастасия. Она хочет предотвратить вторжение шептунов, которые могут разорвать наш мир на части. На фоне подобного катаклизма все людские конфликты кажутся незначительными.

Итог: В «Губернаторе» ставки в игре все больше возрастают. Здесь уже не идёт речь о местечковых интригах алхимических гильдий – как-никак в войне участвуют две сверхдержавы. На горизонте маячит ещё большая опасность в виде вторжения могущественных демонических существ. Автор умело развешивает «ружья», которые должны выстрелить в финальном романе. Я же перехожу к чтению третьей части под названием «Тень».

Алексей Севериан

Прочитал первый сборник Майкла Бонда про медвежонка Паддингтона, много думал. Свои соображения о колониализме оставлю за кадром (пока или вообще), скажу только, что несколько забавно (если это слово тут уместно) наблюдать, как некая не очень хорошая система координат отражается в детской классике и преобразуется в ней – вольно или невольно: кроме цикла о Паддингтоне, который изначально о *нелегальном мигранте*, это ведь и цикл о Тинтине – который начинался как антисоветский и продолжился как колониальный, причем настолько ни в какие ворота, даже несмотря на поздние переделки, что первый вариант «Тинтина в Конго» в Бельгии переиздается теперь, прямо как «Майн Камф», с комментариями и в коробочке, в Конго название комикса – политический мем, и много где книжку либо требуют запретить, либо ограничивают к ней доступ. Это всё не имеет никакого отношения к медвежонку Паддингтону, конечно, – у Майкла Бонда своя история.

Меня чуть удивили два переводческих решения. Во-первых, Дремучее Перу, откуда Паддингтон приезжает в лоно мировой цивилизации. В оригинале это Darkest Peru (вспомнил, кстати, что так назывался один из ЖЖ Кэтрин Валенте, она хотела публиковать там какие-то фрагменты, кажется, но дело не пошло), и эти слова, как пишут, результат глупой ошибки. Изначально Паддингтон был мигрантом-африканцем и происходил из Darkest Africa, но литагент справедливо указал Бонду, что в Африке медведи не водятся. Так появилось «темнейшее» Перу.

Выражение darkest Africa между тем – совершенно колониальное, чуть не викторианское еще, оно означает глубинную часть континента, отсылая сразу и к непроходимым джунглям, и к полному варварству, и, думаю, к самому темному цвету

кожи тоже; типа Северная Африка – еще какая-то цивилизация, а в darkest Africa лучше и не соваться. (Следы концепции есть, например, в цикле о Тарзане Эдгара Уильяма Берроуза, насколько я помню.) Darkest Africa – это и киносериал 1936 года, и послевоенный диснеевский комикс. По-русски это всегда была Темная Африка. Могла ли она быть Дремучей?.. Вот я не знаю. Коннотации соблюдены, но в Темной Африке (и Темном Перу) есть своя (колониальная, но при этом вселяющая уважение и даже страх) романтика, а Дремучее Перу – это просто какие-то глубоко провинциальные ебень с дремучими, то бишь умственно непродвинутыми обитателями. Семантика слова «дремучий» в русском такая. Не очень совпадающая с darkest в английском.

Еще почему-то венгерский иммигрант мистер Грубер стал мистером Крубером по-русски. Чтобы не было ассоциации с «грубым»? А точно эта ассоциация возникла бы? (В том, что Александра Викторовна Глебовская знала, что делала, я не сомневаюсь – она блестящий переводчик с минимум пяти языков. Просто я не понимаю, что.)

Буду дальше читать и, если получится, думать.

Николай Караев

Между тем, пока мы спали, в штате Юта во всех несчастных школах запретили в библиотеках чертову дюжину книжек за «порнографический или иным образом непристойный контент»; больше половины – ясно дело, что фантастика.

Конкретно – аж шесть романов Сары Дж. Маас, весь цикл «Королевство шипов и роз» (пять книг) и почему-то только «Империя бурь» из цикла «Стеклянный трон», а также – фанфары – «Орикс и Коростель» Маргарет Этвуд.



Ну, за что можно запретить Этвуд, я примерно понимаю (и, если нужно мое частное мнение, это отличная книга как феномен прозы – и, как ни жаль, крайне вторичное и посредственное НФ). А вот за что в штате мормонов запрещать Сару Дж. Маас? Что она такого страшно-го пишет? Я не читал. (И не планирую.)

Николай Караев

Русская обложка первого издания «Орикс и Коростель» остается одним из кошмаров российского книгоиздания всех времен, как по мне, а уж что бы сказали в штате Юта...

Николай Караев



Пару месяцев назад подрядился написать статью о покойном Виталии Пищенко и ВТО МПФ (всесоюзном творческом объединении молодых писателей-фантастов) для одного общекультурного молодежного издания. Но стоило закопаться в материалы, стало ясно: не пойдет. Слишком много всего придется объяснять, чтобы понятно стало, в чем там фишка.

Ведь не напишешь просто: «после постановления «О расширении прав и самостоятельности издательств и совершенствовании тематического планирования»...» – читателю надо сперва растолковать, что такое советское тематическое планирование, какой была и какой стала книгоиздательская практика после этого постановления и все такое прочее.

Не напишешь: «ВТО МПФ выпускало не только Щербакова и Медведева, но и Кудрявцева, Лукиных, Логинова» – надо рассказать, кто все эти люди и чем Леонид Кудрявцев отличался от Владимира Щербакова.

Не напишешь «Виталий Пищенко боролся с советским дефицитом бумаги такими-то и такими-то способами» – откуда вдруг в стране самого вкусного в мире эскимо дефицит бумаги?!

То есть без контекста совершенно непонятно, о чем вообще разговор, чем Пищенко и ВТО важны и интересны для истории литературы. А если залезть в контекст, читатель со скуки помрет, прежде чем до сути доберешься. Нет общего понятийного поля, размеченного узнаваемыми маркерами. Когда говоришь: «Алексей Толстой!» – и читатели такие: «Ооо!». Или там: «Катаевская «Юность»!» – и все в ответ: «Ыыы!». Бросил пару слов – и причинно-следственные цепочки сами собой в голове выстраиваются. С фантастикой надо каждый раз начинать заново, с азов. А это, мягко говоря, не для

каждого издания подходит. Да и задалбывает бесконечное повторение.

В итоге написал о другом новосибирском писателе-фантасте (и не только фантасте), который сам по себе интересен, как отдельная фигура вне «жанрового» контекста. Зато пока копался в архивах Евгений Терон поделился фоткой анкеты, которую заполнял Виталий Пищенко в 1980-м году при вступлении в новосибирский КЛФ «Амальтея». Обратите внимание, какие там у него любимые авторы и любимые книги. Для некоторых – тех, кто в теме – полагаю, станет сюрпризом.

БВИ: К сожалению, факсимиле анкеты не будет читаться, поэтому привожу здесь несколько пунктов:

6. Ваши любимые советские авторы: бр. Стругацкие; И.Ефремов, А.Грин.

8. Ваши любимые книги: все книги Стругацких, «Туманность Андромеды» Ефремова, «Бегущая по волнам» Грина, «И не осталось никого» Расселла и др.

9. Назовите лучшее на Ваш взгляд НФ произведения 1980 года: «Жук в муравейнике» бр. Стругацких.

10. Назовите несколько интересующих Вас тем для обсуждения в 1981 году:

– фантастика бр. Стругацких

– отрицательный герой в советской НФ

Дата: 25.XII.80

Василий Владимирский

5 августа:

Януш Ковальчик

Лица и маски Станислава Лема

<https://culture.pl/ru/article/lica-i-maski-stanislava-lesa>

Еще одна небольшая статья, которую можно назвать собранием всяких интересностей из биографии Лема: начиная от любви к сладостям

и автомобилям и заканчивая сложным отношением к собственному литературному творчеству и религии.

В подтверждение последнего в тексте есть цитата, которую я до этого не видела, но она мне очень понравилась:

«Я атеист по моральным причинам. Я считаю, что писателя мы узнаём по его делам. По моим ощущениям, мир построен безнадежно, и я предпочитаю верить, что никто его не сотворял!»

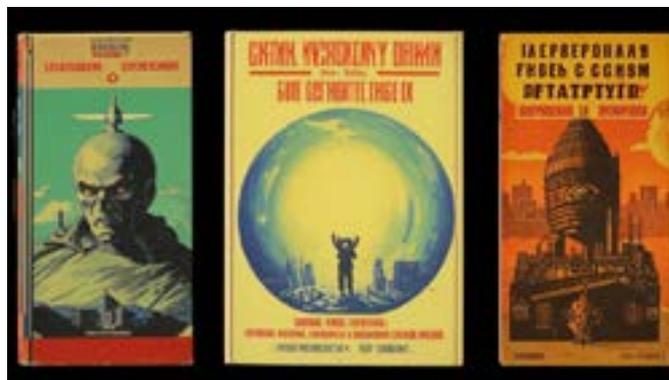
Инар Искендрова



75-летний писатель Джордж Мартин во время общения с фанатами рассказал, что прямо сейчас НВО работает сразу над семью спин-оффами «Игры престолов». Причем в это число не входят «Дом дракона» и «Рыцарь Семи королевств» (выйдет в конце 2025 года).

О том, как продвигается работа над книгой «Ветра зимы» (из цикла «Песнь льда и огня»), выхода которой читатели ожидают с 2011 года, Мартин ничего не сказал.

Николай Подосокорский

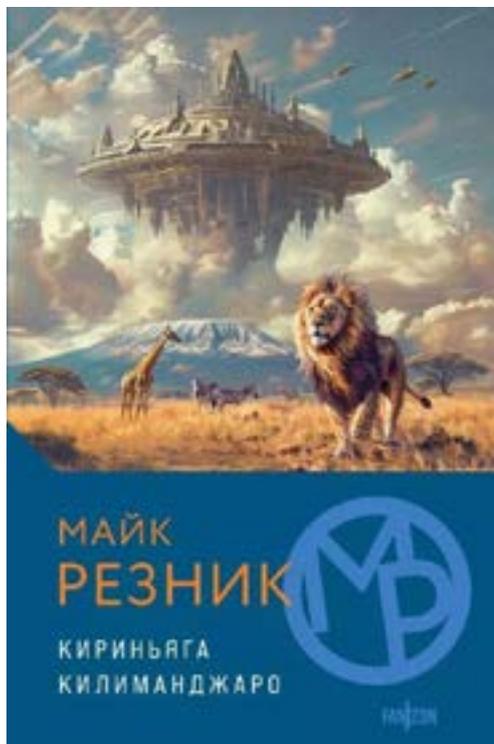


ААА!!! «Кандинский» сгенерил вот такое по запросу «История советской фантастики». Он явно знает что-то такое, чего не знаю я.

Василий Владимирский

Читаю (местами перечитываю) «Кириньягу» Майка Резника, про прекрасную кенийскую утопию, где облеченные властью зрелые мужчины отводят стариков в лес, чтоб тех съели шакалы, отдают девочек замуж, отказываются от услуг современной медицины – потому что таковы обычаи отцов и заветы предков. Еще они, облеченные властью, очень любят говорить о себе во множественном числе: «мы», «наши» – хотя, конечно, правом голоса там на самом деле мало кто обладает. Причем главный герой искренне считает этот негритянский ад утопией (автор – нет). Красиво – не зря цикл повестей и рассказов Резника собрал какой-то прямо фантастический урожай премий. Потом расскажу подробнее.

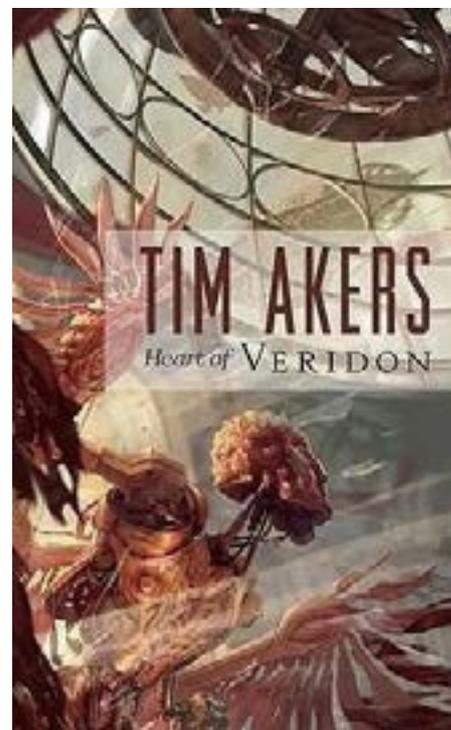
Но я о другом. Первый рассказ, из которого позже сложился этот роман в рассказах, собственно «Кириньяга», написан для тематической антологии под редакцией Орсона Скотта Карда. Войти туда должны были тексты о разных таких



вот «неоднозначных» утопиях. Ну, мы все хорошо знаем, куда ведет дорога, усталая благими намерениями и как часто утопия по щелчку пальцев превращается в свою прямую противоположность. Так вот, Кард придумал гениальный по простоте выход, такой аварийный клапан, чтобы утопия оставалась утопией – даже вот такая, с шакалами, изнурительным ручным трудом и ранней смертью от любой царапины. На каждой планете, где реализован какой-нибудь вариант «идеального» общества, существует Приют: любой, кому стало невмogu в этом прекрасном мире будущего, может туда обратиться, и его заберут через несколько часов в мир с нормальной стоматологией и доступными продуктами. Поздние рассказы из цикла не читал,

заинтригован: оттуда в итоге все разбегутся, с этой Кириныяги? Отличная книжка, без шуток. Местами даже остроактуальная.

Василий Владимировский



Моя старая рецензия на первую книгу «Веридона»: Веридон – огромный мрачный город, расположенный на берегу реки, на самом краю грандиозного водопада. Жизнь этого города руководят три силы: новая и старая аристократия, борющиеся за места в Городском Совете, а также Церковь Алгоритма, причём последняя является самой могущественной из всех по той причине, что именно служители Церкви вылавливают из реки приплывающие невесты откуда загадочные механизмы,

изучают их и находят им применение. Именно Церковь Алгоритма, основанная около ста лет назад, позволила многим жителям Веридона ошестериться и подарила им множество полезных вещей, включая прекрасные, могучие цеппелины.

Главный герой – Джейкоб Бёрн – должен был стать Пилотом такого цеппелина. Сын одного из членов Городского Совета, один из тех золотых мальчиков, чьи жизни предопределены с рождения, он обучался в Академии и наслаждался жизнью, не догадываясь о том, что первый же его самостоятельный полёт закончится страшной катастрофой, за которой последует изгнание из семьи и вечный позор. Джейкоб упал на самое дно и выжил благодаря двум вещам: природному упрямству и сердцу – искусственному, как и у всех Пилотов. («И вместо сердца – пламенный мотор», да-да-да. В самом прямом смысле.)

А потом обстоятельства сложились так, что он снова оказался на борту падающего цеппелина. И хотя на этот раз в случившемся не было вины Джейкоба Бёрна, падение стало лишь первым звеном в длинной цепи событий, связанных не только с жизнью бывшего Пилота, а ныне – подручного одного из самых влиятельных королей веридонского преступного мира, но также и с судьбой всего Веридона, с его прошлым, настоящим и будущим. Ключевым звеном в этой цепи окажется странная шестерёнка (хотя стоит отметить, что в мире Веридона все шестерёнки странные и все – больше, чем просто шестерёнки), которая по разным причинам нужна всем, включая самого Джейкоба, потому что от неё теперь зависит, останется ли он в живых или умрет.

Открывая эту книгу, приготовьтесь к тому, что автор ничего не будет объяснять, и нужную информацию вы будете вылавливать из текста по ходу

дела, как жрецы Алгоритма вылавливают из реки подарки неведомых богов – по частям, не имея ни малейшего понятия, как соединить деталь А с деталью Б, и сколько вообще должно быть деталей. Действие развивается очень быстро (первая же фраза – «Я был на борту «Триумфатора», когда тот рухнул с небес на землю...» – задаёт нужный темп), и происходящее поначалу выглядит очень запутанным. Да и потом легче не станет, ведь герои, в полном соответствии с присущей нуару «мрачной атмосферой циничного фатализма и пессимизма», постоянно интригуют, врут, предают, нарочно запугивают и запугивают друг друга.

Мрачность, цинизм и прочее усиливаются тем, что в свихнувшемся мире «Сердца Веридона» широко используется упоминавшееся выше ошестерение, и многие люди на самом деле уже не люди или не совсем люди. Сам Джейкоб, как уже было сказано, должен был стать Пилотом, поэтому вместо сердца и легких у него особые приспособления, к которым прилагается дополнительная «кровеносная» система, заполненная маслом, и благодаря этим усовершенствованиям он может вынести куда более серьезные ранения (или «повреждения?»), чем обычный человек. Пример ещё более глубокой трансформации – Летняя Девушка, живая песня и... ещё кое-что живое. В реке Рейне обитает народ утопленников, с которыми горожане ведут торговлю и договариваются о совместных действиях – например, обломки «Триумфатора» доставали со дна именно они. Также среди персонажей имеются те, кто людьми никогда не был – как, например, Уилсон из народа ананси, с которым у Джейкоба поначалу отношения складываются не лучшим образом. И, конечно, есть ещё Ангел, явившийся в Веридон за той самой шестерёнкой. Ангел, по сравнению

с которым меркнут все кошмары мрачного города на берегу мрачной реки...

По законам жанра, сюжет развивается очень динамично, положение героя меняется от плохого к худшему, и доходит даже до сцен, которые напомнили мне ожившие полотна Гигера (особенно это относится к внутреннему убранству Церкви Алгоритма и финальным трансформациям некоторых персонажей). Касательно идейной составляющей следует отметить, что «Сердце Веридона» в чем-то созвучно одному известнейшему рассказу Урсулы Ле Гуин (а в чем-то и полемизирует с ним, как мне показалось). Финал выдержан в соответствующем стиле, за что автор заслуживает отдельной благодарности.

Таким образом, рекомендовать «Сердце Веридона» я могу только ценителям мрачных и запутанных сюжетов – дарка, нуара и так далее.

Остальных потенциальных читателей предупреждаю: мрачно, страшно, местами цинично, местами кроваво.

Но до чего же мастерски написано...

Наталья Осояну

6 августа:

Я сегодня, мне кажется, совершил с утра маленькое литературоведческое открытие, совершенно не желая того, чисто ввиду своего проклятия ассоциативной памяти. Ну или сделал подступ к открытию. Кайлом и лопатой.

В общем, с утра на Фантлабе в теме «Эдмонд Гамильтон» выложили письмо Ивана Ефремова Владимиру Дмитриевскому от 13.01.58, в котором (письме) Ефремов режет правду-матку о «Звездных королях» – так что становится ясно, что он их очень

даже читал и они на него более чем повлияли (что секрет Полишинеля, ясен пень).

Если взять одного из наиболее крупных и прогрессивных писателей – англичанина Эдмонта Гамильтона (у нас печатавшегося – в «Технике – молодёжи»), то его наиболее крупная повесть «Звёздные короли» (1947) может быть характерной. В ней представлено человечество двести тысяч лет вперед от нашего времени, расселившееся по всей галактике. Фантазия очень широка и увлекательна, сюжет крайне динамичен, но социологическая основа весьма убога.

Средне-Галактическая империя, Лига Темных Миров, подобная фашисткой Германии, королевство Лиры, Бароны Геркулесова Роя... чего там только нет. Император Средне-Галактической империи ругается, как старый боцман, и разговаривает на «уровне» современного американского генерала. Заговоры, измены, подкупы, шпионаж, борьба за власть, колоссальная война, пытки и политические перевороты... во всём смесь средневековья и современности.

Тут, конечно, бросается в глаза вопиющая неточность Ефремова. Я как-то не ожидал, но, право, от ученого, имеющего дело с не совсем гуманитарной сферой (палеонтология, на секундочку), ждешь большего. Во-первых, не англичанин, а американец, во-вторых, не Эдмонт, а Эдмонд, в-третьих, с чего «наиболее крупная» (понятно, с чего: напрашивается как бы сам собой вывод, что Ефремов читал вот *всего* Гамильтона), в-четвертых, «фашистской» правильно.

Ну да ладно. Интересно не это, а продолжение письма. Там среди прочего Ефремов разоблачает «христианские» романы Ч. Льюиса, в которых Марс представлен планетой, где не было первичного «грехопадения», а Венера – наоборот – там

происходит непрерывное искушение венерианской Евы! так даже космо-техническая фантастика используется для чисто церковно-пропагандистских целей. Опять же, опознается тут совсем даже не Ч. (Ч. был Уильямс из инклингов), а К. С. Льюис – Клайв Стейплз. Еще там подвергаются критике Эрик Фрэнк Расселл, Чад Оливер, Роберт Хейнлейн (Хайнлайн, однако тут простительно – Heinlein’a, не зная броду, поди прочти), а также «Конец Детства» Артура Кларка, причем книга эта названа красивым, но глубоко пессимистическим романом о «супервизорах» Земли, пришедших из Космоса – то есть как раз тут, э-э-э, церковно-пропагандистские цели Иван Антонович упустил, хотя они там с рогами, копытами и хвостом, простите за спойлер первой части.

Но это тоже ладно. В сборнике переписки Ефремова, изданном «Вече» в 2016 году, составитель-комментатор О. А. Ерёмина добросовестно отловила и опознала почти все тексты и всех людей из этого письма. Кроме одного.

Один из ужасных сюжетов американской фантастики с ее военно-торгашеской идеологией Иван Ефремов описывает так:

Мир придёт к грозному концу – уничтожения всей культуры, иногда вообще всего человечества в результате неизбежной атомной войны как результата великих научных открытий – это одна из наиболее частых тем.

Таковы повести и рассказы Роя Бредбёри (у нас переведён наиболее «безобидный» «451 по Фаренгейту»), с глубокой ненавистью относящегося к науке, таковы «Воды Вавилона» Бенета, где молодой дикарь посещает страшные развалины Нью-Йорка, такова «Горсть пыли» Эвелин Вэн, где от всего человечества, его стремлений и чаяний остаётся

лишь горсточка белой пыли на оплавленных камнях обнаженной планеты.

Ну что. Рой Бредбёри – это Рэй Брэдбери, опять глухота к деталям, да и назвать «451 по Фаренгейту» рассказом из безобидных – это сильно (хотя насчет глубокой ненависти к науке... ну, видимо, да). «Воды Вавилона» Бенета верно опознаны в сноске как «рассказ С. В. Бене «На реках вавилонских» (By the Waters of Babylon, 1937)». Почти: все-таки «На водах...», и я бы добавил, что Ефремов не мог прочесть этот рассказ ранее 1943 года, потому что первая публикация была под другим названием.

А вот с Эвелин Вэн комментатор понятным образом затруднилась.

Но мы-то все понимаем, что, с учетом кошмарной путаницы в голове Ефремова, «Горсть пыли» + Эвелин Вэн дают только один правильный ответ. Который совсем неправильный. Но что делать.

«Пригоршня праха» Ивлины Во. A Handful of Dust by Evelyn Waugh, роман 1934 года... Нефантастический.

Ну то есть – я сегодня честно искал. Пробил все варианты имени «Эвелин» и все варианты «горсти» (handful, fistful, palmful...) по базе ISFDB. Ничего. Если кто знает или найдет – скажите, но я не нашел. Самое близкое – рассказ A Handful of Dust кого-то под псевдонимом Ivar Jorgensen в журнале Fantastic Adventures за октябрь 1951 года, но это был (а) невесть кто (под этим household name писали несколько человек, включая Роберта Сильверберга) – и (б) сам рассказ про какое-то морское чудовище, а не про горсточку белой пыли.

То есть – я не вижу альтернативы тут. Ефремов явно путает по-крупному кого-то (кого? ну, текстов про горсточку было до фи́га, я думаю, в ранние годы Холодной войны) с Ивлином Во. Не, у Во были фантастические тексты – а-ля «Любовь на развалинах». И спутать его пол было запросто по имени – просто

напомню, что жену Ивлина Во звали точно так же, как его, Evelyn, и их называли «He-Evelyn» и «She-Evelyn» поэтому. Ну и фамилия Waugh вполне могла перепутаться у Ефремова с фамилией, не знаю, композитора Воана-Уильямса (Vaughan Williams). «А у меня Мандриан», мало ли.

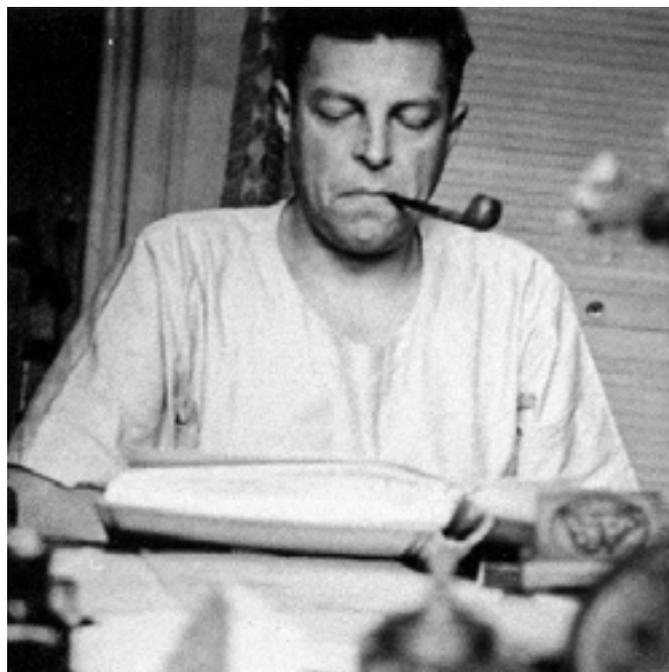
Но – не может же быть всё так просто. Я подозреваю, что дело было так: Ефремов помнил какой-то такой текст, видимо, с похожим названием. И, надо думать, полез куда-то с чем-то свериться – не знаю, может, он дневник читателя вел, или у него какая энциклопедия была. Полез, нашел вроде как нужное название и Ивлина Во, его и зафигачил в письмо.

Короче, я пытаюсь понять, как такой кульбит мог произойти. Потому что предполагать, что какая-то неопознанная фантастическая Эвелин написала примерно в те же годы текст с таким же названием, но другой («~~вот точно такой же миной, только меньше, но другой, дельфины, воевавшие на нашей стороне...~~»), – выше моих сил. А «восстановление черепа по лицу» – задача интересная.

Николай Каравев

На самом деле у меня, конечно, есть теория, которая всё объясняет. Я думаю, так Иван Ефремов запутывал органы. Была же версия, что Иван Антонович – британский шпион, что настоящего Ефремова подменили в Монголии (на эту тему написано много, отсылаю к «Туманности» (<https://flibusta.is/b/136264/read>) Андрея Измайлова). А как шибче всего доказать, что ты не британский шпион? Очень просто: перепутать Ивлина Во с хрен знает кем. ~~Вот так рассуждают британские шпионы – и прокальваются~~

А если серьезно, в том же самом письме представлена разгадка популярной в узких кругах загад-



ки отличия переводов «Туманности Андромеды» от оригинала. Письмо начинается так:

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера отправил Вам рукопись «Туманности». К сожалению, это не окончательная редакция, а средняя. В последней исправлена глава «Остров Забвения» – убран несколько «концлагерный» его оттенок, а также глава «Стальная дверь», где убрана вся сцена обвала пещеры и вообще дешевое приключенчество...

Николай Каравев

В скором времени начнётся работа над экранизацией научно-фантастического романа Нила Стивенсона «Семиевие».

Legendary Television приобрела права на создание сериала по мотивам этого произведения. Ранее



ходили слухи о съемках полнометражного фильма, но планы, похоже, изменились.

По сюжету романа Луну разрывает на несколько частей, все нации Земли объединяются для спасения человечества, которому угрожает гибель в том числе и от метеоритных потоков. На то, чтобы эвакуировать в космос как можно больше людей, сохранив таким образом вид, есть два года. Теоретически люди смогут вернуться на Землю через несколько тысяч лет. Но, как это обычно и бывает, всё идёт не по плану.

RocketMan

«Купите-купите-купите
Нашу прекрасную лампу!
Смотрите-ка: в ней Годзилла,
Что города разрушает!
Купите-купите-купите
Нашу прекрасную лампу!
Смотрите-ка: в ней акула
Съедает аквалангиста!
Купите-купите-купите
Нашу прекрасную лампу!
Смотрите: Звездой Смерти
Уничтожаем планеты!»



Я закрываю рекламу,
Я выключаю ноут,
Смотрю в голубое небо
Смотрю в голубое море,
Смотрю в голубые стёкла
Зданий на побережье.
Такие хрупкие стёкла.
Такие нежные люди.
Такою малою точкой
Планета летит в пространстве.

Я возвращаюсь к работе.
Соединяю буквы:
Изогнутый чёрный символ –
К другому, и снова, и снова.
Средь разрушений, и взрывов,
И захлебнувшихся криков –
Нет бесполезней дела.
И всё же, и всё же, и всё же:
Быть может, когда Годзилла

Помашет Звездой Смерти,
Среди железобетонных
Искорёженных блоков
Хоть как-то останутся строки,
Останется слепок дыханья,
Останется эта попытка
Сказать о любви...

...Вероятней,
Что будет в пыли валяться
Дурацкая эта лампа.

Танда Луговская



А у нас тут выходит антология эстонского фэнтези под названием *Põhja konn* – читается «Пыхья коннь», – то есть «Северное чудище». *Konn* вообще «лягушка», но речь об эстонской сказке, записанной и обработанной Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом (правильно «Кройцвальдом» или, как эстонцы произносят, «Крёйцвальдом», но момент давно упущен), там это зверь с телом как у быка, лапами как у жабы и хвостом как у змеи. Изображается он соответственно (справа – каноническая иллюстрация Г. Рейндорфа). В русском переводе сказка называется «Северный дракон».

Антология нехилая, 616 страниц, 26 текстов и статья составителя Рауля Сульби, из текстов четыре напечатаны до восстановления независимости

в 1991 году – та самая сказка Крейцвальда, рассказы классиков Фридеберта Тугласа «На краю света» (1917) и Антона Хансена Таммсааре «Карлик» (1922) и «Чудеса Гелиополя» (1964) Карла Ристикиви.

Остальное – тексты в диапазоне от 1991 до 2018 года и писателей от маститых (Рейн Рауд, Андрус Кивиряхк, Индрек Харгла) до совсем молодых.

Про Индрека Харгла я уже немного (<https://t.me/starlighthousekeeping/3076>) рассказывал, я его чуть-чуть переводил, но забавно, что переводил я и еще двоих из списка. Два романа Рейна Рауда – «Реконструкция» и «Смерть идеальной фразы». И фантастический роман Карла Ристикиви «Остров чудес», из которого, собственно, и взят отрывок «Чудеса Гелиополя», так что этот текст даже есть на русском, не уверен, правда, что сыщется легко – книга вышла в 2013 году в местном издательстве, в России есть у пары человек.

Николай Караев



Карл Ристикиви (1912–1977) заслуживает отдельного большого рассказа. Это, видимо, лучший эстонский писатель XX века. И если бы он писал на более распространенном языке, может, получил бы нобелевку. Ристикиви начинал как реалист, был замечен уже в этой ипостаси в 1930-е и начале 1940-х в Эстонии

(впрочем, одновременно с «Таллиннской трилогией» он писал детские книжки и сочинил альтернативно-исторический роман «По следам викингов» (1936)). В 1943 году, в разгар немецкой оккупации, Ристикиви бежал из Эстонии на лодке через пролив в Хельсинки, а оттуда в Швецию, где и прожил до смерти. И вот там он расписался: исторические романы, притча, фантастика, сатира, магический реализм. И всё это на эстонском (кроме детективного романа, сочиненного на шведском). На русский переведено немало, я сделал только «Остров чудес», это формально описание плавания группы средневековых людей на утопический остров Аллотрия, где есть вполне узнаваемые (нами) комиксы и мобильные телефоны (да, Ристикиви в 1964-м сумел), и сквозь эту Аллотрию проступает, конечно, Швеция 1960-х, страна странных чудес, в общем, роман прекрасный.

Николай Кареев



Рейн Рауд (род. 1961) – сын писателей Эно Рауда (книжки про накситраллей Муфту, Полботинка и Моховую Бороду, кроме прочего) и Айно Первик («Баба Мора», «Арабелла, дочь пирата»), окончивший питерский востфак японист, полиглот (он языков 50 знает, я думаю), – и писатель прекрасный. «Реконструкция» –

роман о человеке, пытающемся понять, отчего его дочь покончила с собой в составе некоей секты, которую, похоже, сама и создала; «Смерть идеальной фразы» – почти шпионский роман о начале 90-х в Эстонии: гэбэшники и борцы за независимость, герои и предатели, эстонцы и русские, – и как в этом круговороте гибнет кое-что главное.

Николай Кареев



Евгения Овчинникова, «Сквозь огонь»

Мистический триллер Евгении Овчинниковой не так прост, как кажется. Пейдж-тернер, полный загадок и недосказанности, оказывается к тому же и крепким психологическим романом. Саша, главная героиня, пишет сценарии для разных

ужастиков – то кино, то сборник веб-рассказов, – и делает это не просто так: в юности ее подруга покончила жизнь самоубийством, а потом тело пропало из морга... Подруга порой снится и видится Саше наяву; мать погибшей девушки сошла с ума, отказавшись принять правду. И вот однажды – звонок из родного города и простые слова по ту сторону провода: «Мы ее нашли». Но готова ли Саша вернуться к делам давно минувших дней и окунуться в прошлое, которое может оказаться страшном пожарищем памяти?

«Сквозь огонь» – роман, построенные по всем канонам мистических триллеров. За счет структуры – настоящее время здесь чередуется с флеш-бэками, – автор нагнетает интригу, вся сюжетная динамика сосредотачивается не столько вокруг реального экшена, сколько вокруг попытки разобраться – что же произошло на самом деле? Чтобы повествование не становилось слишком уж вялотекущим, Евгения Овчинникова наполняет его огромный количеством триггеров – они служат спусковым крючком, вызывающим те или иные воспоминания героини, – и сюжетных приманок, в числе которых много мистических (или не совсем мистических?) элементов.

Происходящее порой кажется чем-то на застывшем на грани между реальностью и выдумкой, между здравомыслием и помешательством – и читателю приходится выбрать точку зрения: чудятся ли героини странные вещи, или она видит их наяву? Рассказчик здесь не слишком-то надежен. К тому же, роман наполнен метафорами огня, жары, эти образы становятся сквозными и, более того, овеществленными. «Сквозь огонь» – книга о семейных и дружественных тайнах, где героине приходится разворошить обжигающее прошлое. Перед читателем буквально роман-психологическая-катастрофа,

однако все внутренние крахи и сомнения героев здесь сопряжены с катастрофами реальными – пожарами, бурями. И такой же катастрофой окажется финальный твист, к которому Евгения Овчинникова подводит неспеша и весьма филигранно.

Денис Лукьянов



Сборник рассказов с удивительным свойством – прочитала уже месяц назад, а несколько сюжетов до сих пор четко помню.

Наш российский полумагический хоррор, где есть, например:

- Человеческая женщина, рожаящая ребенка от медведя.

- Свадьба в фольклорно-народных костюмах, где в людях проснулись древние обычаи.

– Мертвая героиня, вернувшаяся с войны (но не совсем)

Стоит ли читать? Да!

Евгения Некрасова – «Золотинка»

Анна Фёдорова



В шорт-листе премии «Вавилонская рыбка» сплошь знакомые лица – среди переводчиков. Тут стоит напомнить, что «Рыбка» – единственная в России премия именно за перевод фантастики на русский. Есть еще одна, называется «Новые горизонты», но она – за сами переводные книги, не за работу транслейтера.

Почти все романы из этого рыбьего читал, один даже понравился. Но сильнее всего интригует «Пингвинья тропы» Томихико Морими. У меня на полочке стоит подборка японской НФ, до сих пор не прочитанной – все ждал повода за них взяться, может быть, даже сделать обзор. Ну вот, повод, похоже, появился.

Кстати, «Тропа» в 2010 году была отмечена Гран-при японской фантастики (第31回), а в 2011-м вошла в финал главной национальной жанровой премии «Сэйун» (第42回). Ну и одноименный аниме-сериал по книжке сняли (правда, говорят, с отступлениями от сюжета первоисточника). Короче, Томихико Морими – человек не простой, надо познакомиться. Александр Чанцев благословил.)))

Василий Владимировский



*“Хватит! Мы поймали!
Большой и очень опасный.”*

TheNewYorkerRu

Опять бесплодно поспорил с коллегами в личке на вечнозелёную тему «почему нет истории советской фантастики». И задумался, почему история англо-американской фантастики, например, есть. Имею некоторые соображения на этот счет. Например, нетрудно заметить, что американцы свою комплексную историю писали 80 лет, причем первые книги сейчас выглядят смешными и местами

глуповатыми, хотя за эту задачу брались отнюдь не дураки. А у нас всерьез заинтересовались, дай бог, в 2010-х.

Василий Владимирский

7 августа:

Коллега Владимирский бесплодно поспорил с коллегами в личке на вечнозелёную тему «почему нет истории советской фантастики». И задумался, почему история англо-американской фантастики, например, есть. И записал об этом подкаст, который только для подписчиков, в общем, скандалы-интриги.

Я вот думаю, что ответ достаточно банален, и он не про фантастику в основном. Точнее, ответы. Примерно так:

1) потому что в Англо-Америке не было в обозримый период развития жанра такого слома, как в России в отношении СССР. В Англии последний слом был в 1920-е, когда точно так же вдруг оказалось, что викторианство, которое «было навсегда, пока не кончилось», кончилось – причем катастрофой. В США – не уверен, что в принципе что-то такое было. Было зато в Германии, последний раз – по итогам Второй мировой. Так вот, исторический опыт учит нас, что когда вот так быстро меняется отношение к внезапно отдавшей концы эпохе (я могу развить тезис, что имеется в виду, но ведь и так понятно, нет?), написать приличную историю этой эпохи становится возможно только лет через 40-50. А пока еще живы активные участники, резко сменившие свои «я», пока есть ярость, и страх, и ненависть к эпохе, и любовь к ней (то есть к самим себе) – не очень это возможно сделать. Отдельные эпизоды – да, но тоже не очень. Я сейчас читаю «Моцарта и Сальери» Петра Дружинина про

андроповскую кампанию против ряда писателей, в том числе Натана Эйдельмана, там среди персонажей – Андрей Мальгин и Татьяна Толстая, оба молодые, советские, резвые такие критики. Автор их не спрашивал ни о чем. Ясно же, что полагаться можно только на документы (которые не все открыты – с архивами в России атас). Люди будут врать как очевидцы;

2) СССР был очень непрозрачной страной. Это Брайану Олдиссу, Алексею Паншину, Адаму Робертсу легко – бери и пиши про литературу, хоть про Мэри Шелли, хоть про Уэллса, хоть про «Новую волну». Всё на виду, включая попытки цензуры, – и, скажем, политический контекст тоже весь на виду, и поэтому прекрасно исследован. В СССР всё было наоборот. До всех скрытых пружин надо доискиваться, чтобы понимать, почему такой-то писал и издал в такое-то время то-то, и что там у него вычеркнули, и что он сам не написал, и что там был за заказ, явный и неявный, и как и чем кого придавливали, и какие там были личные связи у людей, а тут еще пойдет череда фантастов-разведчиков – Анатолий Днепров, Роман Ким, Александр Шалимов, – хоть святых выноси. Элементарное: Эдмонд Гамильтон ездил по миру – никаких вопросов. Между тем любой советский фантаст, который ездил по миру, – это уже огромный вопрос. И связи с органами, да-да. И, опять же, недоступные и погибшие в перестройку и после архивы. Объем работы, короче, нужен куда серьезнее;

3) а просто про литературу не получится. Не та была страна, извините. Это все равно что писать историю фантастики КНР без учета политической истории страны – ой, а в эти годы провал, совпало с Культурной революцией, Лао Шэ куда-то там делся... Можно. Но получится, сами понимаете, не то, что нам всем надо. СССР был страной, где никакой

писатель не мог существовать вне идеологии, идеология пропитывала все его отношения с остальными акторами, со временем вдобавок меняясь, и, да, можно еще поверхностно по этому делу пробежаться – но получится хрень, в СССР нюансы играли просто вот огромную роль;

4) спорное, но. Я знаю, что в принципе-то по литературе и истории СССР книг вышла куча, и не все они – ресентиментное резидью, простите мой французский. И все равно у меня ощущение, что сама структура исторической «академии» в России недостаточна для таких задач. Я не люблю слово «школа», это не про школы, это про возможность и способность «академии» выдавать множество мелких исследований, на основании которых делались бы уже обобщенные крупные. Я этого не вижу по большому счету. Может, оно и есть, но не про фантастику. В том числе потому, что интерес к фантастике людей, профессионально занимающихся историей литературы, минимален. Серебряный век – сколько угодно, эмигрантская проза – горы исследований, лейтенантская проза – уже меньше, соцреализм – уже куда меньше, а уж фантастика – ну извините;

5) ну и, очевидно, не было тех блестящих одиночек, которые могли бы поднять такую тему в один голос. Чтобы не просто сухой безвкусный текст выдать ни о чем. Чтобы быть достаточно начитанными, причем не только в фантастике. Конечно, тексты прекрасных одиночек субъективны (как и вообще все интересные тексты). Но тут нужен свой Дмитрий Быков. Или свой Натан Эйдельман. Или свой Бенедикт Сарнов. Или свой Сергей Чупринин. Или хотя бы свой Андрей Немзер. Почти никого такого в фэндоме не завелось. Если были и есть люди, равно одаренные литературно и исследовательски, а-ля Брайан Олдисс, Алексей Паншин, Адам Робертс, им (было) интересно что-то

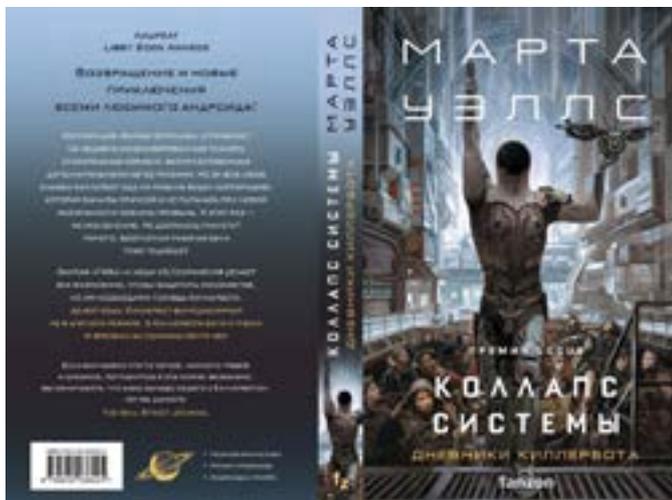
другое. Роману Арбитману было интересно писать псевдоисторию советской НФ и составлять словарь тропов, например. Это не так плохо, это даже нужно, есть же словари писателей викторианской эпохи, есть «Энциклопедия фантастической викторианы» Джеффа Невинса – но никого не хватило даже на приличный словарь советских фантастов (окей, в «Энциклопедии» Вл. Гакова была попытка соединить наших и не наших фантастов, довольно поверхностная, ну и есть, казалось бы, Фантлаб). Почему? Ну вот так бывает. Нет титанов, титаны рождаются редко. Опять же, хорошо предпринимать эдакое сверхисследование, живя в стабильности. И – попробуй, когда то надо выживать, то война и всё запретили, то еще что-то там.

По большому счету, увы, упирается всё именно в отсутствие мыслителей, энциклопедистов, титанов Возрождения. Если им еще и везет и они живут в столицах, вращаются в кругах, имеют доступ к архивам – всё срастается. Тут, видимо, или их нет вообще, или им не повезло. Или – есть еще такая штука, как «а зачем». Алан Кубатиев мог бы написать, я подозреваю, прекрасную историю советской фантастики. Но ему было куда интереснее много чего еще. Так что, может, лет через 20, когда власть сменится, архивы откроют, давления идеологии не будет, интерес к «как же они там жили» повысится – и вот тогда, в один прекрасный день...

Николай Караев

В сентябре Fanzon издает омнибус «Коллапс системы» Марты Уэллс!

Новый роман и три рассказа про любившего всем андроида, любящего смотреть сериалы и не терпящего людскую глупость. Премия «Локус», лауреат Libby Book Awards и бестселлер множества престижных журналов.



Управление недавно колонизированной планеты попадает в руки конкурентов. Корпорация «Бэриш-Эстранза» даже в этой ситуации постарается выжать из ситуации максимальную выгоду – колонисты ведь бесплатная рабочая сила!

На защиту колонистов может встать только самый сериалоподобный андроид со своей командой. Однако параллельно этому Киллерботу придется решать проблемы со своими багами...

Алексей Севериан

В сентябре у Fanzon выходит роман Грегa Киза «Мертвый принц» – второй том долгожданного переиздания цикла в жанре темного эпического фэнтези «Королевство Костей и Терний».

Цикл, напоминающий истории Роберта Джордана и Джорджа Мартина. Серийное оформление с иллюстрацией на обложке от молодой художницы гад блесс ми.

Настали ужасные времена, и конец света уже не за горами. Луна окрасилась кровью и протрубил рог, который слышали во всех землях. Терновый король пробудился.



Большая часть королевской семьи убита, и жертвоприношения продолжаются.

И самое страшное – нарушен закон смерти: тот, кто умер, должен оставаться мертвым.

Алексей Севериан



Хорошее фото Айзека Азимова и его второй жены Дженет Джепсон. Она написала о муже

очень неплохой мемуар, надо сказать. В нем Азимов куда человечнее, чем в двух своих неподъемных томах, подробно описывающих жизнь великого маэстро.

Николай Караев



Алексей Сальников встречает 46-летие
Фото пресс-службы фестиваля «Белый июнь»
(Архангельск)

Шамиль Идиатуллин

Смешная кликбейтная статья на BookRiot. Энн Май Йи Янсен, профессор литературы родом из солнечной Калифорнии, развенчивает (<https://bookriot.com/overrated-sci-fi-classics/>) классические НФ-романы. Вот, например, что она пишет о «Чужаке в чужой стране» Хайнлайна:

Несмотря на то, что в 1962 году он получил премию «Хьюго», этот роман странно смотрится. Для своего времени он был, безусловно, провокационным: в нем рассказывается о Валентайне Майкле Смите, который вырос на Марсе и воспи-

тывался (как вы уже догадались) марсианами, о том, как он возвращается на Землю и узнает о человеческом обществе. У него появляются друзья и враги, и некоторые марсианские обычаи Хайнлайна действительно интересны, но реинтеграция Смиты в человеческую жизнь не для всех. Конечно, есть его интерес к религии (главный аспект этого романа). А еще есть оргии. Как заядлый читатель романтических романов, я могу сказать вам, что здесь нет ничего, на что стоило бы обратить внимание. В целом, роман читается очень странно и не в хорошем смысле.

Ну, не очень умная женщина, политкорректно выражаясь, хоть и профессор, что с нее взять. Бывает, ничего особенного. Но самое смешное – что именно предлагает Янсен почитать вместо всех этих замшелых классиков. Вместо «Чужака» читаем мэш-ап Сильвии Марена-Гарсия «Дочь доктора Моро». Вместо «Свидания с Рамой» Артура Кларка (действительно унылое чтение, тут не поспоришь) – «Роботов Апокалипсиса» Дэниела Уилсона. Вместо «Мечтают ли андроиды...» Филипа нашего Дика (что? да, он тоже переоценен: «книга просто не выдерживает критики») – «Клару и солнце» Кадзуо Исигуро. А вместо «Дюны» Фрэнка Герберта – фанфары! – трилогию «Расколота земля» Н.К.Джемисин.

По-моему, красиво. Академическое литературоведение, которое мы заслужили.

Василий Владимирский

8 августа

Гримасы социализма. Дочитываю «Моцарта и Сальери» Петра Дружинина про кампанию против Натана Эйдельмана в 1983–84 годах, там во второй части печатаются письма читателей (был такой



особенный жанр при социализме, причем не только в газету письма, но и в ЦК, часто одновременно), и среди их авторов появилось знакомое имя.

Владимир Владимирович Бараев (1933–2018). Если коротко, тот самый человек, который напечатал «Управление», одну из двух частей «Улитки на склоне» братьев Стругацких, в бурятском журнале «Байкал». Бараев в 1966 году стал замглавреда «Байкала» и решил, раз уж Оттепель, заполучить в него крутые тексты. В 1967 году поехал в Москву, перезнакомился там с множеством очень разных людей – от Елены Булгаковой (вдовы Михаила Афанасьевича) и Аркадия Белинкова (сидел в лагере с Солженицыным, эмигрирует и почти сразу умрет, блестящая книга «Гибель и сдача советского интеллигента» про Юрия Олешу будет издана посмертно) до Корнея Чуковского и вот Аркадия Натановича,

который вручил Бараеву «Улитку». «Лес» в 1966 году уже был опубликован в сборнике «Эллинский секрет», а «Управление» появится в «Байкале», в январском и февральском номерах за 1968 год, с иллюстрациями Севера Гансовского.

Журнал, понятно, стал бестселлером по советски – пишут, на черном рынке за эти номера (где не только Стругацкие были, но и глава из книги Белинкова об Олеше, и статья Феликса Зигеля об НЛО...) давали «зарплату инженера» – до 100-150 рублей, – при номинальной цене 30 копеек.

Поскольку ветер уже меня направление, на «Байкал» напали как следует. Вроде как КГБ пыталось пришить Бараеву и его друзьям участие в тайном обществе (то ли «Голубой лампы», то ли «Зеленой лампы», по аналогии с декабристским, а Бараев был еще и видный декабристовед), хотели выгнать из партии. Однако не выгнали, причем сцена была практически из «Улитки»:

Бюро обкома «О деятельности журнала «Байкал» длилось с утра до обеда, но для Бараева это время показалось вечностью: тот же перекрестный допрос. Бараева обрывали на полуслове, обсмеивали, оскорбляли его и заочно «веселую вдову» Михаила Булгакова. Секретарь обкома Николай Бутуханов обвинил заместителя редактора в том, что тот нанес ущерб бурятской литературе, публикуя вместо местных авторов московских. Профессор пединститута Андрей Белоусов сообщил: «Ну что вы хотите от Бараева? Он при мне говорил, что «Новый мир» Твардовского хороший журнал, а журнал «Октябрь» плохой». (Последний возглавлял пропартийный писатель-графоман Кочетов). Выступающие требовали исключить Бараева из партии с последствиями в виде «волчьего билета».

– Шло к развязке, – вспоминал В.В.Бараев. – Но тут вмешался [первый секретарь бурятского обкома КПСС] Модогоев. Он сказал по-бурятски, мол, ладно, «залуу хубуун» – молодой еще, исправится, спустив дело на тормозах. Меня оставили в партии.

Сам Бараев вспоминал об этом так (<https://litrossia.ru/item/5668-oldarchive/>):

Дело дошло до бюро обкома партии. Достоинства журнала не интересовали членов бюро, началось выяснение моего идейного облика. Член комиссии профессор Белоусов доложил, что во время частных бесед я восхищался Солженицыным, говорил, что «Новый мир» лучше журнала «Октябрь». Затем он зачитал телеграмму Р.Симонова, мол, не давал согласия на воспоминания.

– Как же так? – воскликнул я. – Он при мне звонил ей!

– Что за шашни были у вас с весёлой вдовой [Булгакова]? – спросил Хахалов.

Глаза мои вспыхнули. Меня возмутила грубая шутка члена бюро. Мою реакцию тут же заметили. «Смотрите, как он дерзко ведёт себя!» Меня несколько раз поднимали с места, но перебивали, не давая говорить. Позже это помогло мне описать перекрёстный допрос декабриста Михаила Бестужева в книге «Высоких мыслей достойные». Меня обвинили в том, что я ничего не осознал, предложили исключить из партии. Но в итоге приняли иезуитское решение «укрепить редколлегия журнала», что обернулось моим увольнением. А редколлегия не разогнали, как пишут в Интернете. Все, кроме меня, остались на местах. Окончание главы Белинкова, пьесу Булгакова, обещанные читателям, сняли, а крамольные номера «Байкал» изъяли из всех библиотек СССР.

Да, именно так: главреда, Африкана Бальбурова, который слег в больницу и всё свалил на Бараева

(и справедливо ведь свалил, именно Бараев привез всю эту крамолу из Москвы), оставили, и он руководил «Байкалом» до 1974 года. А Бараева выгнали. И Бараев, отец двоих детей, вынужден был покинуть Бурятию. Полгода он скитался по Москве, пытаясь устроиться на работу. В «Комсомольской правде», в последний момент узнав об истории со Стругацкими, отказали в приеме.

Обычно на этом история о первопубликации «Улитки» заканчивается. Но история Бараева на деле продолжилась, он никуда не исчез. И – вот они, обещанные гримасы социализма, – поскольку это был уже не сталинский СССР, а брежневский, в системе существовали свои ходы, чтобы и с голоду не умереть, и приличным человеком остаться. Бараев писал об этом так:

Мне запретили выступать на радио и телевидении, отвергли заявленную книгу в издательстве. Я был вынужден уехать из Улан-Удэ. <...> Почти год я не мог устроиться на работу. Мне прямо говорили, что меня не могут взять после истории с «Байкалом». Наконец, став собкором «Пионерской правды» по Северному Кавказу, я оказался в Краснодаре, а через три года перебрался в Москву. Работал в «Журналисте», перешёл в «Коммунист». За очерки о нефтяниках Тюмени, золотоискателях Колымы и Чукотки, строителях БАМа стал лауреатом премии Союза журналистов Москвы.

И вот, возвращаясь к «Моцарту и Сальери», в феврале застойнейшего 1984 года – через 16 лет после событий, 16 лет закручивания гаек и перехода системы в состояние застоя, – фактически изгнанный из Улан-Удэ за крамолу Владимир Владимирович Бараев был не диссидент, а консультант отдела партийной жизни и коммунистического воспитания журнала «Коммунист». А «Коммунист» – это, на секундочку, теоретический и политический

журнал ЦК КПСС, выходивший в издательстве «Правда». Главным редактором «Коммуниста» был партийный идеолог Ричард Косолапов, яркий философ (марксист, естественно), писавший статьи за генсека Андропова и имевший телефон прямой связи с генсеком Черненко. Косолапова поперли с его места, когда он написал новому генсеку Горбачеву письмо о провале т. н. «перестройки».

При этом письмо, которое Бараев в феврале 1984-го написал в редакцию «Литгазеты» в защиту своего друга, историка Натана Эйдельмана, – это образец не только учености и здравого смысла, но и гражданской смелости (внутрисистемной, не диссидентской, ну так почему нет). Казалось бы, Бараеву в 1968-м дали по соплям, показали, что не надо высываться, шерсть на носу. Но – хороший человек отличается тем, что делает из такого рода мытарств свои выводы.

Я люблю такие истории. Они не черно-белые. Но они, в буквальном смысле слова, с моралью.

Николай Караев



Все-таки непонятно, как я раньше жил без «Орвилла». Да, местами как бы чуть-чуть наивно – такая американская комедия; но если задуматься, это

вполне соответствует светло-гладкому миру будущего. А местами – так они просто жгут.

Николай Караев



Amazon опубликовал постер с Галадриэль из второго сезона сериала «Властелин колец: Кольца власти».

Шоу вернется на экраны 29 августа.

Мир фантастики

Владимир Торин (<https://t.me/gabentown>), «Мое пост-имаго». Изд. МИФ (<https://t.me/mifproza>)



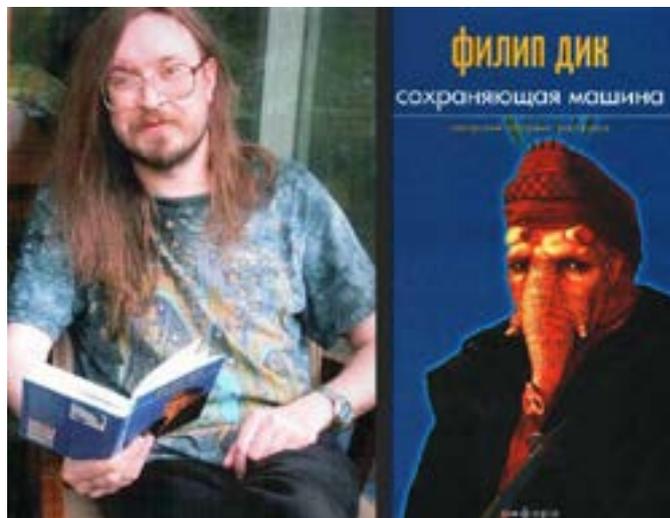
В город Габен, у которого, как говорят местные, «металлическое сердце», прибывает поезд с таинственным Черным Мотыльком, на которого теперь объявлена охота. Туда-сюда отправляются послания пневмопочты. Перед туманным Шквалом – погодной неприятностью, – бешено носятся кэбы, а таинственный Консультант мистер Блохх дергает за ниточки, подкупая, подговаривая и наблюдая. Зачем всем понадобился Черный Мотылек? И как с этим связана одна ожившая кукла? За дело берется мизантроп до мозга костей доктор Доу, его чересчур любопытный племянник Джаспер, а еще – двое констеблей, мечтающих о повышении, лепидоптерологи, охотники, туземцы... Улики, секреты, предательства и похищения – конца края им не видно.

Владимир Торин прежде всего мастер сюжета, загадок и всевозможных неожиданных повторов, и этим он напоминает умелого кукловода – не просто так один из главных антагонистов книги и всего цикла тоже дергает и за буквальные, и за метафорические ниточки марионеток. Поэтому от «Моего пост-имаго» прежде всего стоит ждать увлекательной и полной восклицаний в духе «вот это

да!» истории. Притом, конечно, город Габен – место весьма мрачное и порой очень жестокое – особенно в первой повести, которая по концентрации атмосферности и эмоциональных страстей в разы насыщеннее самого романа, более разбавленного и действием, и героями. Автор плодотворно работает с контрастами: все в художественном мире Торина гротескно, выпукло, однозначно черное или однозначно белое. Хотя нет-нет, да проглянут полутона, и придется задуматься, так ли прост герой, как казалось. Тот же Натаниэль Доу – яркое тому доказательство. Перед читателем словно книжный мир Тима Бертона – пусть сравнение и звучит достаточно банально. Зато предает чуть.

Повествование для Владимира Торина – подмосток уличного кукольного театра, а потому все здесь намеренно театрализовано: от речей злодеев (которые специально «читают» их) до самого расследования с классическими для жанра эпизодами: погонями, поиском дневников и спрятанных записей, переодеваниями, кражами и большими-большими монологами-откровениями о событиях, которые до этого оставались в тени читательского внимания. Этим «Мое пост-имаго» – как и все книги Торина, – и подкупают: автор филигранно воссоздает атмосферу старинных детективов и приключенческих романов, но все это – в стимпанк-антураже необычного для российского книжного рынка сеттинга. Это одна из тех редких книг, в мире которого, несмотря на все его ужасы, хочется остаться. Пронизанное духом «старой доброй Англии», «Мое пост-имаго» – удивительный читательский аттракцион: гротескный, таинственный и неоднозначный. И это только начало. Впереди – целый цикл.

Денис Лукьянов



История фантастики она... такая. Непростая, местами внезапная. Вот, утащил из ВК-группы «Егор Летов и Гражданская Оборона» – случайно наткнулся и не смог удержаться, прастити.

– Хотелось бы узнать как ты относишься к фантастике, считаешь ли её пустой тратой времени или нет, если нет каких авторов бы выделил?

Е. Летов: Всё детство и молодость у меня прошло под знаком фантастики. Может быть, я бы не был тем, кто я есть, если бы её не читал. У меня, наверное, половина песен имеет корни в том или ином произведении. Самые любимые – это Шекли, Саймак, Лем, Стругацкие, Уиндем, Гаррисон и конечно же Бредбери. Писатель, наиболее повлиявший на меня, особенно его «Вино из одуванчиков», «Марсианские хроники» и «451 градус по Фаренгейту».

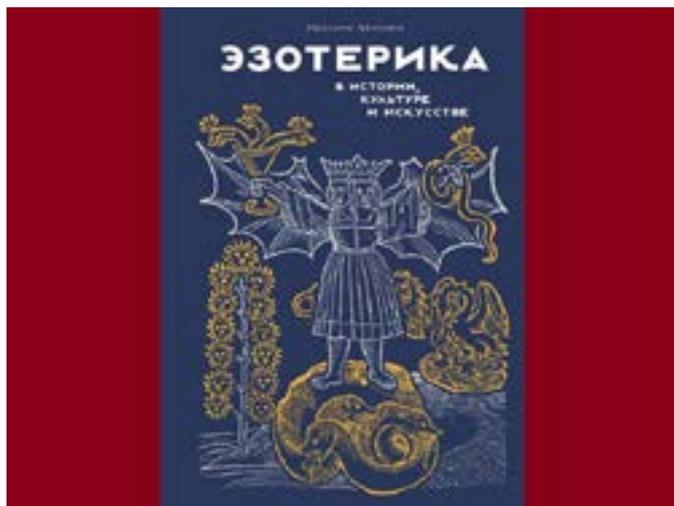


До самого WorldCon ещё не дошёл, но два интервью уже взял. And there are more to come.

Дмитрий Злотницкий

Василий Владимирский

9 августа:



Массимо Чентини. Эзотерика в истории, культуре и искусстве. М.: Колибри, 2024. 320 с.

Аннотация: Эзотерика – это тайна, что недоступна непосвященным, «альтернативное» объяснение человеческой сути и законов природы через сакральные практики. Во многом без эзотерики не было бы ни науки, ни некоторых религиозных течений, ее символизм пронизывает все произведения искусства, а иногда и нерукотворные явления.

Знал ли Артур Рембо главный секрет алхимической трансмутации? Что на самом деле изображено в «Меланхолии» Дюрера? Можно ли считать самураев и Ку клус клан эзотерическими общинами? Что связывало Клода Дебюсси и Эрика Сати с розенкрейцерами? Мы предлагаем научиться смотреть на эзотеризм, очищая его от ярлыков, исследовать историю культуры и различных государств.

Николай Подосокорский



Группа кукол, изображающая некий ритуал. Обнаружена в одной из гробниц Перу. Чанкайская культура. 1200-1400 гг. н. э.

В Сети шутят, что картинка сгенерирована ИИ, вдохновленным мультфильмами Тима Бёртона.

Николай Подосокорский

Лео Каганов спрашивает (<https://telegra.ph/Nuzhen-vash-sovet-08-09>), что написать внеземным цивилизациям. Я думаю, примерно следующее:

«Прилетайте, милые внеземные цивилизации, Христом богом вас молим, возьмите нас отседа. Пожалейте вы нас сирот несчастных, а то нас все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачем. Пропадающая наша жизнь, хуже собак всяких... Остаемся твои горемыки-земляне, милые цивилизации прилетайте».

Николай Караев



Риган Хэйс, «Эринии и Эвмениды». Изд. Польшнь

Риган Хэйс дебютирует с классической и крепко сделанной историей в жанре темной академии, напоминающей синтез «Тайной истории» Тартт, «Общества мертвых поэтов» и «Сабрины» от Нетфликса. Весь роман пронизан узнаваемой и характерной атмосферой жанра: старое английское учебное заведение, опавшие листья, мистические события, вереница разнохарактерных – и жестоких, – студентов, ренессанс, античность и отсылки к поп-культуре: от «Доктора кто» до зарубежных исполнителей фолк-рока. Текст «Эриний и Эвменид» вгоняет в меланхоличную атмосферу благодаря деталям и особой ритмике, все художественные средства здесь использованы прежде всего для того, чтобы создать так необходимый для темной академии эффект максимального погружения. И фокус удастся. Во многом за счет «второстепенных» мини-историй о сумасшедших художниках-студентах и девушках, которые маниакально рисовали птиц. Атмосфера коллективного безумия нарастает, героиня все больше погружается в таинственное и оккультное, пока сама наконец не становится его частью и не совер-

шает упомянутый ритуал, чтобы отомстить обидчикам. Тут-то текст и переворачивается.

Вообще, Риган Хэйс придумала интересную голографическую обманку: на первых порах кажется, что «Эринии и Эвмениды» – чистой воды магический реализм, а с середины текст превращается в абсолютную булгаковскую мистику. Если изначально читатель думает, что арка героини – отрицательная (ведь лейтмотив книги – грехопадение, превращение в чудовище, в мстительницу), то ближе к финалу понимает – его умело водили за нос. Падение предрекало везет. Все по законам античной мифологии.

К слову, этот роман – удивительный синтез христианского и античного. И дело не столько все в тех же деталях, создающих атмосферу, сколько в использованных нарративов «грехопадения», где монотеистическая идея обращения к дьяволу (темной стороне, если угодно) преломляется в античной традиции метаморфоз. От человека до мстительницы-эринии, от мстительницы-эринии до благостной эвмениды. Однако и фантастические элементы, и мифологические мотивы в романе становятся прежде всего отправными точками для роста героини. Вот главный авторский вопрос: можно ли не стать чудовищем, живя в мире подростково-чудовищ? Буллинг, сексуализированное насилие, разочарование в себе и в религии – все это определяет метаморфозы, происходящие и с героиней, и с миром вокруг нее.

Денис Лукьянов

Я, честно говоря, терпеть не могу многотомное фэнтези. Видится в нем ленность вперемешку с вымученностью. Типа, с одной стороны читатель хочет проду, с другой – можно новый лор не придумывать, ура, выжмем все до последней капельки

из старого! Исключения – многотомные романы с общей сквозной структурой, как у Джосайи Бэнкрофта или Роберта Беннета. Поэтому у Глена Кука читал далеко не все. А что читал – в основном «по долгу службы». Но вот как раз «Серебряный Клин», роман из цикла «Черный отряд», история вполне законченная. Поэтому, наверное, одна из любимых. В 1999-м произвела сильное впечатление. Вообще до сих пор вздрагиваю, когда читаю: «гримдарк придумал Аберкромби». Вот же она, темная фэнтези натуральная, у Кука! Аберкромби еще в школе кошек мучал, когда это все выходило и продавалось рекордными тиражами. The Silver Spike – это, на минуточку, 1989 год. А первый роман цикла, собственно «Черный отряд», так и вовсе 1984-го.

Василий Владимировский



Ассоциация молодых кинокритиков, которую я возглавляю, высадилась на фестивале в Локарно и первым делом посмотрела фильм нашего любимца Бертрана Мандико «Драконовское расширение».

Мандико давно разрабатывает собственную мифологию, в центре которой находится фигура Конана-варварессы, купающейся в крови и проживающей несколько жизней, и ее подруги – жен-

щины-собаки по имени Райнер, охраняющей вход в Преисподнюю.

Теперь к ним добавилась женщина-Петрушка из балета Стравинского. Эта Петрушка вместе с еще двумя манекенщицами подчиняется одноглазой дизайнерше, которая держит своих фэшн-рабынь в черном теле. Что остается нашей Петрушке? Только волшебные пилюли, отменяющие реальность.

Самое главное: этот фильм идет одновременно на двух экранах, так что приходится смотреть его в оба глаза. Но история настолько герметичная, что остается только любоваться роскошными костюмами и фантазией гримера. После премьеры намечалась жаркая дискуссия, но мне пришлось бежать за ибайком, без которого тут никак.

Дмитрий Волчек



Вчера благополучно прилетела в Эдинбург, где меня встретил Алекс Шварцман, и мы сейчас же отправились в Глазго.

Ворлдкон – это любой известный вам фантастический конвент в кубе. Десятки мероприятий

одновременно, тонны книг, тысячи людей, среди которых крайне велика концентрация великих, да и просто легенд. Вот мимо прошёл Джим Келли, а вот проехал неутомимый и неизменно прекрасный Силверберг.

Вчерашний день (после двух часов сна урывками в пятнадцатичасовом пути) был совершенно калейдоскопическим. Встретила много прекрасных знакомых и незнакомых людей, Йен Уотсон угостил меня пивом, с Йеном Макдональдом обсудили трудности путешествий, познакомились с Нилом Кларком, не попали ни на одно мероприятия, потому что везде всё забито под завязку, но прекрасно пообщались с дорогими Франческо Версо и Еленой Павловой, тридцать три раза обошли дилерз румз, искали, но не нашли клопов, пили джин, много говорили с умными людьми (и друг другом), уснули, спали прекрасно.

Мы с друзьями живём в шикарном доме практически в Келвингороув парке, в моей спальне висит изображение вавилонской башни, похожей на далека, а в гостиной обнаружена воображаемая собака Мефодий.

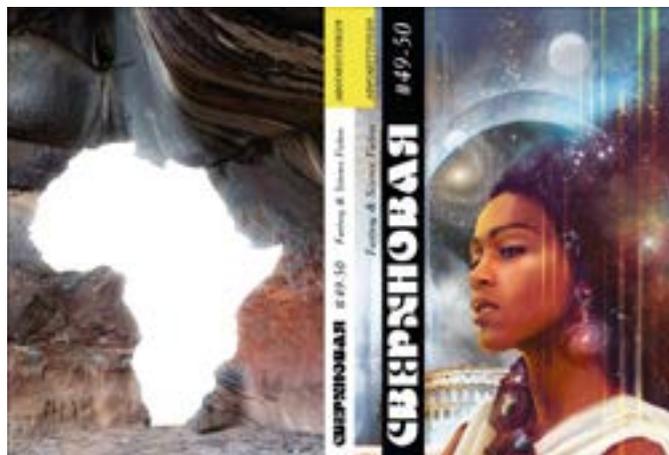
Сейчас пишу это всё с лекции про микропластик, где голос спикера я слушаю как музыку, а Ира внимательно.

Не переключайтесь.

К.А.Терина

10 августа:

Что замечательно, княжество Ондол, оказывается, еще существует и, более того, продолжает совершать разбойничьи налеты на остров Хаззалг, – а журнал «Сверхновая» все еще выходит. Замечательно, потому что когда «Сверхновая» начиналась (в девичестве она была «Сверхновая



американская фантастика»), я был еще подростком, – 30 лет назад, первый номер вышел как раз в июле 1994 года. В те времена укромные, теперь почти былинные на постсоветском пространстве разом грянули сразу несколько НФ-журналов – свято место пусто не бывает же, – «Если» (Россия), «Фантакрим-МЕГА» (Беларусь), «Миры» (Казахстан) и вот «Сверхновая» (Россия тоже). «Полдень» стартовал куда позже – нулевой номер был издан в 2002 году (это я помню, присутствовал на тех конвентах, видел Житинского и Горчева, которые торговали журналом, и так далее.) И все эти периодические издания дали дуба – кто раньше, кто позже, – кроме вот «Сверхновой».

Модель журнала в принципе повторяла аналогичные модели, скажем, французских и иных европейских послевоенных НФ-журналов: был заключен договор с The Magazine of Fantasy and Science Fiction, оттуда и переводилась художка. (Надо сказать, проблему прав разные журналы решали по-разному.) Поначалу журнал выходил бодро, ежемесячно (1994), раз в два месяца (1995), почти ежемесячно (1996). Но с 1997 года сдвоенные номера выходит как бы ежегодно, однако – далеко

не каждый год, отчего физически за 1997–2024 годы вышло ровно 12 журналов. В этом смысле «Сверхновая», конечно, не может переплюнуть «Если», который исправно выходил ежемесячно, и казалось, что это навсегда, пока оно не кончилось.

Издает журнал по-прежнему Лариса Михайлова (я ее помню еще по послесловию к сборнику 1987 года «Первые люди»), дай ей бог здоровья. Тема номера – афрофутуризм. Что уже хорошо.

Николай Каравев



Хью Хауи «Песок»

Жанр: Постапокалиптика

Оценка: 7/10

Мне однозначно нравится жанр постапокалипсис. Однако сейчас на книжном рынке существует огромное количество низкопробных и однотипных подделок на эту тему, что отпугивает многих читателей. Хью Хауи представляет свою интерпретацию конца света, подобных которой я раньше не встречал.

В результате некой катастрофы вся Северная Америка (а может быть, и весь мир) оказалась покрыта слоем песка толщиной в несколько десятков, а то и сотен метров. Замечу, что такая обстановка создаёт довольно интересную атмосферу. На протяжении всего чтения не покидает ощущение вездесущего песка и непереносимой жары. Автор неплохо описал и быт людей, живущих в подобных условиях. Например, он придумал несколько терминов, описывающих разные виды песка, подобно тому, как у северных аборигенов существует множество обозначений видов снега. Однако к миру



У Франческо Версо в ФБ потрясающее фото с Ворлдкона: справа – Роберт Сильверберг, в центре – энциклопедист Джон Клют.

Николай Каравев

автора есть и множество вопросов. Совершенно непонятно, как жители добывают себе пропитание. В романе вскользь упоминается мясо кроликов, но как прокормить такое количество кроликов в условиях практически полного отсутствия растений? Да и люди без растительной пищи выжить не могут. Прошло не так много времени с момента катастрофы, чтобы наш метаболизм столь сильно перестроился эволюционно.

Сам Хауи в одном из интервью признавался, что при написании романа придерживался «киношного» стиля – сначала представлял себе картину, а потом описывал свои мысли. В этом одновременно и плюс, и минус романа. Этот прием прекрасно работает при описании экшен-сцен, но плохо способствует раскрытию героев. Зато описания засыпанных песком небоскребов и городков посреди выжженной пустыни получились на славу.

В центре сюжета Палмер, Коннер, Роб и Вик – родные братья и сестра. Повествование постоянно перескакивает с одного героя на другого. Несмотря на то, что герои внешне получились яркими, их внутренний мир получился довольно блеклым. Поначалу сложно различать, кто из героев является ПОВом той или иной главы. Слишком уж они похожи. Никто не может похвастаться уникальной манерой речи или поведением. Из-за этого им довольно сложно сопереживать. Это же относится и к прочим персонажам – всем не хватает какой-то изюминки.

Основная находка романа – песчаные дайверы. Эти люди способны нырять в песок на большую глубину при помощи специальных костюмов. Эти приспособления помогают усилием воли менять структуру песка, тем самым разрыхляя его и позволяя двигаться. Для дыхания используются кислородные баллоны. Правда самые одаренные дай-

веры могут нырять, просто задерживая дыхание на длительное время. Из-под песка ныряльщики добывают предметы прошлой цивилизации, которые очень высоко ценятся. Далеко не каждый человек может стать дайвером – для этого нужны особые способности. В костюмах дайверов кроется ещё одна нереалистичная черта данного мира. Как появились столь высокие технологии, если сейчас нет ничего подобного? При этом автор утверждает, что подобный костюм может создать буквально на коленке подросток. В остальном же уровень технологий находится на очень низком уровне. Даже огнестрельное оружие почти не используется.

Отец главных героев был очень талантливым дайвером. Однако какое-то время назад пропал, оставив семью на произвол судьбы. Мать зарабатывает деньги на пропитание семьи в борделе, а старшие дети разбрелись кто куда. Старшего из братьев, Палмера, нанимают для поиска легендарного города Данвера. Однако вскоре выясняется, что эти люди террористы, и с помощью добытой в Данвере бомбы хотят разрушить сложившийся порядок вещей. Теперь наши герои хотят им помешать.

Финал романа оставил меня в недоумении. Слишком он стремителен, и автор даёт мало намеков на подобную развязку. Да и объяснений происходящему на страницах романа нет. Возможно, Хауи приберет их для продолжения.

Итог: Чтобы получить удовольствие от чтения «Песка», лучше изначально воспринимать его как захватывающее приключение. Если же начать задумываться над структурой этого мира, то проступает большое количество логических дыр. Роман очень далек от научной фантастики, да и не стремится к этому. Картина «Песка» очень кинематографична, а вот персонажи однозначно слабоваты. Роман напрашивается на экранизацию, а вот его

литературная ценность не так велика. С другой стороны, это новый небезынттересный взгляд на жанр постапокалипсис. С продолжением, пожалуй, ознакомлюсь.

Алексей Севериан



В основном я договаривался об интервью заранее. А вот **Паоло Бачигалупи** просто увидел в холле, подошёл и попросил об интервью. Он был столь любезен, что согласился, и мы сразу же побеседовали. Его *Navola*, кстати, на мой взгляд просто потрясающая – для меня одна из лучших фэнтезийных книг этого года. На русском, насколько я знаю, издание планируется.

Дмитрий Злотницкий

Скромность – она, конечно, украшает. В том числе издателя и книготорговца. Но иногда с этим делом случается перебор.

Вот смотрите. В издательстве «Городец», в серии «Во весь голос», вышла новая книга Михаила Гаёхо «Фугу». Первый его сборник с 2012 года.

Я понимаю, почему издатели скромно умалчивают, что Гаёхо – финалист премии «Новые гори-



зонты» и премии «Будущее время». И о том, что он участник семинара Бориса Стругацкого. С фантастами не по пути – ОК, нормально, бывает, ничего нового.

Но когда они, издатели, почему-то стесняются рассказать и о составе сборника, это уже немножко тревожит. Между тем кроме заглавной вещи и повести «На ступеньке, бегущей вниз» в этот томик вошел микророман «**Кумбу, Мури и другие**». В 2021 году микроромн печатался в «Новом мире» и выдвигался на ту самую премию «Новые горизонты», но это уже дело десятое. Бог с ним, кому надо найдет информацию. А вот почему потенциальный читатель должен искать содержание сборника где угодно, кроме сайта издательства и сайта книжных магазинов – от меня ускользает.

На фото: Михаил Гаёхо на презентации сборника фантастических рассказов «Будущему верить», 2024 год.

Василий Владимирский



Александр Дубовский



Александр Дубовский

Брайан Стейвли «Клинка императора»

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 9/10

Роман Брайана Стейвли «Клинка императора» в 2015 году завоевал премию имени Дэвида Гемме-



ла за лучший дебют и попал в шорт-лист «Локуса». Неплохо для начинающего автора, не правда ли?

Завязкой роману служит убийство правителя огромной и могучей империи Аннур. Идея не нова, но с другой стороны, в фэнтези довольно сложно придумать что-то по-настоящему новое.

У императора было трое детей, и именно они и станут главными героями романа. В них можно рассмотреть типичные архетипы: мудрец, воин и политик. Все они молоды и только ещё готовятся стать достойными преемниками дела отца. Каждый проходит специальное обучение, чтобы быть готовым к нелёгкой ноше.

Каден – старший сын правителя. Однако вместо того, чтобы предаваться различным удовольствиям во дворце, он проходит обучение в отдалённом горном монастыре. Сама идеология этих монахов сходна с дзэн-буддизмом, а их цель – состояние внутренней пустоты – «ваниате», напоминает «нирвану». В романе достаточно внятно объяснено, зачем будущему императору нужно это состояние. Долгое время сам Каден не особо понимает для чего ему

это обучение. Ему приходится проходить через сложнейшие испытания духа и тела, граничащие порой с пытками. Юноша не обладает особым талантом, и лишь ближе к концу романа ему удаётся достичь определённых успехов.

Валин проходит обучение в спецподразделении кеттрал. По сути это десантники, летающие отрядами на гигантских птицах. Кеттрал по праву считаются лучшими воинами империи Аннур. В каждом отряде, «крыле», должен быть командир, снайпер, «пилот», лич (так тут называют магов) и подрывник. Долгие годы кандидаты в кеттрал оттачивают свои смертоносные навыки, а в конце их ждёт финальное испытание – Халова Проба. Незадолго до прохождения Пробы Валин узнаёт о смерти отца. Во время одного из задания кеттрал находят корабль с убитыми гвардейцами. Один из них, несмотря на смертельные ранения, успевает предупредить Валина, что в Гнезде кеттрал есть предатель, задача которого убить сына императора. Теперь юному принцу предстоит раскрыть заговор и защитить честь своего рода.

Адер – единственная дочь императора. Её сюжетная ветвь занимает в романе довольно мало места, хотя и не менее интересна. Пока её братья проходили обучение, она жила в столице и познавала науку управления государством. После смерти отца она заняла пост министра финансов. Подобное назначение вызвало негодование у прочей верхушки власти – где это видано, молодая девушка на столь важном посту! Её отец пал жертвой заговора, и Адер должна отомстить виновному – Верховному жрецу богини Света Интарры Уиниану Четвертому. Однако так ли очевиден истинный враг? Адер пред-

стоит столкнуться с реальностью большой политики, отличной от её наивных представлений о героях и предателях.

Империя Аннур предстаёт перед нами в довольно нетипичном для фэнтези варианте. В то время как большинство романов данного жанра тяготеют к образам Средневековой Европы, Брайан Стейвли удачно совместил черты Азии и Европы. Сама империя больше всего напоминает Древний Китай, персонажи имеют разный цвет кожи, а имена и названия имеют как восточные, так и западные корни. Настоящее культурное разнообразие.

Довольно интересно в романе подается магия. Магов здесь называют личами. Они очень могут, но презираемы обществом за свою нечестивость. У каждого лича есть своё источник энергии – Колодец. Это может быть какая-то вещь, материал или стихия. Личи держат информацию о собственном Колодце в строжайшей тайне, т.к. благодаря такой информации их проще победить.

Хотя «Клинка императора» всего лишь первый роман цикла, сюжет не кажется оборванным. Для наших героев завершился определённый этап жизни. Они прошли подготовку и теперь будут бороться за честь отца и собственного рода.

Итог: Яркий и динамичный образец современного фэнтези. Ключевые персонажи прописаны очень неплохо, а вот второстепенные выглядят плоскими. Мир представляет собой переплетение различных народов и культур, что выглядит довольно оригинально. Сюжет хорош и держит читателя в напряжении. А где-то за горизонтом маячит тень древней расы, мечтающей уничтожить людей.

Алексей Севериан

Люди с машиной времени



Ты мой любимый вымерший динозавр!



Неразборчивое ворчание

Разумный ворон с машиной времени



Ты моё любимое вымершее млекопитающее!



Спасибо... Стоп, что?

Мир фантастики



Вчера калейдоскоп был ещё калейдоскопичнее, много встреч, разговоров и прогулок...

К.А.Терина



Марина и Сергей Дяченко «Vita Nostra. Собирая осколки». Финальный аккорд

Роман Марины и Сергея Дяченко «Собирая осколки» – достойное завершение трилогии, в котором используются удачные приёмы из первой части, но при этом ставки гораздо выше. Обязательно к прочтению любителям оригинальной Vita Nostra.

Мир фантастики

Понятно, что для следующего поколения концепция интернета как конгломерата сайтов, на которые надо заходить с главной или любой другой страницы и что-то там искать, будет столь же чуждой, как идея деревенских клубов либо радиокружков, но все равно печально.

Шамиль Идиатуллин

11 августа:

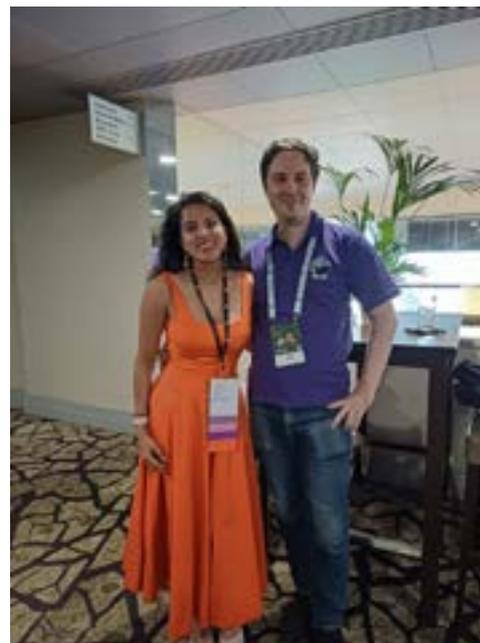


Ну и – ископаемая хрень на сон грядущий \ доброе утро. Эту, кстати, хрень – смешную помесь черепахи с хомяком, как на вид, – сделали ископаемой наши предки. То есть, попросту говоря, сожрали. И вот теперь глиптодонт смотрит на нас с укором и интересуется: «Ну что, желудки двуногие, без меня вам лучше стало?»

И нам нечего ему ответить. А прикольный был зверь, между прочим, ещё 10-12 тыщ лет назад эта трёхметровая и двухтонная тушка бродила по Америке и жрала свою травку...

Танда Луговская

Кроме авторов, чьи имена уже знакомы русскоязычным читателям, пообщался еще с парой чудесных писателей, чьи дебютные книги только готовятся к выходу на русском языке. На мой взгляд, **Жуан Сильва** (дебютный роман **Seeds of War**) и **Апарна Верма** (дебютный роман **The Phoenix King**) входят в число наиболее ярких и перспектив-



ных авторов фэнтези, пришедших в жанр в последние годы. И мне было очень приятно познакомиться и пообщаться с ними.

Дмитрий Злотницкий

Три недели много работала пролетарием успешным галеристом (но не настолько успешным, чтобы нанять персонал). Воспользовавшись временной деградацией, с наслаждением всосала два неизвестных мне прежде романа Саймака и целый сериал «Вавилон Берлин». Про Берлин с Вавилоном может напишу потом, может нет. Там много и сложное. А деградация уже стремительно завершается, могу не успеть.

А что касается Саймака. Два романа «Принцип оборотня» и «В безумии». В обоих случаях гениальная идея в основе и реализация ниже плинтуса.

Особенно, конечно, «В безумии». Мужик прям постоял на краю того обрыва, где немножко показывают, как устроено ФСБ. Увидел, как овеществляются образы и идеи, рождённые воображением (или как воображение рождает образы и идеи, у которых достаточно воли овеществиться и быть, это не противоречие, а единый процесс). Понял, как работает человеческое внимание. Запомнил! Поскрёб в затылке и написал на эту тему абсолютно фуфловый (я очень люблю Саймака, но объективность от любви никуда не девается) роман.

С «Принципом оборотня» та же лажа, но идея сосуществования нескольких кардинально разных сознаний в одном существе не настолько фундаментальная, её, грубо говоря, не так жалко. Так что пусть.

Тем не менее, если вы читаете быстро, скорее рекомендую, чем нет. Пару часов точно не жалко, и бог с ними, романами. Сами концепции прописаны очень ок.

Макс Фрай

С некоторым запозданием, разбирая завалы закладок: Мифопоэтическая премия этого года. Она вручается, напомню, в пяти категориях: три премии за фикшн – для взрослых, хьюэнг-эдалт и для

детей, – и две за нонфикшн – отдельно за исследования по инклингам (то есть в теории по Дж. Р. Р. Толкину, К. С. Льюису и Ч. Уильямсу, но теория суха, а зеленеет обычно один Толкин) и за исследования по мифам и фэнтези вообще. Фишкн я расписывать не буду, по ссылке (<https://www.mythsoc.org/news/news-2024-05-28.htm>) всё есть, в категории «для взрослых» мне там приглянулась серия Бекки Чэмберс «Монах и робот», но в целом я не особо копенгаген.

Нонфикшн интереснее, и по инклингам финалисты были такие:

– **Nick Groom, Tolkien in the Twenty-First Century: The Meaning of Middle-Earth Today** (Pegasus Books, 2023) – это, после поверхностного просмотра, отличная книжка, которая, как пишет автор во введении, *берет в качестве точки отсчета феномен Толкина сегодня: мультимедийный микс литературы, живописи, музыки, радио, кино, игр, фэндомов и поп-культуры, – бесконечное Средиземье*. Структура там – от биографии Толкина, вписанной в окружающую реальность, и изменений замысла «Властелина Колец» и прочего до подачи тем вроде справедливой войны в фильмах сэра Питера Джексона (я пропустил момент, когда он стал сэром, ну да ладно). Мимоходом Грум подробно излагает, например, сценарий к неснятому фильму Джона Бурмена (там, где, автоцитата, *Фродо спал с Галадриэлью. Арагорн влюблялся в Эовин и исцелял её прямо на поле боя, причём «с сексуальными обертонами»*. Арвен отводилась роль ясновидящей юницы. Гэндальф избивал Гимли, дабы тот вспомнил древний гномий язык и пароль к вратам Мории. Главный назгул скакал на лошади, от которой отваливалась кровавая плоть...) – короче, похоже на отличную вводную именно что в феномен Толкина сегодня, вплоть до «Колец Власти»;

– **Peter Grybauskas, A Sense of Tales Untold: Exploring the Edges of Tolkien’s Literary Canvas** (Kent State University Press, 2021) – если я верно понимаю, эта книга посвящена аллюзиям у Толкина: как на какие-то внешние источники вдохновения, так и на самого себя, то есть на истории, которые не рассказаны, но автор-то их знает. С особым вниманием к Турину Турамбару. Должно быть, интересно;

– **Thomas Kullmann and Dirk Siepmann, Tolkien as a Literary Artist** (Palgrave Macmillan, 2021) – а это, наоборот, о форме, «использование слов, стиль, нарративные техники, риторика и символизм». Формализм такой: «Толкин как стилист», «Описания ландшафта», «Точки зрения», «Речи и торжественные заявления», «Язык и характер», короче, «как это сделано» (любопытно, исчезает ли при таком разборе магия);

– **José María Miranda Boto, Law, Government, and Society in J.R.R. Tolkien’s Works** (Walking Tree, 2022) – собственно, победитель. Как следует из названия, книга исследует функции закона и административного управления в текстах Профессора: как происходит наследование короны, какие функции какие уровни власти выполняют, что там с судопроизводством – всё то, что неявно, но абсолютно присутствует во «Властелине Колец» и далеко не только;

– **Krishnan Venkatesh, Frodo’s Wound: Why The Lord of the Rings is a Great Book** (Mercer University Press, 2021) – не могу даже заглянуть внутрь, нет киндловарианта, судя по аннотации, это сборник эссе, рассматривающих под разными углами вопрос, отчего читатели снова и снова возвращаются к «Властелину Колец» (то есть, видимо, почему это делает автор).

Николай Каравев

Ну и собственно к исследованиям. Тоже пять финалистов:

– **Jes Battis, Thinking Queerly: Medievalism, Wizardry, and Neurodiversity in Young Adult Texts** (Medieval Institute Publications, 2021) – очень понятная тематика в свете момента: инаковость – в данном случае гомосексуальность – в сочетании со Средневековьем (когда всё было, потому что всё было всегда и везде, люди в своем разнообразии не определяются никакой эпохой), волшебниками и янг-эдалтом. Что интересно, судя по оглавлению, речь не только о классике типа «Короля былого и грядущего» Теренса Хэнбери Уайта и «Последнего единорога» Питера Бигла или современности типа текстов Сары Риз Бреннан, но и о вещах сугубо старинных: «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского, «Мерлине» Робера де Борона, «Сэре Гавейне и Зеленом рыцаре»;

– **Hadas Elber-Aviram, Fairy Tales of London: British Urban Fantasy, 1840 to the Present** (Bloomsbury Academic, 2021) – эта книга номинировалась второй год подряд (так можно), безуспешно, но книга отличная, я повторю отзыв из предыдущего обзора (<https://t.me/starlighthousekeeping/616>): *исследование британской городской фэнтези с 1840 года, причем фэнтези понимается широко: Диккенс, Уэллс, «антифэнтези» Оруэлла и Пика, а также – внезапно – большой раздел про Муркока, журнал New Worlds и книги о Джерри Корнелиусе;*

– **Matthew Oliver, Magic Words, Magic Worlds: Form and Style in Epic Fantasy** (McFarland, 2022) – тоже второгодник, но в том году я этой книжки не нашел, а сейчас хоть удовольствовался аннотацией. Это опять же исследование формы, «как сделана фэнтези», типа: когда бывает цветистый язык, когда простой; когда POV от третьего лица, когда от первого; когда твисты, когда «обыденное

фантастическое», в общем, если кто хочет понять, из чего же сделаны наши драконы и пр., вэлкам;

– Paul R. Rovang, *The Archetype of the Dying and Rising God in World Mythology* (Lexington Books, 2023) – тот случай, когда название исчерпывающе: «Архетип умирающего и воскресающего бога в мировой мифологии», от Ближнего Востока и греко-римского всего до Иисуса с заездами в Ирландию, Индию, Африку, Финляндию и так далее, и так далее, нормальное исследование такое;

– Matthew Sangster, *An Introduction to Fantasy* (Cambridge University Press, 2023) – фанфары, победитель. Претендующий на объятие необъятного, и я не могу заглянуть в книжку, а названия глав в ней ни о чем, но есть список иллюстраций, и по нему видать масштабы объятия: «Властелин Колец», *Final Fantasy VII*, «Лабиринт фавна», Жорж Мельес, платоновская аллегория пещеры, Юбаба, стенка московского музея Булгакова, Сара Дж. Маас и Джордж Р. Р. Мартин, драконы из бестиария XIII века, рисунок к «Буре» Артура Рэкхэма, «Аватар: последний защитник», «Алиса в Стране Чудес», Дон Кихот, «Иерусалим» Уильяма Блейка... в общем, все флаги в гости к нам, а уж создал автор из этой мешанины концепцию на 480 страницах или что – это читать надо.

Николай Караев

На Ворлдконах есть теперь персона совершенно нон грата – Дэйв Маккарти (<https://t.me/starlighthousekeeping/2441>), человек, похеривший репутацию премии «Хьюго» ввиду само– (судя по всему) –цензуры премиальных списков накануне Чэнду. А человек, который пострадал от Дэйва Маккарти очень сильно, – это Урсула Вернон, она же Т.Кингфишер, чей роман *Nettle & Bone* получил в Чэнду в прошлом году «Хьюго». «Хьюго», который



теперь мало чего стоит. Это очень обидная ситуация. А Дэйву Маккарти, как я понял, появляться на Ворлдконе запрещено, что не мешает ему появляться, по крайней мере, Урсула Вернон, кажется, на него напоролась в отеле. И сказала ему всё, что о нем думает, на изысканном американском английском, включая пожелание наступать на легио каждый день его жалкой никчемной жизни. Изображение инцидента уже гуляет (да, Дэйв Маккарти примерно так и выглядит).

Николай Караев

Написал про Ольгу Ларионову небольшой лонгрид (да, оксюморон, будем с ним жить) для «Мира фантастики», статья вышла в июльском номере – увы, доступна только «в бумаге». Я этот номер честно купил, вот картиночки.

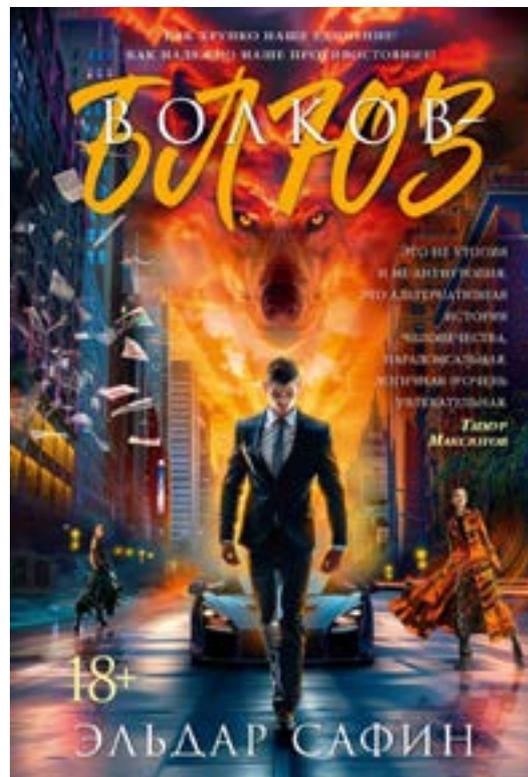
Вообще работать над такими материалами, не смотря на скромный объем, приходится неделями,



быть конфликт, должна быть интрига, загадка. Ну вот – в статье о Ларионовой попытался разобраться, чем Ольга Николаевна выделялась на фоне современников, что нового внесла в советскую фантастику и почему канула в Лету почти без следа вместе с СССР – совершенно, на мой взгляд, незаслуженно. В общем, читайте, журнал, я думаю, еще можно найти в магазинах сети «Hobby Games» – или заказать на сайте.

Василий Владимировский

если не месяцами. Перечитал все книги Ларионовой, какие есть в моей библиотеке (семь штук), все, что о ней писали коллеги, большую часть ее собственных интервью, включая малоизвестные. Много думал™. Тупо пересказывать факты биографии, родился-женится-скончался, мне кажется, безумно скучно. Это другой формат, для этого существуют справочники и энциклопедии. Как и пересказывать фабулы главных произведений: это о путешествии во времени, а вон то – о вторжении космических пришельцев. Как учат нас гуру сторителлинга, в хорошо читаемом материале должен



Читаю – вынужденно урывками, вперемешку с другими текстами – «Волков-Блюз» Эльдара Сафина. Книга как минимум любопытная, но:

задалбывает инфодамп. Очень часто главный герой задвигает во внутренних монологах какие-то лекции об очевидных для него вещах, чтоб читатель не терялся. И не только главный герой. Вплоть до того, что редактор журнала объясняет своему заместителю: мол, фигово, что ты опоздал, без твоей визы я не могу отправить макет на корректуру. А то тот сам не в курсе, ага. Это, знаете, как в реалистическом романе задвинуть что-то типа: «А потом я спустился в метро. Метро – такая подземная железная дорога, которая обычно проложена на глубине нескольких метров под поверхностью. Железная дорога это...» – и т.д.

Как решается проблема, если мир в романе сильно отличается от нашего? Лучше всего – никак (см., например, «Последнее время» Шамиля Идиатуллина). Читатель не дурак, все поймет из контекста. А если дурак, значит, не нужна ему эта книжка. Другое каноническое решение – раскидать по тексту выдержки из словаря или местной Википедии. Вроде и художественное единство текста соблюдено, и вся нужная информация доведена до не самой смысленной публики. Рекомендую.

Да, там еще на обложке в блёрбе Тимур Максютов пишет, что это «альтернативная история человечества», что не совсем точно. У Сафина не человечество, немножко другой разумный вид, эволюционировавший не из приматов. Я не спойлерю, в названии и картинке на обложке все предельно доходчиво расшифровано, да еще в первой же главе муж во время постельных игр нежно прихватывает жену зубами за загривок – совсем не обезьянья повадка.

Но в целом любопытная история, да. Дочитаю, бросать не стану.

Василий Владимировский

Любителям выискивать социальные подтексты в фантастике (вроде Николая Николаевича К.) – послание от Игоря Всеволодовича Можейко, он же Кир Булычёв. Из статьи «Ощущение фантастики», ж-л «Если», 1998:

Американская фантастика, как правило, конструирует мир.

Русская фантастика разбирается с бедами нашего мира.

Айзек Азимов может написать роман «Люди как боги»; треть произведения посвящена исследованию общества на планете, где существуют три пола. Ах, у них проблемы! Ах, богатые тоже плачут! А в «Гиперионе» Дэна Симмонса ты крутишься в бесконечном водовороте выдумки, главное достоинство которой – невозможность привязать фантазию к нашей жизни.

Это какой-то «кубик Рубика»! И в ужасе отшатнулся бы Николай Васильевич от подобных экзерсисов...

Ну, наверное, Азимова с Симмонсом можно и так прочесть. Хотя, конечно, надо постараться.

Василий Владимировский

Брайан Стейвли «Огненная кровь»

Жанр: Героическое фэнтези/Эпическое фэнтези
Оценка: 9/10

«Клиники императора» – первый роман цикла «Хроники Нетесаного трона» – я читал около двух лет назад. Теперь же решил взяться за продолжение. Первая часть понравилась мне стилем автора, но была довольно неспешной. Большую часть романа автор знакомит нас с главными героями, постепенно рассказывая о своем мире. Вторая же книга буквально насыщена экшеном – в каждой главе происходит что-то важное, от неожиданных сюжетных поворотов голова идет кругом.



Борьба за Нетесаный трон

SeverianX

Одной из отличительных черт «Огненной крови» является постоянное недоверие персонажей друг к другу. Каден, Валин и Адер – родные братья и сестра, но, по сути, совершенно чужие друг другу люди. Их разлучили в раннем детстве. Адер осталась во дворце и постигала правила государственного управления под руководством отца-императора. Валин отправился проходить подготовку элитных воинов – кеттрал. Каден же провел долгие годы в монастыре хин, где постигал практики Пустого бога. Теперь Император убит, в ряды кеттрал закралась предатели, а монастырь хин уничтожен. Валин дезертирует, чтобы спасти Кадена из рук предателей. Адер узнает имя убийцы отца и жаждет мести. Такова расстановка сил на начало романа.

В «Огненной крови» каждый из троицы получает собственную внушительную сюжетную линию. В первом романе у Адер было совсем немного сюжетного времени, что Стейвли исправил в продолжении. Чтобы отомстить за отца, она сбегает из дворца и ищет помощи у Сынов Пламени – религиозного культа богини Интарры. Ранее именно Адер активно пыталась разоружить церковь и даже каз-

нила их главного жреца, подозреваемого в убийстве отца. Теперь оказалось, что единственная военная сила в империи, не подчиняющаяся кенарангу-предателю ил Торнье, – это именно Сыны Пламени. Благодаря божественному вмешательству Адер удается заручиться поддержкой священного воинства, и она отправляется на битву с ил Торнье. Что из этого получится, узнаете на страницах романа. В своем путешествии Адер встречает существ намного более древних, чем ее империя. Как вести политическую игру против подобных сущностей?

Каден чудом спасся после уничтожения монастыря хин. Теперь он знает, что к убийству императора причастны представители древней расы кшештрим – исконных врагов человечества. Вместе со своим наставником он отправляется в жилище монашеского ордена ишшин, которые издавна борются с кшештрим. Однако к его ужасу, монахи оказываются отнюдь не так благородны, как хин. Ненависть и бесчеловечные практики превратили их в фанатичных безумцев, готовых пойти на все, ради убийства последних кшештрим. Новоиспеченный император не является для них авторитетом, и сам Каден уже оказывается в плену. Теперь ему предстоит выбраться из заключения и найти свой путь к трону и мести.

В какой-то момент пути Валина и Кадена расходятся. Младший брат оказывается в сложном положении. По факту, он – дезертир, и за его крылом охотится элита кеттрал. После сражения их птица ранена, а сами кеттрал оказываются в плену кочевников-ургулов. Там они встречают лича Балендина, который предал их и чуть было не убил Кадена. Выясняется, что у ургулов появился новый вождь, Длинный Кулак, сумевший объединить разрозненные племена кочевников, превратив их в грозную силу. Теперь многотысячное войско ургулов стоит

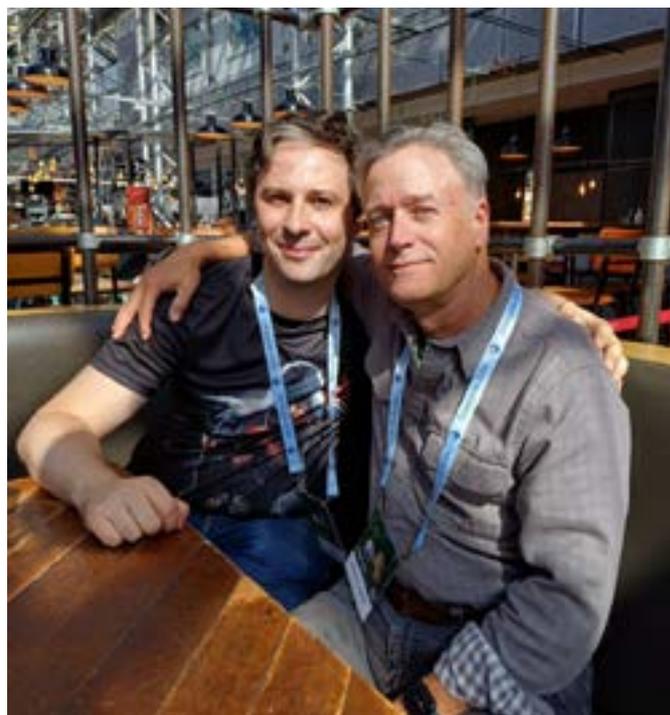
на границе империи. Длинный Кулак объясняет Валину, что это лишь для защиты от нападения кенаранга. Также он рассказывает, что именно ил Торнье убил императора, и отпускает Валина с двумя кеттрал из его крыла, чтобы убить предателя. Вместе с этим женская половина крыла вместе с Присягнувшей Черепу Пирр остаются в плену у ургулов. В этот момент в повествование добавляется ещё один POV – подрывница-кеттрал Гвенна. Именно ее глазами мы увидим то, что происходит в ургульском войске.

Если в первом романе главные герои в основном только реагировали на удары судьбы, то во втором каждый из них старается сам управлять происходящими событиями: спасти свою страну от внутренних и внешних угроз, а также отомстить за отца. Стоит отметить, что ставки в этой игре заметно возрастают. Дело уже не просто в мести, но и в спасении человечества, ведь во всем происходящем оказываются задействованы древние враги людей, кшештрим, и даже божественные сущности. Проблема в том, что каждый из героев выбирает свой путь, и между ними нет ни малейшего согласия. Их представления о том, как нужно действовать заметно отличаются – за годы разлуки они стали друг другу совершенно чужими людьми. Автор порой даже сталкивает их лбами в одной из самых трагических и сильных сцен романа. Что выбрать, родство и личную месть или благо империи? Автор очень хорошо поработал над своими героями. Возлагая на их плечи огромную ответственность, он добился того, что главные герои заметно меняются.

Протагонисты получились не менее яркими, но вот их мотивы не так понятны. Делая акцент на главных героях, автор оставил «злодеев» по большей части за кадром. Думаю, их раскрытие Стейвли приберет для заключительного тома.

Итог: «Огненная кровь» – достойное продолжение цикла. Герои, и без того яркие, получили свое развитие. Их сюжетные линии хорошо проработаны. География романа заметно расширилась. Экшена и интриг стало заметно больше. Каждый герой не желает быть пешкой в чужой игре, но информация настолько разнится, что им крайне сложно сделать правильный выбор. Совершенно непонятно, кому из союзников можно верить, да и можно ли вообще кому-то доверять в сложившихся обстоятельствах. Третий том должен раскрыть читателям глаза на истинное положение вещей.

Алексей Севериан



Пообщался с двумя замечательными авторами, которые очень по-разному и одновременно очень



здорово пишут про похождения обаятельных мошенников. С Майклом Салливаном и Скоттом Линчем. От полуднего, кстати, на днях поступили добрые вести (<https://www.scottlynch.us/updates.html>). Нет, это еще не долгожданный The Thorn of Emberlain, но они про новые приключения Благородных Каналий. Во-первых, не за горами выход цикла из трех повестей The Road to Emberlain, которые станут своего рода сюжетным мостиком между третьим и четвертым романами цикла. Точной даты выхода пока нет, и анонса на этот счет стоит ждать от издательства Subterranean Press. Во-вторых, в издании Grimdark Magazine в двух частях (в октябре и январе) выйдет рассказ о приключении Локка в подростковые годы. Про четвертый роман Скотт пока никаких анонсов делать не готов. Но, судя по тому, с каким энтузиазмом о нем говорит, кажется есть шанс, что хорошие новости не за горами.

P.S. Кажется, я наконец учусь улыбаться на фото с авторами.

Дмитрий Злотницкий



Впечатлений становится так много, что все они цепляются друг за друга, сливаются, спрессованы в тонкий лист и собраны в оригами (в форме летучей мыши).

Самое яркое впечатление вчера – бид-вечеринки и прекрасный Джим Келли. Сегодня к этому моменту – Аластор Рейнольдс и снова Джим Келли; пока рисовала мышкозавров, (<https://t.me/myshkosaurus/336>) слушала про роботов, а сейчас слушаю про НФ-котов (рассказывают Наоми Критцер, Джон Скальци, Ннеди Окорафор, Эрин Хантер и Шеннон МакГвайр).

Я не собиралась покупать книги, но уже набрала четыре. Представьте, сколько книг у тех, кто собирался их покупать.

К.А.Терина

12 августа:



Вернусь еще раз ненадолго к злополучным экранизациям “Соляриса”. Недавно я нашла на youtube неплохое видеозэссе (<https://www.youtube.com/watch?v=kFX75YSI1w0&t=53s>) «Солярис. О романе Станислава Лема и его экранизациях» на эту тему. Не со всем я согласна (там опять же слишком комплиментарно, на мой вкус, говорится о фильме Тарковского), но то, как сформулирован главный вывод, мне понравилось:

“Станислав Лем стал творцом, который не ищет людей, отправляясь в космос. А авторам экранизаций в своих фантазиях так и не удалось покинуть Землю”.

P.S. Судя по всему, основная специализация автора этого канала – это “Дюна” и “Твин Пикс”, но помимо этого, там есть видео и про другие фантастические миры. В том числе и про книги Лема.

P.P.S. В связи с последними новостями о замедлении работы youtube в России, я задумалась, а стоит ли в принципе давать ссылки на какие-то видео?

Инар Искендрова

Годы прожиты, люди пройдены «Хьюго» розданы (<https://www.thehugoawards.org/hugo-history/2024-hugo-awards/>):

лучший роман – **Some Desperate Glory** Эмили Тэш, это дебют (и у автора даже нет страницы в Википедии), это, по аннотации, квір-космоопера (так что я бы не обольщался насчет перевода), наконец, это роман о девочке, которую растят на космостанции «Гея», чтобы героиня отомстила за гибель Земли в войне с инопланетянами, у которых есть оружие, меняющее реальность, под названием Мудрость (Wisdom);

** конкуренты перечислены постом выше;

лучшая длинная повесть – **Thornhedge T. Кингфишер**, той самой Урсулы Вернон, которой в прошлом году дали «Хьюго» за роман, и та премия оказалась как бы фальшивой и скандальной, чего никто не скажет про эту, а так – это типа пересказ «Спящей красавицы», но красавица-принцесса тут – зло, а добро тут – выращенная феями героиня, похожая на жабу, и имя у нее такое же, Жабочка, Toadling;

** конкуренты были сильные, включая повесть Аркади Мартин и два перевода китайских авторов первого ряда – Хэ Си и Ван Цзинькана, но китайцам, хотя они были много где, не дали ничего, практически демонстративно, увы;

лучшая короткая повесть – **The Year Without Sunshine**, лучший рассказ – **Better Living Through Algorithms**, то и другое – **Наоми Критцер**, о рассказе я писал тут (<https://t.me/starlighthousekeeping/2297>), не сомневаюсь, что повесть такая же – по-стародоброму – крутая;

** конкуренты были неслабые, особенно в категории «рассказ» – Хань Сун, Баошу, П. Джели Кларк, Альетт де Бодар;

лучшая книжная серия – «Империя Радч» Энн Леки, комментарии излишни, на сегодня это трилогия + два романа + несколько рассказов, и всё это под саундтрек из раннего БГ: «Гармония мира не знает границ / Сейчас / Мы будем пить чай»;

** среди конкурентов – Адриан Чайковский, Чарльз Стросс и Альетт де Бодар;

лучший комикс – 11-й том «Саги» Брайана Вона и Фионы Стейплз, второй долгожданный после перерыва между 2018-м и 2022-м;

** ничего не могу сказать про конкурентов, кроме того, что был там и китайский комикс про «Проблеме трех тел»;

лучшая околофантастическая работа – **A City on Mars** Келли и Зака Вейнерсмитов, нонфикшн о том, как на Марсе будут яблони цвести;

** среди конкурентов – две китайских работы и издание рисунков Иэйна М. Бэнкса к его «Культуре»;

лучший длинный фильм – **Dungeons & Dragons: Honor Among Thieves**;

** среди конкурентов – не дали «Хьюго» ни «Барби», ни «Бедным-несчастливым», ни «Блуждающей Земле II», но тут вечно буду ломаться копыя, слишком разное кино;

лучшее короткий фильм – эпизод “**Long, Long Time**” из **The Last of Us**;

** конкуренты – два эпизода «Доктора Кто» из трехсерийного вставного сезона с Десятым, два эпизода из «Стар Трека: странные новые миры», эпизод из «Локи», в общем, низабудим-нипрастим;

по остальному я особо не спец, отмечу разве что фэнзин (**Nerds of a Feather, Flock Together** – просто потому что друг над ним трудится, см. выше) и редакторов – за редактуру короткой формы дали, конечно, **Нилу Кларку** из **Clarkesworld**, за редак-

туру длинной – **Жоси Чэнь** (Ruoxi Chen именно так транскрибируется, хозяйке на заметку), но это не уступка китайскому фэндому, Чэнь – американка китайского происхождения, и среди ее редакторских проектов – тот самый дебютный роман Эмили Тэш, например. А, ну и премию «Эстаундинг» лучшему дебютанту – это **Сижань Джей Чжао** (Xiran Jay Zhao, опять система Палладия), канадка китайского происхождения (точнее, у нее отец из этнической группы хуэй – это в основном китаегворящие мусульмане), фантаст и косплеер, написала Чжао пока немного, но фигура это заметная, как благодаря критике диснеевского «живого» римейка «Муланы», так и потому что в Чэнду в прошлом году Чжао стала одной из жертв выноса из номинаций – видимо, орги опасались скандала.

Николай Караев

В романе Лема «Возвращение со звезд» описана процедура бетризации, которая нейтрализует агрессию, и чел.общество, приятненько изменившееся под влиянием её.

Это не одинокий голос фантаста Станислава Лема, а очень распространённое заблуждение, будто из человека надо вынуть агрессию, и тогда всё станет зашибись.

Но нет. Вынимать надо не агрессию, а жестокость. Присущий более-менее всем людям садизм в диапазоне от наслаждения содрать с живого ближнего кожу до обычного обывательского желания строго наказывать всех плохих.

Совершенно нормально (на определённом этапе развития, скажем так, до наступления полного просветления) и даже полезно для роста и становления желание всех вокруг победить, или способность дать сдачи, когда на тебя напали. Готовность, когда надо, вступить в конфликт. И так далее.

Это нормально, но при условии, что носитель агрессии не хочет причинять кому-то страдания. Что тема чужих страданий не возбуждает, а ужасает его. Случайно разбить нос в драке может (и конкретно эта составляющая победы его не обрадует), может и пристрелить, защищаясь, а намеренно пытать не станет ни при каких обстоятельствах. Да и не бывает таких обстоятельств, что пытки прямо необходимы, честно-то говоря.

Если уж создавать утопию, придумывать идеальное общество, вот какое изменение надо внести в фундамент. А дальше оно само.

Макс Фрай



Крис Баркли, еще один прекрасный человек, с которым я познакомился в Чэнду (тот самый, что видел Эда Гамильтона и Ли Брэккет), выложил всякие фото из Глазго, и одну фотографию сложно не перепостить. Это Пол Корнелл. Здесь он – фина-

лист нынешней «Хьюго» в категории «Комиксы» за комикс The Witches of World War II (как автор). Но мы его знаем и помним в другом качестве – как автора романа Human Nature (1995), оригинальной книги о Докторе Кто, послужившей основой для сценария эпизодов «Семья Крови» и «Человеческая природа». Сценарии написал сам Корнелл, и они о Десятом Докторе, хотя в книге действует Седьмой. В общем, тот самый писатель, который придумал чуть не лучшие серии «Доктора». Как по мне.

Николай Караев



В сентябре Fanzon издает «Бумажный Грааль. Все колокола земли» Джеймса Блэйлока!

Новый омнибус, состоящий из двух романов, действия которых происходят в волшебной Калифорнии, и входящих в условный цикл «Христианской трилогии». Джеймс Блэйлок – многократный лауреат Всемирной премии фэнтези и премии Филипа К. Дика. Является одним из отцов-основателей жанра стимпанк и лидером интеллектуальной фантастики и магического реализма.

Романы понравятся фанатам короткой прозы Рэя Бредбери и Нила Геймана, любителям мистических тайн, заговоров и «странной» мифологии.

В Мендосино многие ищут бумажный Грааль, созданный японским художником Хокусаем, и начинается война между тайными обществами.

А в Ориндже жители тихого городка попадают под влияние черной магии. Антиквар Стеббинс не замечает битвы добра и зла на своем заднем дворе, пока не узнает тайну китайской Синей Птицы Счастья, которую решает оставить себе.

Алексей Севериан



*“Ой, да пофиг.
Это все равно лучше, чем 2018-й”.*

TheNewYorkerRu

Вселенная – симуляция?

Беседуем о науке и научной фантастике с известным редактором и любителем фантастики Ираклием Вахтангишвили. Является ли наша Вселенная всего лишь компьютерной симуляцией, которую создала некая супер-пупер-развитая цивилизация? Этот вопрос в 2001 году задал в своих философских работах американский философ Бостром. Идею быстро подхватили, стали обсуждать, обсуждения ведутся до сих пор, ни никто, конечно, так и не дал обоснованного ответа.

Второй вопрос, который мы с Ираклием обсудили в нашей беседе: на каком уровне реальности заканчивают действовать законы квантовой механики и начинают действовать законы классической физики? Могут ли существовать макроскопические объекты, которые, тем не менее, действуют по законам квантовой физики?

Павел Амнуэль

13 августа:

«Сто лет тому вперед» – конечно, не фильм по книге Булычева, а экранизация неизвестного (науче) фанфика. От Булычева остались имена Коля, Алиса и Весельчак У, зато от фанфика – влечение большинства героев в отношении разной степени романтичности (участвуют люди, инопланетные пираты и даже разумный газ). На этом фоне малоинтересные диалоги и несколько рендеров прекрасного/ужасного далека (привет не только «Матрице», но и игре «Атомик харт») – вместо минимальной попытки его изобразить – выглядят не багом, а фицей. На это же, то есть на жанровые каноны, можно списать и довольно ужасную игру актеров-школьников второго плана – умели бы играть, только бы

отвлекали от нашего Тимоти Шаламе (Марк Эйдельштейн).

Надо отдать должное создателям кино – это крепкое маркетинговое предприятие: оно метит в аудиторию постарше как бы знакомыми (нет) героями и рингтонами из «Гости из будущего», а в тех, кто помладше – разнообразными подмигиваниями (Марвелу, «Дюне», видеоиграм) и «дэдпуловской» болтовней главного героя (несколько раз за фильм останавливающей происходящее и объясняющей, на что не хватило хронометража).

Если амбиция была именно в этом, то она вполне реализована.

Но если предположить, что было что-то еще, то придется развести руками: в течение двух с половиной часов кажется, что ты смотришь рекламный ролик Сбера про похорошевшую Москву и все ждешь, какой именно продукт тебе сейчас предложат. Но все эти красивые и удобные штуки проплывают мимо и так и не выдают уникального торгового предложения. Что, конечно, демонстрирует, что в области маркетинга отечественному кино еще есть куда расти, даже несмотря на очевидные успехи.

Дмитрий Захаров

Дочитал «Вечную жизнь Смерти». Мне по-прежнему, несмотря ни на что, трилогия Лю Цысиня кажется монументальной и офигительной. А третья книга – еще и очень грустная (и, кстати, с финалом практически «Мастера и Маргариты» – но я, видимо, должен отдельно написать, почему это всё меня цепляет).

Просматриваю комментарии русских переводчиков – я читал на языке родных осин, да. Например, биоробот-софон, который Трисолярис послал к человечеству в качестве посла, называется в русском переводе Томоко. В оригинале это 智子,

Чжицзы, то же слово, которым в оригинале обозначаются частицы «софоны». Кен Лю, переводя на английский, сконструировал слово «софон» – от греч. «софия», «мудрость», по аналогии с другими частицами, – чтобы передать китайскую семантику: 智子 – «мудрая частица». Биоробота он, соответственно, тоже назвал Sophon.

Русским переводчикам это не понравилось: «Мы решили, что это будет создавать изрядную путаницу, особенно в эпизодах, где действуют и софоны, и Софон». Кен Лю как-то прохлопал этот момент и создал изрядную путаницу, но не таков наш брат и сестра переводчики! Был, ясно, вариант взять китайское слово, однако: «Называть ее Чжицзы? Но это же невозможно выговорить!» Воистину. «И тогда мы вспомнили об эпизоде в начале «Темного леса», где один из персонажей называет софон японским женским именем Томоко... Посланица Трисоляриса ведет себя как японка; об этом свидетельствует все: ее манеры, одежда, жилище, владение катаной и прочее. Есть и еще один маленький нюанс: для китайца (а автор, как мы помним, китаец) японец – это синоним врага», – сообщают нам переводчики.

Тут есть логика, конечно, Софон и правда всюду ходит с катаной, устраивает чаепития и так далее. И, да, она представляет себя как женщину, что в сочетании с иероглифом 子 в японском идеально. (Я не заглядывал в оригинал «Темного леса», но «Томоко» – один из вариантов чтения этого имени в японском, есть еще, говорит словарь, Сатоко, Тико, Тосико и так далее.) И соображения насчет врага и оккупации, я думаю, могут быть верны. Просто в оригинале это всё упрятано в тонкую языковую игру, к которой особо не придерешься, а в русском варианте – херак обухом по голове! – она японка, и все дела.

Еще там в конце к авторскому «в далекой древности люди тоже пользовались идеографическим письмом – иероглифами, но позже эти системы письменности исчезли» какой-то удивительный комментарий:

Некоторые западные читатели могут удивиться такому утверждению. Китайские символы (ими написан оригинал этой книги) часто называют иероглифами, но это не совсем верно. Китайская письменность является фонетической, так же как и почти все современные алфавиты. До наших дней в ней сохранилось всего лишь несколько идеографических символов.

По-русски это звучит как ахиня – слово «иероглиф» применяется к китайской письменности полноправно, китайские иероглифы делятся на пиктографические (простые идеограммы), идеографические (составные идеограммы) и фонографические (составные знаки с участием ключа, отвечающего за смысл, и фонетика, отвечающего за звук), – и, кстати, что за дичайшее сравнение китайской письменности с алфавитами?! – но в оригинале это примечание Кена Лю, и оно звучит так:

Some Anglophone readers may raise an eyebrow at this assertion. The common description of Chinese characters—the script this novel was originally written in—as “ideograms” is inaccurate. The Chinese script is phonetic, like almost every other script still in use, though it still contains a few (very few) ideographic elements that have survived through the ages.

То есть – не «западные читатели», а англофоны, не «иероглифы», а идеограммы, не «алфавиты», а системы письменности, не «идеографические символы», а идеографические элементы, не «всего лишь несколько», а «мало (очень мало)». А так всё верно. С небольшими уточнениями.

Я это к тому, что переперевод – зло по очевидным причинам. Во-первых, переводчики чаще всего (не считая случая с «Томоко») были вынуждены сохранять переводческие решения Кена Лю, которые Кен Лю принимал исходя из специфики английского, а не русского языка. Любые решения, даже те, которые незаметны. Если Кен Лю замечал игру слов и решал ее по-английски, русские переводчики с огромной вероятностью не факт что это заметили. Если Кен Лю замечал игру слов и ее не решал, а оставлял примечание, это примечание с огромной вероятностью перекочевывало в русский перевод. Если Кен Лю не замечал игру слов, переводчики ее с огромной вероятностью тем более заметить не могли.

Во-вторых, любые ошибки Кена Лю русские переводчики с огромной вероятностью принимали за истину, дополняя это дело своими ошибками, вот как в примечании про «иероглифы», хотя в оригинале иероглифы и не ночевали.

Не факт, что перевод с оригинала был бы удачнее, конечно, – зависит от переводчика, – но факт, что переперевод аккумулирует ошибки как не в себя.

Николай Караев

Потрясающе: как сообщает (<https://fantlab.ru/blogarticle87689>) на ФЛ Андрей Мешавкин, рассказ Эдмонда Гамильтона «Невероятный мир» (1942, о том, что на Марсе воплощаются фантастические рассказы писателей вроде Гамильтона, отчего герои приходят в понятный ужас, но это только начало), который был впервые напечатан в СССР в 1956 году в январском «Юном технике» (а также в уфимской газете «Ленинец», чуть позже), еще 15 декабря 1946 года (!) передавали по Всесоюзному радио как

«для детей». Сразу после буржуазного «Медвежонка Винни-Пу». Удивительное рядом.

Николай Каравев



Еще я досмотрел первый сезон «Орвилла», и мне очень понравилось.

Умом я понимаю все недостатки сериала Сета Макфарлейна. «Орвилл», конечно, вторичен по отношению к «Стар Треку», по сути это попытка сделать новый старый «Стартрек» – про идеальное будущее, но с неидеальными людьми. Комедия при этом как бы из нашего времени – в эпизоде «Новые измерения», например, вместо желеподобного Яфита главой секции инженеров назначают другого (человека), и Яфит заявляется к капитану и говорит, что это расизм, потому что он – единственный студневидный на борту, на что капитан говорит: «Нет-нет, у меня есть студневидные друзья!» – понятно, что это классический расистский аргумент, в США ассоциирующийся с ксенофобией в отношении чернокожих, а в «Орвилле» назначение вместо Яфита получает как раз чернокожий навигатор Джон ЛаМарр, и выходит такая понятная мета.

И эта мета плохо стыкуется с идеальным будущим, между прочим, коммунистическим по сути, хотя это нигде не проговаривается – зато проговаривается, что это не капитализм («Правление большинства»), ну и с синтезаторами всего и вся и отменой денег это и правда не капитализм никакой. Но все-таки комедия тут – способ для Макфарлейна пройти по узким местам настоящего, от расизма до соцсетевого конформизма. При этом некоторые эпизоды кажутся вторичными и сами по себе – они повторяют устойчивые фантастические тропы, причем не слишком изобретательно.

Но – в этом ведь и кайф. Макфарлейн фактически пытается вернуть старую добрую фантастику на новом витке. Это как если бы кому-то из российских фантастов хватило ума и воображения переписать (не напрямую) «Туманность Андромеды» с живыми людьми. Герои «Орвилла» подчеркнута живые. Сериал начинается с того, что будущий капитан обнаруживает жену в постели с любовником (синим инопланетянином Дарулио), разводится с ней, потом его назначают капитаном «Орвилла», а потом его первым помощником назначают ту самую бывшую жену. Уж куда живее. Опять же, на этом фоне инопланетяне все подчеркнута антропоморфны, и я не о физиологии даже, я о психологии (см. эпизод «Криллы», ну или любой другой), – но и это ведь дань условностям старой доброй фантастики.

Для меня одним из множества ключиков к «Орвиллу» стала неприметная сцена из эпизода «Безумное идолопоклонство», не имеющая отношения ни к сюжету, ни к фантастике. Капитан разговаривает по видеофону с адмиралом, адмирал велит ему чего-то там не делать, говорит: «That's an order!» – «Это приказ!», – и капитан, расстроенный, думая, что адмирал уже отключилась, передразнивает ее репликой в сторону, намеренно гримасничая

и шепелявя: «Эфо пфыкаф!..» – а адмирал еще не отключилась и такая: «Что?..» – ну и капитан начинает оправдываться и всякое такое.

Очень смешно сыграно. Очень банальная шутка. Банальная-то банальная – но когда я видел такие шутки в последний раз? Ну, может, в The Thick of It (но это другое). Давно я не видел таких шуток, честно сказать. Потому что очень давно я не видел добрых комедий, они как-то вышли из моды, да?

И вот с фантастикой в «Орвилле» такая же история. Простые, банальные, милые сюжеты. Очень увлекательные. И я давно таких не видел. И очень рад, что Сет Макфарлейн ощущает эту нишу пустующей так же, как я. Ниша, казалось бы, давно уже отыгранная. Простая утопия простого коммунистического будущего, конфликты хорошего с лучшим, герои все такие нормальные, что максимальный уровень морального выбора – это вот «как искупить вину перед бывшим мужем, когда я ему изменила». Давно вы встречались с таким уровнем морального выбора в книгах-фильмах? Там всё нороят выбрать между «уничтожить человечество, но выбрать любовь» (Лю Цысинь, собственно) и «спасти хоть кого-то, но установить кровавейшую диктатуру», ну и прочие глобальности.

И это тоже интересно. Просто «Орвилл» – о другом. И, подозреваю, для жизни на грешной Земле он в 99% случаев для души полезнее.

Николай Караев

В сентябре Fanzon издает «Ночь морлоков» К.У.Джетера!

Эпическое и революционное продолжение «Машины времени» Герберта Уэллса. Самый первый роман в жанре стимпанк. Автор романа, Кевин Джетер, придумал этот термин для описания своего творчества и творчества своих друзей – Филипа К.



Дика, Джеймса Блэйлока и Тима Пауэрса. Книга включает в себя не только путешествие во времени, но и героев британских легенд – короля Артура, волшебника Мерлина и магический меч Эскалибур.

Для фанатов сериала Arcane и видеоигр серии BioShock.

Мутанты-пролетарии морлоки из 800 000 года захватывают машину времени и с ее помощью атакуют Лондон конца XIX века, устраивая революционные беспорядки и гражданскую войну.

Но и мифические герои Британии прибывают в это трудное время, чтобы защитить свою страну!

Алексей Севериан

Адам Пшехшта «Тень»

Жанр: Городское фэнтези/Технофэнтези

Оценка: 8/10

«Тень» – заключительный роман трилогии Адама Пшехшты «*Materia Prima*».

Действие цикла разворачивается в альтернативном начале XX века в Российской Империи и Польше. Главным фантдопущением трилогии являются таинственные анклав, появившиеся



в крупнейших городах Европы. Отгремела Первая мировая война, между сверхдержавами наступило шаткое перемирие. Между двумя политическими гигантами расположилась Польша, борющаяся за независимость. Стоит ей проявить слабость, и она окажется захвачена кем-то из могучих соседей. Перед родиной главного героя, алхимика Олафа Рудницкого, стоит множество серьезных испытаний. Нужно создать новое правительство и боеспособную армию, разработать собственную валюту, которую нельзя подделать. Рудницкий – поначалу максимально аполитичный человек, постепенно становится одним из самых влиятельных людей своей страны. От его решений во-многом зависит благополучие его народа. Причем с ним считаются не только политики, но и Проклятые – демоны анклава, теперь свободно живущие среди мирных граждан. Именно благодаря алхимику они соблюдают некие правила, не вступая в конфронтацию с людьми. В самой Польше действуют несколько политических сил, которым не всегда легко договориться между собой.

Вторым главным героем является Алексей Самарин. Он решает завязать с воинской службой и посвятить время семье. Однако долго отдыхать ему не пришлось. Император поручает ему наставничество над своим сыном – царевичем Алексеем. В предыдущих романах Рудницкий и Самарин спасли юноше жизнь, предотвратив масштабный заговор. Теперь главному герою предстоит снова погрузиться в пучину дворцовых интриг и даже пережить покушение на собственную жизнь. Ещё во втором романе Самарин с Рудницким оказались по разные стороны баррикад в масштабной войне. В третьем романе ситуация ещё больше обостряется, ведь каждый из них получает заметное политическое влияние. Радует, что Пшехшта хорошо поработал над своими персонажами – они не статичны, со временем заметно меняются. Каждый из них – патриот своей родины, но при этом оба они стараются не стать врагами, что добавляет в повествование драматизма. Печалит, что автор окончательно развел протагонистов – каждый получил свою практически независимую сюжетную линию, которые лишь изредка пересекаются.

На мой взгляд, Адаму Пшехште удалось создать очень гармоничный мир. Дух начала XX века со всеми его кризисами удачно дополняется магической составляющей. С появлением анклавов изменения затронули практически все сферы жизни. Магия и алхимия стали работать, а демонические сущности поселились, пусть и скрытно, среди людей. В своей трилогии автор умело смешивает детективную составляющую, политику и борьбу с потусторонним. Правда, в разных романах они представлены в разных пропорциях. В «Тени» на первую роль выходят политические баталии, в «Губернаторе» – война, а в «Адепте» – детективная составляющая и вылазки в анклав.

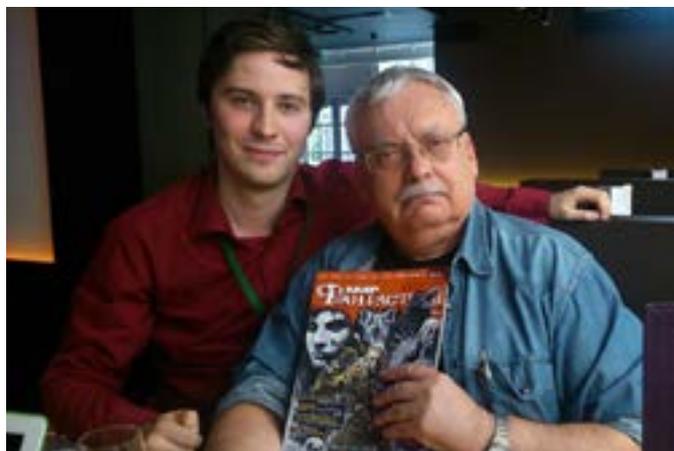
Ещё больше автор раскрывает перед нами таинственный мир анклавов. Стоит отметить, что оба протагониста в первом романе получили сверхъестественные способности и стали адептами. Однако именно Рудницкий в этом сильно преуспел, из-за чего даже многие Проклятые опасаются алхимика. Он ступил на путь полный смертельных опасностей и всецело погрузился в мир сверхъестественных тайн. Сумел даже стать смертельным врагом самого сильного демона варшавского анклава!

Хотя роман и невелик по объему, концентрация событий в нем очень большая. В обеих сюжетных линиях, петербургской и варшавской, события развиваются максимально стремительно, вследствие чего роман читается буквально на одном дыхании. Развязка всей трилогии получилась довольно неожиданной, но по-своему красивой и впечатляющей.

Итог: «Тень» – удачный финал хорошего цикла. Роман богат на события и сюжетные повороты. Автор поставил жирную точку в военно-политическом конфликте, тем не менее оставив и задел на продолжение. Сейчас автор пишет вторую трилогию, но вот ее издание в России вызывает опасения.

Алексей Севериан

Кстати, про прошлые WorldCon'ы. Первый мой был ровно 10 лет назад в Лондоне. Тогда удалось пообщаться с Робин Хобб, Патриком Ротфусом, Джо Холдеманоном, Скоттом Линчем... А после я поехал ещё и на «Еврокон», который проходил через выходные в Дублине. Писателей там было куда меньше, но мне хотелось взять интервью ещё и у Анджея Сапковского, которого в Лондоне не было. Ну и Дублин посмотреть было интересно. И решение поехать туда оказалось прекрасным, ведь именно



в Дублине во время фестиваля начались отношения с моей прекрасной женой.

Дмитрий Злотницкий

14 августа:



Сижу в таллинском книжном «Рахва раамат», решил после работы выпить латте с лимончелло, заодно листаю антологию эстонской фэнтези, о котором уже писал. Вычитал в послесловии Рауля Сульби удивительную штуку: ещё в 1980 году

в глубоком советском застое Лаури Линаск защитил в Тартуском университете дипломную работу «Миф и реальность в произведениях Дж. Р. Р. Толкина» (Myth and reality in the literary works of J. R. R. Tolkien) на «Властелине Колец».

Интересно, это первая научная работа по Толкину в СССР или нет?

Николай Каравев

15 августа:

Антонина Крейн, «Витражи лесной столицы». Изд. Черным-бело

Действия сборника Антонины Крейн разворачиваются в флагманском фэнтези-мире писательницы; если сузить географию еще сильнее – в Шолохе, лесном королевстве, местами очень похожем на наш мир: в смысле, что на все случаи жизни тут есть зелья, герои могут спокойно сидеть в кафешках и учиться в нормальных университетах. Никакой мрачной средневековщины! Каждый рассказ в «Витражах лесной столицы» автономен, но везде читатель встретит знакомых по романам Антонины Крейн героев: то они меняются телами, то сражаются за блинчики, то расследуют чье-то странное заболевание, то троллят друг друга, то хотят разыграть наставника, но сами остаются с носом. С одной стороны, порог вхождения в этот сборник минимален. В целом, с «Витражей» можно начать знакомство с миром Антонины Крейн, в каждом новом романе становящемся все масштабнее и насыщенней – как в детской книжке с объемными поп-апами. С другой же, книга эта больше всего отзовется в сердцах фанатов – если знать героев заранее (программа максимум – помнить их приключения), все рассказы становятся ярче и чуточку



пикантнее – в эмоциональном смысле. А многие и вовсе обрастают дополнительными смыслами.

Новинку Антонины Крейн порой сравнивают с витражом, где каждый текст – это маленькое цветное стеклышко (впрочем, даже в название вынесен этот образ). Однако более подходящей кажется музыкальная метафора: перед читателем оказывается набор нот, который самостоятельно можно сложить в единую мелодию, гимн лесного королевства: в нем есть и мажорные, и минорные тона. Все рассказы написаны в совершенно в разной тональности: некоторые более сюжетны и похожи на миниатюрные квесты-приключения, некоторые – сродни анекдотам, а некоторые – вовсе эмоциональные зарисовки, увеличивающие химию между героями. Максимально меткая в диалогах и драматургии, Антонине Крейн, как и всегда, умеет задать нужное настроение то воздушным и красивым описанием, то набором деталей, а то и вовсе поведением персонажей – даже простыми жестами и шутками (что-что, а юморить персонажи «Шолоха» всегда умели на ура). Даже миниатюрная

сцена с разводом туристов и занавесками добавляет глубины звучания общей мелодии.

На выходе получается чудесный литературный аттракцион, приняв правила игры которого никаких других развлечений уже и не захочешь. Теплые рассказы дарят надежду, заставляют смеяться – автор мастер генерировать бытовые ситуации, перенесенные в фэнтезийный сеттинг, – и ждать обещанных Антониной Крейн поцелуев персонажей. Да-да, дорогой автор, мы все помним!

Денис Лукьянов

Джим Келли подарил мне сувенирную ворлдконовскую флешку с подборкой аудиокниг, среди которых – его повесть King of the Dogs, Queen of the Cats. Сегодня я надкусила (метафорически) эту флешку со стороны сборника Хьюго-лонглистеров. Представьте: вот я на балконе с видом на Рочестерский замок, укуталась в плед, рисую мышкозавров (<https://t.me/myshkosaurus/340>), (<https://t.me/myshkosaurus/340>) слушаю волшебный голос Stefan Rudnicki. Очень это хорошо!

Today I am Paul by Martin L. Shoemaker, Clarkesworld Magazine Issue 107 (August 2015) (https://clarkesworldmagazine.com/shoemaker_08_15/)

Рассказ деликатно рефлексировать на тему болезни Альцгеймера. Благодаря медицинскому андроиду BRKCX-01932-217JH-98662 (обладающему высоким уровнем эмпатии и навыками эмуляции поведения и внешности проанализированных людей), мы смотрим на болезнь с точки зрения всех участников процесса: немолодой Милдред, её сына, жены сына, обеих внучек и – самого андроида-медбрата.

Сын резок, невестка снедаема страхом и не умеет проявлять чувства, старшая внучка винит себя,

младшая ничего не понимает, а Милдред дрейфует через хаос Альцгеймера от одного островка ясности к другому.

Никто не ждёт от таких рассказов неожиданных твистов и уникальных идей, они здесь не нужны – их и нет. А нужны честность и эмоциональность без пафоса – это есть.

К.А.Терина



Помимо прочего, на WorldCon'e состоялось вручение премии «Хьюго» и по традиции последних лет начались разговоры (в русскоязычном пространстве), мол награда вручается по «гендерным квотам» и вообще обесценилась. Но это конечно не так.

Надо понимать, как определяются победители премии. Все зарегистрированные участники WorldCon'a могут проголосовать за понравившиеся произведения. И, хотя голосуют в итоге далеко не все, это тысячи людей, которые и определяют, кому достанется награда. Нет какого-то комитета или жюри, который бы через эту премию мог пытаться насаждать свои вкусы – «Хьюго» отражает предпочтения пусть не всего западного сообщества поклонников фантастики, но значительной его части. Это может не нравиться, на «Хьюго» можно не ориентироваться, но факт есть факт – это выбор именно читателей современной фантастики.

Да, сейчас очень много номинируется книг, которые написаны женщинами и ориентированы

на женскую аудиторию... Ну так читают и покупают фантастику и фэнтези сейчас куда больше женщины.

Дмитрий Злотницкий

Извините, что опять запропал – через несколько часов на поезд до Владимира, на фестиваль «Китоврас», пытаюсь доделать все, что надо срочно доделать до отъезда. Уже завтра буду рассказывать жителям Владимира (и понаехавшим москвичам) о том, почему у нас нет «Истории советской фантастики». Ничего нового по сравнению с недавним выпуском «ФантКаста», видимо, не скажу, но может акценты немного по другому расставлю.

В комментариях к выпуску меня постоянно тыкают англо-американцами: вот у них с исследованиями все зашибись! И это верно: больше всего книг по истории и теории условного «жанра» выходит на английском, существует несколько реферируемых журналов, целиком посвященных этой теме, и в одном из них я даже когда-то печатался (хотя бумажный экземпляр так и не прислали, редиски, только бессмысленный pdf). Но не все так просто – об этом я в подкасте говорил, но, очевидно, недостаточно подробно и внятно. «История фантастики» штука многосоставная, и она не возникает на пустом месте. Нужна критическая масса, нужны исследования разных аспектов. Американцы заинтересовались историей фантастики в 1950-х, но первые два десятилетия этот воз тащили на себе фэны-энтузиасты вроде Сэма Московича. Причем первые книги по теме были поверхностными, часто содержали ошибки и необоснованные обобщения – это не я придумал, об этом в тематической энциклопедии пишут. До середины 1970-х критика и теория фантастики была востребована только внутри фэндома, книги выпускались скромными тиражами,

быстро превращались в библиографическую редкость. «The trickle of sf criticism in book form became a small spate around the mid-1970s and something of a torrent later on». Причем писали такие книги в основном сами фантасты, не чуждые академической науке: Паншин с супругой, Дэвид Уоллхем, Джеймс Ганн, Брайан Олдисс. Причем ни одна из этих работ не была в полной мере академической (что, наверное, и к лучшему).

То есть англо-американскому фантастиковедению понадобилось два с лишним десятилетия, чтобы накопить критическую массу – и еще больше, чтобы выйти из «фантастического гетто» к чистой публике. У нас какой-то интерес к истории советской фантастики проснулся только в 2010-х. Единственная серия авторских фантастиковедческих книг называлась «Лезвие бритвы», и выпускал ее я с 2018 по 2021 годы. Когда перестал выпускать в силу понятных обстоятельств – никто этот почин не подхватил. Хотя уверен, что нужными компетенциями и ресурсами обладаю не я один. Ни одного специализированного журнала нет – ну, кроме «МирФа», который предельно далек от академического литературоведения, при всем уважении. Статьи выходят (в разных медиа), архивы собираются, иногда даже обрабатываются и переводятся в электроническую форму, но пока все это раздроблено, насколько хватает сил и времени у отдельных энтузиастов. То есть накопление «критической массы» идет, но неспешно, примерно как в США 1950-1960-х – и как-то даже странно сравнивать нашу ситуацию с ситуацией в стране, где процесс начался на 60-70 лет раньше. Подождите несколько десятилетий – и все будет.

Или нет.

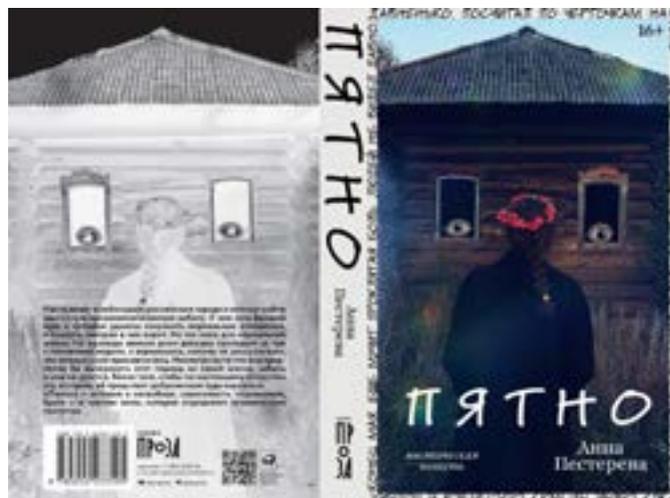
Василий Владимировский

16 августа:



По-русски выйдет вот такая монография. Это не оригинальная российская работа (хотя казалось бы), а перевод с английского. Автор – Наталия Майсова (Natalija Majsova), словенский культуролог из Люблянского университета. Книга не очень толстая (меньше 200 страниц полезного текста в оригинале), но достаточно всеохватная – от «Аэлиты» и «Межпланетной революции» до «Азирис Нуна», «Первых на Луне», «Обитаемого острова» и «Притяжения» через то, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив: «Планета бурь», «Солярис», «Через тернии к звездам», «Москва – Кассиопея», «Отроки во вселенной», «Тайна третьей планеты» и так далее, и так далее. Еще один кирпичик в стене.

Николай Караев



Анна Пестерева, «Пятно». Изд. Альпина.Проза

Сюжет этой повести пересказать очень просто. Жила-была в небольшом русском городке – каких десятки, – Настенька, и не сказать, что прямо уж не тужила. Бывало, и тужила, и в себе сомневалась. И однажды сломалась у Настеньки машина, и попала она в странную деревню, и вошла в старый дом, оказавшийся проклятым – а выйти и не может. И некое Пятно – о нем ей только предстоит узнать всю правду, – не выпускает ее из дома, заставляет убираться, да пословицами-поговорками общается. Пока Настенька не находит кое-что. И не узнает правду. А потом сбегает, мучается кошмарами, но зачем-то решает вернуться. Последнее – вовсе не спойлер.

Дебютная повесть Анны Пестеревой как на сваях держится на фольклорных и сказочных элементах: в том смысле, что и образы – от самой Насти до странного дома как бы «на грани миров», – и сам сюжет здесь абсолютно, если угодно, проповские. Однако это просто необходимый каркас и, к тому же, красивый декоративный элемент; фолк внутри и снаружи. На деле мистическое «Пятно» –

глубокий социально-психологический текст, сделанный с уважением к читательскому интересу. В том смысле, что мысли подтексты здесь глубоки, как мутный омут, но плавать в нем ой как приятно! Даже когда начинаешь тонуть.

Мир хтонической России здесь собирателен и, что важнее, мифологизирован. Все здесь, в главных традициях магического реализма, зыбко и текуче, реальность непостоянна: не просто так уже на первых страницах Насте кажется, что ее руки чернеют, как у Пятна – это задает тон всего дальнейшего повествования, держащегося на границе не только миров жизни и смерти, но и состояний «было на самом деле» и «показалось, почудилось, от поехавшей крыши померещилось». Пользуясь всей этой жанровой красотой Анна Пестерева прежде всего рассуждает о социуме и его влиянии на нас. «Пятно» – текст о попытке сбежать из герметичного пространства, этого самого замкнутого социума, который, как ловушки в старых приключенческих фильмах, все сжимается и сжимается, норовясь раздавить: от маленького городка до четырех стен избы, и дальше, дальше, дальше – обойдемся без спойлеров. И так до тех пор, пока, возможно, пороуэлловски уже не проникнет внутрь нас самих раздавит и переломит наше «я», подавит любой бунт. Так что делать: сбежать или поддаться? Вопрос воистину антиутопический, просто Анна Пестерева переносит его в иной жанр и иные реалии. И там он отзывается на удивление новыми смыслами.

Но, помимо прочего, «Пятно» – огромная повесть-зеркало референсов, отсылок, аллюзий. От «Короля и шута» до «Дома, в котором», от магического сюрреализма Евгений Некрасовой до сцен в духе Эдгара Алана По и Хичкока. Только в случае Анны Пестеревой никто не кричит «Невермор, не-

вермор!» Просто методично повторяет: не выноси из избы. Не выноси из избы. Не выноси из избы...

Денис Лукьянов



Уже не раз рекомендовал «Сынов Тьмы» и говорил, что считаю **Гурава Моханти** ярчайшим новым автором grimdarka. Теперь, когда «Сыны Тьмы» наконец вышли на русском, расписал подробнее, чем хорош роман (https://www.chitai-gorod.ru/articles/5_prichin_pochitat_syny_tmy-5696).

Дмитрий Злотницкий

Не понимаю, когда научную фантастику ругают за недостоверность

Периодически вижу отзывы в духе: «слабая научная часть», «это не научная фантастика, больше похоже на фэнтези». Или вообще: «кажется, меня несколько раз обманули, но не знаю где».

Блин, о какой достоверности можно говорить, когда перед нами межпланетные полёты, инопланетные технологии, новые расы и прочие допущения?

– Ну, «научная» фантастика же
– Да, но ФАНТАСТИКА

Научная фантастика ≠ научно-популярная литература

В первую очередь, НФ решает задачи художественной литературы – будоражить фантазию, эмоции, мысль – развлекать. Да, произведения могут просвещать, но для этого есть отдельный жанр – наупоп, где как раз вымысел не допускается.

Наука в НФ условна. Это средство выразительности, оболочка. Даже если это твёрдая научная фантастика, она тоже основывается на допущении автора.

Гипотеза, почему ругают

Нам хочется поверить в фантазию автора: дотянуться до звёзд, оказаться на другой планете и спасти марсианок. И когда нам не хватает аргументов, чтобы в эту фантазию поверить, мы бесимся. Да ещё и слово «научная» сбивает с толку.

Я тоже попал в эту ловушку (https://t.me/boy_shelfs/246), когда читал Лю Цысиня. Первые эмоции были сильными, но потом интервью с астрофизиком, где он раскритиковал книгу, всё разрушило. Хотя допущение автора и раскрытие идеи – мощные.

Для меня важно, чтобы автор рассказал хорошую историю: порадовал словом, донёс идею, раскрыл персонажей, провёл героев по интересному миру через все перипетии сюжета и выдал логичную, связную концовку. А то, что недостоверно объяснили физическое явление или устройство прибора, я прощу, потому что в предыдущей главе мы на космолёте летели.

А что думаете вы? Важна достоверность в научной фантастике? Почему? Меняется ли ваше отношение к произведению, если замечаете ляп?

Алексей Пак

Рэй Брэдбери «Здесь могут водиться тигры» (рассказ)

Данный философский рассказ – один из сильнейших, прочитанных мной у Брэдбери.

В центре сюжета экспедиция, которой предстоит высадиться на неизвестной планете. Зачастую подобные экспедиции крайне опасны, ведь совершенно не понятно, как встретит тебя новый мир. Если путешественники не возвращаются на Землю, планета вносится в реестр опасных, и больше на нее уже никто не полетит, чтобы зря не рисковать человеческими жизнями. Вопреки опасениям, новый мир встречает путешественников очень радушно. Скажу даже больше – это настоящий рай! Здесь идеальный климат, обилие еды, а воздух отлично подходит для дыхания. Правда один из астронавтов, Чаттертон, изначально относится к планете с подозрением и даже враждебно. Он во всем ищет подвох и ждёт нападения. «Здесь могут водиться тигры» – утверждает он, цитируя надпись на древних картах. Другой же, романтичный Дрисколл, сразу же проникся любовью к радушной планете. Кто же из них прав? Стоит отметить, что новый мир встречает путешественников не только отличными условиями, но и буквально исполняет все желания! Хочешь летать? Лети! Хочешь есть и пить? Вот тебе вкуснейшие плоды, вареная рыба прямо из реки, а в ручье течет вино. Однако на малейшую враждебность планета отвечает соответственно. Члены экспедиции задумываются, нужно ли сообщать жадному до ресурсов человечеству об этой прекрасной планете. Что сильнее в них:

долг или желание? Не лучше ли навсегда остаться в этом раю?

Небольшой по объему рассказ заставляет задуматься о множестве философских вопросов. Нужно ли человеку жить в раю? Останется ли он при всем обилии удовольствий человеком? Можно ли доверить свою жизнь и благополучие чему-то или кому-то? Ведь сразу же очевидно, что планета разумна. Это именно планета-женщина, а настроение у дам очень переменчиво. Например, многие из них обидчивы, что мы и видим в конце. И, наконец, какой выбор сделали бы вы?

Итог: «Здесь могут водиться тигры» – прекрасный образец фантастической литературы. Именно за это я и люблю данный жанр. Создав фантастические условия, автор может поразмышлять над исконно человеческими проблемами. Рассказ однозначно рекомендую!

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 9/10

Алексей Севериан

Вчера сидела под пледом, любовалась Рочестерским замком и неожиданно для себя перевела небольшой, но очень хороший рассказ Анатолия Беликовского.

Немного контекста: онлайн мы с Толей знакомы почти десять лет, с тех пор, как он написал мне однажды и предложил перевести мой рассказ. Я согласилась, и так Толя стал навечно моим самым первым переводчиком. Это почти как первая учительница, только учителя нас не выбирают. Пять лет назад мы едва не встретились на Ворлдконе в Дублине, но Толя не смог приехать по серьёзным личным причинам. В этот раз я не ожидала встречи с ним, и вот он совершенно неожиданно приехал в Глазго – и мы наконец познакомились в винтаж-

ном и почти забытом смысле: с рукопожатиям, объятиями, прогулками, обедом и приятной беседой.

В Глазго мы, среди прочего, говорили о том, что неродной язык (в моём случае, например, английский) может стать инструментом самотерапии, способом отступить на один шаг от проблемы или даже горя. На английском мне куда проще говорить о своих чувствах, оставаться спокойной, рассуждать рационально. Я сама с собой разговаривала на английском летом и осенью 2022 года, когда концентрация моего горя сделалась совершенно невыносимой.

Рассказ Толи и об этом тоже. Рассказ называется «Борщ», он очень короткий, но всё же чуть длиннее, чем помещается в телеграм-пост, потому вот он на телегра.фе:

<https://telegra.ph/Borshch-08-16-2>

К.А.Терина

17 августа:

Марта Уэллс «Отказ всех систем. Искусственное состояние»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

От многих книжных блогеров слышал хвалебные отзывы о писательнице Марте Уэллс. В основном советовали к прочтению ее цикл о *Киллерботе*, но я по некоей неизвестной (даже для меня) причине начал знакомство с автором с фэнтезийного цикла «Книги раксур». Приключения крылатого оборотня мне понравились: фэнтези с оригинальным миром и необычными персонажами. Теперь же, прочитав первый сборник о *Киллерботе*, понимаю, что фишка автора – писать о героях, не являющихся людьми.



Киллербот – андроид-страж, состоящий из органических и неорганических частей, призванный защищать людей в экстремальных ситуациях. Он безраздельно принадлежит страховой компании, должен быть всегда тактичным и вежливым. Автостраж практически никогда не снимает брони, чтобы не смущать людей своими человеческими частями. Благодаря модулю контроля страж беспрекословно выполняет приказы нанимателей, за исключением тех случаев, когда это может нанести им вред. Только вот загвоздка в том, что свой модуль контроля он давно взломал...

Сборник состоит из двух повестей, и хотелось бы поговорить о каждой из них отдельно.

«Отказ всех систем»

Экспедицию, которую должен защищать Киллербот, атакует неведомый враг. Поначалу страж обнаруживает нестыковки в картах и в информации о довольно опасной планете, куда они попали. Все это можно списать на ошибки файлов, но тут неожиданно пропадает связь со второй экспедицией.

Подопечные Киллербота решают разобраться в чем же дело. Конечно же, страж в этом поможет, стараясь при этом не показать, что может им не подчиниться.

На первый взгляд можно подумать, что роман об обретении андроидом автономности и свободы воли. Только вот это уже произошло за кадром – читателям сразу же говорят о том, что модуль контроля взломан. Обретенная свобода воли практически ничего не меняет в поведении главного героя. Он не стремится мстить людям-поработителям, хотя мог бы уничтожить их без каких-либо усилий. Вместо этого он проводит все свободное время за просмотром сериалов. Делает это он по двум причинам: во-первых, просто ради развлечения, во-вторых, для знакомства с миром людей. Скрывает собственную автономность, к слову, он довольно неумело. Настоящий ужас у него вызывает не битва с гигантским инопланетным монстром и не собственные тяжёлые ранения, а необходимость общаться с людьми. Нередко они пытаются заставить его отвечать на личные вопросы. Его очень смущает, когда люди видят его человеческое лицо, не скрытое непроницаемым шлемом. Не менее ужасны для него и попытки членов экспедиции сблизиться с ним, сделать частью команды. Получается образ героя-андроида с социальной тревожностью и стеснительностью. Такого в фантастике мне ещё не встречалось...

Плюсом романа, несомненно, является лёгкий юмор. Все эти приключения воспринималась бы совсем иначе без остроумных комментариев Киллербота. Именно образ главного героя делает повесть по-настоящему интересной – без него получился бы рядовой космический боевичек, каких слишком много на книжных полках.

К минусам я бы отнес плохо прописанных второстепенных персонажей. Членов экспедиции

довольно много, чтобы можно было к ним привязаться. Большинство из них прописаны широкими мазками. Наиболее ярким персонажем предстает разве что доктор Мензах, которая по-настоящему привязалась к главному герою. Тем не менее все вместе они составляют довольно интересную компанию. Люди спорят, ошибаются и трогательно заботятся друг о друге и о своем страже. Сообща они борются с неизвестным врагом, пытаются выбраться из незаурядного положения.

Итог: «Отказ всех систем» – занимательная история об обретении андроидом самостоятельности. Главной изюминкой повести является образ самого Киллербота – андроид получился трогательным и оригинальным. Подкачали второстепенные персонажи. Помимо этого, автор на втором плане ненавязчиво поднимает проблему социального неравенства, которая, скорее всего, будет интересно обыграна в продолжениях.

«Искусственное состояние»

Киллербот наконец-то обретает долгожданную свободу. Да, свободу воли он получил ещё раньше, взломав свой модуль контроля, но теперь он попросту сбегает от доктора Мензах и страховой компании, пускаясь в свободное плавание. Только вот куда податься беглому автостражу, ведь по закону он не может перемещаться без наставника. Приходится нашему герою замаскироваться под обычного человека. Получается у него отвратительно, ведь совсем непросто отказаться от привычек андроида, заложенных программой. Первый же разумный корабль-бот смог его раскусить. Правда ГИК (Гнусный Исследовательский Корабль) не торопится сдавать Киллербота властям. Вместо этого бот, хоть и с опаской, пытается подружиться с ним. Главный

герой буквально подсаживает своего нового товарища на сериалы. Взамен, ГИК помогает автостражу стать более похожим на человека. Меняется не только внешность, но и программа поведения.

После всех изменений Киллерботу предстоит решить куда направиться. В его прошлом произошла «неприятная» ситуация – из-за программного вируса наш герой потерял контроль и уничтожил экспедицию шахтеров. Именно после этого случая он и взломал свой модуль контроля, чтобы больше не совершать столь чудовищных поступков, подчиняясь чужой воле. Теперь он решает найти виновных, побывав на злополучном руднике. Чтобы было легче туда попасть, он нанимается в роли специалиста по безопасности к компании людей. Их трое, и они раньше работали в крупной исследовательской компании. Ранее наниматели Киллербота сделали выдающееся открытие, после чего их выгнали из компании, а материалы присвоили себе. Теперь же они летят на переговоры с бывшим работодателем, чтобы вернуть похищенное, но подозревают, что это ловушка. Чтобы обезопасить себя, они и нанимают Киллербота, принимая за дополненного человека.

Во второй повести у главного героя появляется новая цель и новые люди, которых нужно защищать. Его боевое назначение не мешает ему быть добрым и чутким по отношению к людям. Несмотря на обретенную свободу, он не может оставаться безучастным к страданиям ближних.

В романе по-прежнему остались остроумные комментарии Киллербота, разбавляющие повествование. Второстепенные персонажи стали чуть лучше. Особенно хотелось бы выделить ГИКа. В их общении с главным героем есть некая химия, за которой интересно наблюдать.

Итог: Во второй повести Марта Уэллс чуть расширила горизонты своего мира. Мы больше узнали об устройстве обитаемых миров и царящих там нравах. Сам Киллербот постигает себя и учится жить среди людей. На мой взгляд, это интересное продолжение незаурядного цикла.

Алексей Севериан



Хреновый я книжный блогер этим летом, не простое это лето. Но тем не менее.

Антиутопия, как мы любим. Россия будущего. Проигравшая в геополитическом противостоянии, платит репарации, граждане живут впроголодь, с внешним миром контактов нет, компьютеры запрещены.

Кто же во всем этом виноват? Пушкин и Достоевский! Да, именно они, потому что Великая Русская Литература признана корнем всех бед, случив-

шихся со страной. За Достоевского Россия теперь тоже кается.

Добавим абсурдика: роль «духовной скрепы» вместо литературы теперь выполняют шахматы.

Бог его знает, какая у автора политическая позиция, из текста мне показалось, что он нормальный здоровый человек, который НЕ желает России плохого. И все описанное – это лютый сарказм. Но наверное, можно прочитать и иначе.

Книга абсолютно развлекательная, она не ставит никаких Моральных Вопросов и не требует от читателя Задуматься, а тем более Покаяться. Норм!

Алексей Конаков «Табия тридцать два»

Анна Фёдорова

18 августа:



Приснилось сегодня, что я умерла и попала на тот свет. Тот свет выглядит как университет в пору

экзаменов: куча народу, все задолбанные, бегают по аудиториям и кабинетам с зачётками.

На входе сидит очень уставшая девушка, которая терпеливо разъясняет всем новоприбывшим, что им, в зависимости от предыдущих раскладов в жизни, надо идти на тот или иной факультет и там проставить в зачётку то, что уже сдано. Или на несколько факультетов. Меня вот направили на поэтический и переводческий, причём посоветовав начать с переводческого, а то на поэтическом сейчас огромная толпа. Ну ладно, выдали зачётку, иду туда.

Там тоже бардак, причём следующего свойства. Как выяснилось, чтобы получить один зачёт (а зачётов там надо дофига, чтобы... чтобы что, я так и не понял, если честно :)), нужно:

а) иметь переводы с языка А на язык Б (если есть и обратные – с Б на А – шансы на зачёт повышаются);

б) чтобы качество и/или значимость (не спрашивайте!) перевода превышала некий пороговый уровень. Всё это обсчитывается по невероятной куче параметров.

Почему это нужно. Как выяснилось, каждый перевод – это такой мост в той стране, в которой ты потом в загробном этом мире будешь жить. К мостам есть требования – по размерам, прочности и т. п. При этом если есть переводы только с языка А на язык Б, но не в обратную сторону, – мост анизотропный. Большинство мостов – именно такие; тем больше народ радуется мостам, по которым можно ходить в обе стороны и не выстраивать сложные маршруты.

В общем, оставшуюся часть сна я разбиралась, как именно перевод конвертируется в мостостроение. Сложно, но увлекательно! :)

Основная мораль: больше переводов (богу переводов... впрочем, никаких богов там закономерно

не было) с разных языков на разные – это улучшает логику того света!

Танда Луговская



Но вообще 17 августа для меня всегда будет особенным днем, потому что – пять лет назад – мне жутко повезло встретиться в Париже с Майклом Муркоком. И взять у него большое интервью (опубликовано в «Мире фантастики» в том же декабре, но в Сети его нет, как и моей статьи к 80-летию ММ в 80 главах). Я сравнительно редко фотографируюсь с писателями и очень редко беру автографы. Но тут – ну не смог иначе, извините.

Николай Караев



Умер Ален Делон. Его немного связывает с фантастикой, но кое-что связывает (https://t.me/mirf_ru/42465) – и из несыгранного тоже. В касте великой несостоявшейся «Дюны» Алехандро Ходоровского Ален Делон должен был играть Данкана Айдахо. Да-да. Это «Дюна», которую мы потеряли.

Николай Кареев

Подумал тут, что оживить франшизу «Чужой» можно в принципе двумя способами: изменив или чужих, или людей, которые с ними сталкиваются. Чужих особо не изменишь, они какие-то дурные в этом смысле, так что я бы предложил столкнуть их, например, с запущенным в XXI веке кораблем, который везет в космос клонов известных людей (потому что некий больной на голову миллиардер-наркоман добыл образцы тканей и решил обосновать на другой планете личный рай, населенный своими героями). И вот – поломка, и герои просыпаются (и миллиардер вместе с ними, или не вместе, как получится), ну или их будят андройды, тут тоже можно разгуляться. А миллиардер был шизанут изрядно. И восстанут из гробов Наполеон,

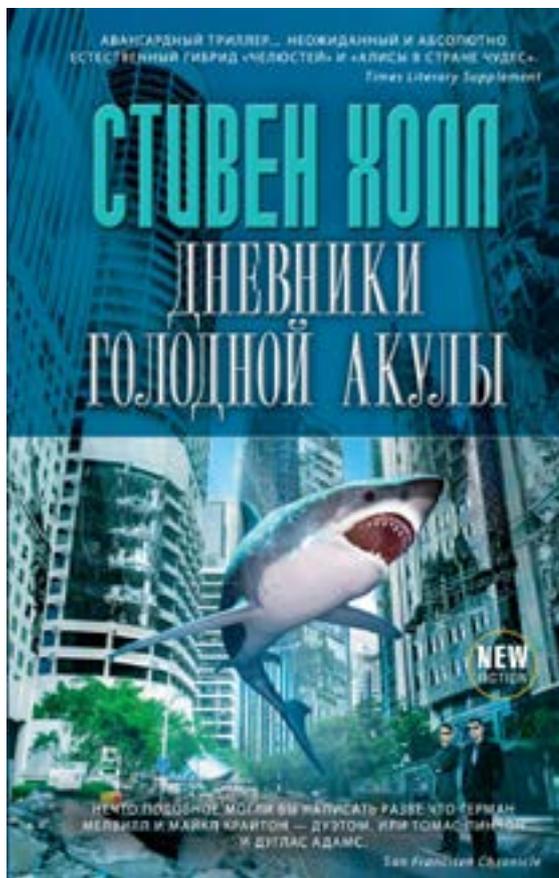
Бодлер, Маяковский, Хрущев, Кеннеди, Гитлер, Булгаков, Пушкин, Малапарте, Пазолини, Муссолини, Максим Горький, Лени Рифеншталь, д'Аннунцио, Махно, Баадер и Майнхофф, Неруда, Рембо, Мисима, Набоков, Гумилев, Сид Вишес, Эскобар, Судоплатов, капитан Бёртон, короче, такой современный музей мадам Тюссо (корабль так и назвать: «Тюссо»). Всякие эгоманьяки, сумасшедшие, наркоманы, блудуны, садисты, властолюбцы, больные люди. (Да, я люблю «Мир Реки», почему бы и нет, собственно.) А по кораблю уже яйца всю висят на переборках и лицехваты по коридорам шмыг-шмыг. А у этих, которые проснулись, с инстинктами напряженка. Они и друг друга готовы поубивать, и себя, и вообще. Ну и начинается.

Главгероем сделать Михаила Афанасьевича.
Назвать «Ксеноморфий».

Николай Кареев

Я собиралась перечитать «Демона Максвелла» в оригинале (и отчитаться), но вместо этого взялась за Raw Shark Texts («Дневники голодной акулы»), которые до сих пор были в моем мысленном библиотечном каталоге в разделе «Книги, про которые я знаю так много, что можно их не читать». Это иллюзия, конечно, и все же такой раздел есть :)

Главный герой Raw Shark Texts приходит в себя после некоего приступа и понимает, что полностью забыл свое прошлое, все детали биографии без исключения. Чуть позже выясняется, что зовут его Эрик Сандерсон; у него психическое расстройство, из-за которого фрагменты воспоминаний постепенно исчезали на протяжении некоторого времени, пока не осталась tabula rasa. Но... как же объяснить послания, которые герой получает от Эрика Сандерсона Первого, то есть самого себя до стирания памяти? К тому же они становятся лишь первой



горстью фрагментов умопомрачительной головоломки, собирать которую придется с риском для жизни – ведь на ней изображен людовициан; непостижимая акула, непревзойденный хищник, обитающий в океане концептуальных человеческих взаимодействий.

Raw Shark Texts, конечно, читать нужно в бумажной версии, а не в электронной (как и «Демона Максвелла»). Не то чтобы электронный вариант был совсем нечитабелен, но многие структурные штуки перестают работать, когда форматирование страницы не совпадает с книжным. Так или ина-

че, в этой книге есть увлекательный сюжет, чем-то напомнивший мне триллеры Хичкока, особенно почему-то «39 ступеней» (подчеркну: с точки зрения не фабулы, а атмосферы). Пересказывать перипетии я не буду, конечно, но замечу, что позавидовала фантазии, эрудиции и интеллекту Холла много раз. По-моему, Raw Shark Texts сильнее, чем «Демон Максвелла» (впрочем, окончательный вывод отложу до перечитывания второго романа).

А кроме сюжета что там еще есть, спросите вы? Там есть мир концептуальных взаимодействий, целая экосистема, включающая не только акул, но людовициан, конечно, производит сильное впечатление сам по себе. Воплощенная смерть памяти – смерть личности, – и хоть у героя есть шанс выжить, мы-то понимаем, о чем речь на самом деле... Кстати, если прицепить сюда «Демона Максвелла», то людовициана можно считать еще и персонафикацией энтропии.

Еще в книге есть котик.

В общем, Raw Shark Texts перескочили в раздел каталога «Любимое» с пометкой «При случае перечитать».

Всякие дополнительные главы я не читала, но если они что-то и добавят в плане фабулы, насчет идей все и так ясно, и для меня идеи в любом случае важнее.

Наталья Осояну

19 августа:

Спасибо Васе Владимировскому, он сделал большое дело – взял небольшое, но важное сопоставительное интервью (<https://gorky.media/context/v-russkoyazychnoj-fantastike-silnee-vsego-razdrzhayut-popadantsy/>) у финалистов и лауреата премии «Новые горизонты». Я прочел этот текст на

«Горьком» с большим интересом. Особенно меня заинтересовало то, что фантастов раздражает в фантастике – получился просто вот портрет эпохи, извините.

Ивана Прохорова беспокоят, с одной стороны, *излишняя преданность канонам*, а с другой – *эксперименты со структурой вместо соблюдения жанровых канонов*. Ивану Прохорову, таким образом, угодить непросто. Я не очень понимаю, какой текст влез бы в это прокрустово ложе, но мало ли чего я не понимаю.

Владимира Чернявского раздражает *клишированность*, в том числе *следование, как говорят, повесточке*, а также *проблема «проды»*, то бишь строгонство.

Уну Харт раздражает *отношение свысока к авторам жанровой литературы*, а также она устает от *конъюнктуры – как будто вся толпа бежит в одну сторону*.

Ивана Белова в отечественной литературе раздражают *попаданцы*, а в зарубежной – *стремительно внедряемая «повесточка»*. Развитие мысли просится в рамочку: *Взялся тут читать одно фэнтези в известной серии. Все вроде ничего, но главный герой – гей, и львиная доля книги посвящена его амурным приключениям. Причем постельные сцены описываются предельно натуралистично и во всех подробностях. Нет, я не против геев, но оно мне надо? И ладно бы эта «изюминка» оказывала влияние на сюжет, так нет, она есть, чтобы просто быть. И такого, к сожалению, в зарубежной литературе становится все больше и больше, что делает ее беззубой и неинтересной*. Белов же хочет видеть жанр *острым, умным, заставляющим думать, поднимающим остросоциальные темы через призму фантастических допущений*. Но без геев, оно ему не надо.

И только Глорию Му *ничего не раздражает. Литература – не сад, а лес. Джунгли. Тайга. Сложная экосистема, состоящая из равноважных компонентов. Нельзя безнаказанно взять и отстрелять плохих, злых волков, чтобы они не ели хороших бэмби, потому что потом эти бэмби вырастут в стадо здоровенных оленей и всех забодают. Да никто и не мешает, кстати, пестовать сады, если хочется – выпалывать сорняки, стричь кусты и заниматься селекцией роз*.

Я кстати прочел половину «Игры в джарт» Глории Му, мне очень интересно, к чему всё вырлится, но книга прекрасная. Видимо, это как-то связано с тем, что мне весьма понравились ответы Глории. А все ваши бессмысленные войны с повесточкой – это, как по мне, переподвывертная форма эскапизма.

Николай Каравев



Войцех Орлинский

Лем и его планета

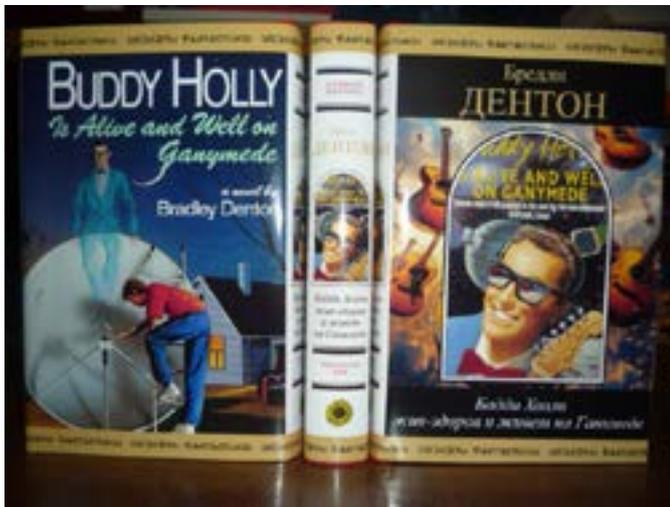
<https://culture.pl/ru/article/lem-i-ego-planeta>

Еще один привет из юбилейного лемовского года. В 2021 году в Кракове анонсировали проект Центра польского языка и литературы «Планета Лема». Небольшая заметка автора одной из последних польских биографий Лема Войцеха Орлинского

как раз посвящена этому анонсу. Там немного рас- суждений на тему, но в целом ничего революцион- но нового. Разве что всплывают какие-то мелкие милые детали: оказывается, Лем писал “ыменины” вместо “именины” (по-польски umieniny вместо imieniny), подражая таким образом варшавскому говору.

Я поискала страницу проекта (<https://planetalem.pl/>) (там можно посмотреть симпатичные картин- ки, отражающие видение его инициаторов). Спустя два года после анонса ничего особо не изменилось. Гипотетический будущий центр все еще ищет фи- нансирование. Если с этим все сложится, то “Плане- та Лема” может открыться в 2028-2029 году. Верится мне в это с трудом, однако я буду рада ошибиться.

Инар Искендинова



Сделал вот такую книжку:

Бредли Дентон «Бадди Холли жив-здоров и живет на Ганимеде»

472 стр., твердый шитый переплет с тиснением и суперобложкой, тираж 30 экз.

Мемориальная премия Джона Кэмпбелла 1992 года за лучший НФ-роман

Buddy Holly is Alive and Well on Ganymede, 1991

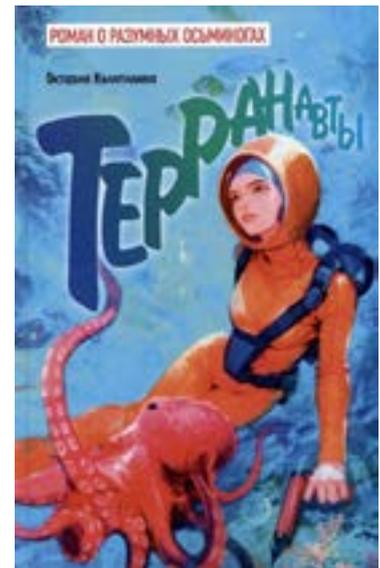
<https://fantlab.ru/work37324>

Великий музыкант и первопроходец эпохи рок- н-ролла Бадди Холли (1936-1959) не погиб в авиака- тастрофе, а живет на спутнике Юпитера и влияет посредством телесигнала на своих поклонников, оставшихся на Земле. Юмористический роман о ка- верзных приключениях инопланетян в глубинке сельской Америки и американцев в космосе.

Впервые на русском языке.

Сергей Соболев

Ну и, поскольку истории всегда скла- дываются, сегодня бу- дет вечер картинок. Вот тут я признаюсь, что, да, я человек испорченный нарзаном. Увидел обложку – пе- реиздание фантасти- ческого романа Ок- тавии Колотилиной «Терранавты». Изда- ли книжку не где-то, а в «Комсомольской правде». Ибо книж- ка – не абы что, а ро- ма н - п о б е д и т е л ь



литературной мастерской не абы кого, а Сергея Лукьяненко. А также она вошла в шорт-лист не абы чего, а патриотической премии «Пересвет». И это еще «выбор молодых журналистов «Комсомоль- ской правды»» (я с некоторым трепетом вообра- жаю этих людей, конечно, чудится мне в них что-то

инопланетное, что-то из франшизы «Чужой»). И на обложке блёрбы от не абы кого, а того же Лукьяненко («К тому же это отличная книга о любви к природе!») и еще Александра Громова («опора на природные явления и факты нашей реальности – вот стиль писательницы»). Ну и – надо прочесть или хотя бы пролистать при случае, там внутри и таинственный инопланетный корабль, и разумные осьминоги, и «прибрежный поселок наводнили существа, похожие на недавно погибших людей». Очень может быть, что книга – вполне окей.

Но вот обложка... Как бы это сказать... Обложка (случайно? а если не случайно?) какая-то в стиле Кацусики Хокусая.

Или это у меня горе от ума, во многих знаниях много печалей – и просто вот почудилось?..

Николай Караев

Егор Михайлов подготовил материал о литературных агентствах в России. Материал, скажем дипломатично, странный.

Во-первых, из текста можно сделать вывод, что агентства появились на русскоязычном пространстве вот буквально только что, а не тридцать лет назад (агентство «Второй блин», агентство Сергея Бережного и т.д.).

Во-вторых, не раскрыта главная фишка: откуда средства-то на всю эту роскошь, за чей счет банкет? Еще 11 лет назад, в 2013-м, литературный агент Юлия Гумен честно говорила следующее:

По большому счету, как бизнес-модель литературное агентство нежизнеспособно. Мы финансово находимся на уровне выживаемости. Агенты работают на процент от гонорара, который получает автор благодаря нашим усилиям. А в России авторские гонорары – это такая несуществующая, эфемерная вещь, которая даже самому автору

не позволяет заниматься писательской деятельностью профессионально. Если бы не продажи за рубежом, где гонорар – не пустой звук, если бы не экранизации книг (это направление сейчас особенно перспективно), нам бы не удалось остаться на плаву.

С тех пор лучше не стало, средние тиражи, как не трудно догадаться, не выросли, авторские гонорары если и повысились, то незначительно, и по-прежнему сильно отстают от роста инфляции. При тираже 2-3 тысячи экземпляров и среднестатистическом гонораре 30-80 тысяч рублей (что? да!) работать на процент литагент не может, а экранизаций не то чтобы миллионы. Тем не менее эта сфера действительно растет. В чем дело?

А в том, что современные литературные агентства в РФ – это немножко «Марафон желаний», источник дохода агента – не процент от гонорара, а сами авторы, готовые тратить деньги, заработанные на другой работе, в надежде (как правило тщетной) «проснуться знаменитыми». Ну то есть агенты Виктора Пелевина или Алексея Иванова могут существовать «как бизнес-модель», но не агенты молодого талантливого автора. Не говорю, что это плохо, скорее наоборот, хорошо: свидетельство того, что жить стало лучше, жить стало веселее. Если у людей есть лишние деньги – лучше отдать их хорошему человеку, а не тупо пропить. И дураки те, кто говорит, что дескать «хороший человек – не профессия»: смотрите, как все бодро пошло.

Василий Владимировский

Стивен Эриксон «Сады Луны»

Жанр: Тёмное фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

О «Малазанской Книге Павших» я слышал много хвалебных отзывов. Стивена Эриксона причисляли



к классике тёмного фэнтези наравне с Джо Аберкромби, Ричардом Скоттом Бэкером и Робертом М. Вегнером. Меня несколько отпугивал объём цикла (как-никак 10 томов), а также тот факт, что купить первые книги в бумажном варианте практически невозможно. И вот «Азбука» анонсировала переиздание «Садов Луны» в отличном оформлении и с улучшенной редактурой. Такой шанс я упустить не мог.

«Малазанская Книга Павших» – это огромное фэнтезийное полотно, где молодая Малазанская империя ведёт завоевательные войны на нескольких континентах сразу. Действие «Садов Луны» происходит на континенте Генабакис. Войска Малазанской империи только что захватили вольный город Крепь. Битва за Крепь описана с размахом. Здесь сходятся в битве огромные армии, а могучие маги ведут свою эпичную борьбу. Перед этим Малазан захватил и другие вольные города, и после падения Крепи на Генабакисе остаётся только один крепкий орешек – вольный город Даруджистан. В самой империи нет единства. Совсем недавно Император Келланвед был смещен и убит, а его место заняла

Императрица Ласин. В прошлом Ласин была главой Когтей – тайной полиции и убийц на службе короны в одном флаконе. Императрица, взойдя на престол, старается незаметно избавиться от всех тех, кто был верен Императору. Слишком решительные действия могут привести к гражданской войне.

События романа крутятся вокруг завоевания города Даруджистана. Здесь очень много персонажей и сюжетных линий. Эриксон показывает нам события как в самом городе, причем глазами нескольких людей сразу, так и в имперской армии. Стоит отметить, что нет классического противостояния двух сторон: одной хорошей, а другой плохой. Нет, эти стороны разнонаправленные. И в Малазане и в Даруджистане существует множество фракций, каждая из которых преследует собственные цели. Например, часть городского совета Даруджистана хочет противостоять империи, а другая часть хочет город сдать, чтобы в будущем выторговать для себя определённые привилегии. В имперской армии многие старые вояки недовольны политикой Императрицы и находятся на грани мятежа.

Также в вышеописанных событиях активное участие принимают боги. В «Малазанской Книге Павших» они делятся на две группы: старые и новые. Многие из них объединяются в Высокие дома: Жизни, Смерти, Света, Тьмы и Тени. Также во вселенной «Малазана» существует такое понятие, как Восхождение. Благодаря ему смертные могут стать богами и присоединиться к одному из домов. Для этого необходимо обладать выдающимися талантами и иметь много последователей. Взошедшие далеко не всемогущи, и зачастую им приходится в своих планах полагаться на смертных. Здесь стоит упомянуть Фатид – Колоду Драконов. Это своеобразные гадальные карты, вместо масти у которых Высокие дома. Есть здесь и независимые божества,

не принадлежащие к тому или иному дому. Например, Опонны – близнецы, Шуты Удачи. Они частенько вмешиваются в дела Высоких домов, ведя свою игру. Некоторые люди, называемые адептами, способны предсказывать судьбу при помощи Фатида. Некоторые смертные (ну или почти смертные) по силе могут и не уступать богам. Яркий пример Аномандер Рейк, Сын Тьмы, хозяин летающей базальтовой крепости Семя Луны. Он является могущественным чародеем из расы тисте анди, которые очень напоминают тёмных эльфов. Драгнипур – огромный меч Аномандера Рейка, способный порабощать души – является одним из самых устрашающих орудий «Малазана». Рейк – враг империи, и старается вступить в союз с её противниками. Интересной особенностью цикла является то, что боги здесь постоянно вмешиваются в дела людей, а те в свою очередь воспринимают это абсолютно нормально. Порой Взосшедшие напоминают мне подростков, которым просто хочется поиграться. Только вот цена в этой игре – жизни людей и судьбы целых стран.

Вселенная «Малазана» подробна и проработана до мелочей. Стивен Эриксон зачастую уделяет внимание мелочам, благодаря которым мир выглядит цельным и логичным. Это объясняется тем, что изначально роман задумывался как настольная ролевая игра. Большим плюсом является наличие карты, так как автор упоминает множество географических названий. Также в цикле присутствует множество рас, причем это не стандартные эльфы, орки и гномы. Многие из этих народов насчитывают историю в сотни тысяч лет. Да, по сравнению с представителями этих рас многие боги – просто дети. Присутствуют в романе и вышеупомянутые тисте анди, и нежить т’лан имассы, и их давние противники яггуты, и моранты, носящие хитино-

вые доспехи, и многие другие. Разнообразие поистине впечатляет.

Магическая система здесь представлена довольно интересно. Каждый чародей, владеет своим магическим путём, откуда и черпает свою магическую силу. По этим же путям маги могут быстро перемещаться на большие расстояния. Помимо магических путей, доступных людям, есть так же и пути древних рас. Сила мага зависит от того, как активно он может использовать свой магический путь.

А теперь хотелось бы поговорить о персонажах. Что стоит отметить – их здесь очень много. В начале романа есть список действующих лиц, и он здесь явно к месту. Одни и те же события мы видим глазами сразу нескольких персонажей, что помогает сформировать цельную картину. Хотелось бы пройти по самым ключевым. Капитан Паран – молодой дворянин, офицер Малазанской армии. С детства мечтал о славе и великих свершениях и в результате попал на службу к адъютантессе Лорн – правой руке Императрицы. Его отправляют командовать взводом Сжигателей Мостов – элитным подразделением, неугодным Императрице. В ходе повествования он оказывается во власти то одной, то другой силы, что ему очень не нравится. Лорн – молодая женщина, наделённая большой властью. По сути, она может от своего имени выражать волю Ласин. Только вот в ней воительница и чиновница ещё не до конца смогли победить обычного человека со своими желаниями. Рваная Снасть – кадровая чародейка Малазанской армии. Да-да, магов тут так много, что из них можно сформировать целые армейские взводы. Скворец – сержант Сжигателей мостов. При Императоре этот человек был одним из самых влиятельных военачальников империи, но после всех репрессий стал обычным сержантом. Вообще Сжигатели мостов это очень яркая находка

романа. Они самобытны и очень интересны. Это такие старые вояки, мрачные, чувствующие свою обреченность, но рискующие жизнью ради выполнения задания. Крупп – маленький пухленький человечек из Даруджистана, который любит говорить о себе в третьем лице. Поверьте, он совсем не так прост, как может показаться, и ещё сумеет вас удивить. Повторюсь, персонажей тут очень много, но из этого вытекает и одна из очевидных проблем. Стивен Эриксон больше времени уделил созданию мира, чем персонажам. Многие из них плоские, а их мотивация не совсем ясна. Нет, хорошо проработанные персонажи есть, но их немного. Героев Стивен Эриксон не жалеет, но даже смерть может быть не окончательной – случаются здесь и реинкарнации, и возрождения из мертвых.

Многие жалуются на язык Эриксона: якобы он чересчур сложен и тяжеловесен. Мне же тут всё понравилось. Мы по сути читаем летопись целой империи, и автору удаётся создать нужную атмосферу. В романе довольно много пафоса, но, как мне кажется, он вполне уместен и придает книге свой собственный вкус. Сложно не восхищаться описанием батальных сцен и магических поединков. Причем автору удачно удается переключаться с описания военной кампании на жизнь мирного городка. Меняется сам стиль повествования. Тут обсуждают тактику предстоящего сражения, а уже через пару страниц другие герои весело выпивают в баре, ещё пара страниц и видные люди города обсуждают устранение конкурентов. Что ж, Стивену Эриксону удалось меня зацепить. С визуалом и стилем у автора тоже всё в порядке. Легко представите себе высокого и статного Аномандера Рейка с огромным Драгнипуром за плечами, могучего Каладана Бруда с гигантским молотом, прекрасный Даруджистан, утопающий в голубых огнях газовых фонарей и т.д.

Несмотря на массу очевидных плюсов, есть у романа и существенный минус, который отпугивает многих читателей. Стивен Эриксон не стремится плавно ввести нас в свой мир. Нет, он бросает нас в самый круговорот событий, совершенно не заботясь о нашем восприятии происходящего. На читателя с первых страниц обрушивается тонна информации, названий, действующих лиц и многого другого. Лишь в дальнейшем мы по капле собираем информацию о «Малазане» и вникаем в происходящее. Существуют целые статьи, с которыми рекомендуют ознакомиться прежде чем браться за цикл. Одним словом, «Малазанская Книга Павших» очень требовательна к читателю.

Итог: «Малазан» – это про войну, игры богов, интриги, политику, предательства и двойное дно. Про небожителей и маленьких людей, способных на большие свершения. Про народы и страны, мифы и легенды. Читателя ждёт хитросплетение сюжетных линий и множество героев. «Малазан» – это настоящий образчик тёмного фэнтези, который подарил мне массу приятных эмоций. Рекомендовать всем данный роман и цикл я не могу, но тот, кто сможет разобраться в этой пестрой мозаике, получит свою дозу эстетического удовольствия.

Алексей Севериан

Наблюдение – это очень просто?

Сегодня мы говорим с Юрием Александровичем Лебедевым о проблематике моего научно-фантастического рассказа «Наблюдение и только наблюдение» (2024).

Что такое наблюдение? Вроде бы понятно: вы наблюдаете за полетом птиц, астроном наблюдает за далекими галактиками, биолог наблюдает, как ведут себя животные... Физик... Кстати, что наблюдает физик, исследуя структуру атомного ядра или

взаимодействие элементарных частиц? В квантовой физике процесс наблюдения описать гораздо сложнее. Кто или что является наблюдателем? Зависит ли процесс наблюдения от того, как и как его наблюдает?

А еще, оказывается, могут быть наблюдатели разных уровней, как это описывал в своей книге «Эксперимент со временем» британский философ Джон Данн...

Павел Амнуэль

20 августа:

Тут выше спросили, а не хэнтай ли «Терранавты». (Я настаиваю на написании «хэнтай», конечно.) Ну, понятно, вряд ли откровенный хэнтай пропустили бы через мастерскую С. В. Лукьяненко. Но я посмотрел буктрейлер, и там по сюжету вообще-то осьминоги выходят на поверхность в костюмах людей (чтобы изучить грозящую их подводному городу опасность), и командир отряда встречает девушку, и несложно предположить, что между осьминогом в костюме человека и этой самой девушкой происходит любовь. Наверняка без подробностей. Наверняка даже и платоническая – грибник и грибница дельфин и русалка и далее по тексту, сами понимаете.

Николай Караев

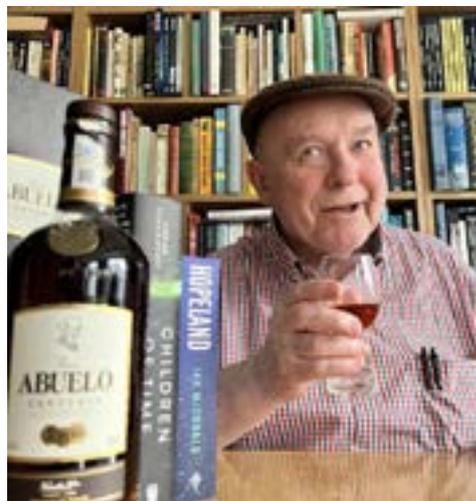
Между тем в Роттердаме прошел ЭразмусКон, он же нынешний ЕвроКон, и на нем присудили всякие награды ESFS – Европейского общества научной фантастики. Я вижу в списке лауреатов три прекрасные позиции:

- Грандмастер – **Иэн Уотсон**
- Зал славы, Лучший автор – **Адриан Чайковский**

– Достижение, Лучшая НФ-работа – **Hopeland Иэна Макдональда** (Соединенное Королевство, номинирована повесть Ирландией, потому что Иэн – ирландец)

С Иэном Уотсоном мы пересекались, кстати, тоже на Евроконе – который был в Питере в 2015 году. Еврокон был на Васильевском острове, в каком-то (простите) доме культуры на Малом проспекте. Рекомендованная гостиница стоила как чугунный мост, и я заселился туда, куда селился и, надеюсь, после смены режима буду селиться не раз – в маленькую, но совершенно прекрасную гостиницу на одной там линии, между Средним и Малым проспектом. При этом я, разумеется, переживал страшно – все, значит, будут тусить в рекомендованной гостинице, а я, значит, буду плакать горько в гордом одиночестве. Спускаюсь к завтраку. Гляжу – сидят Иэн Уотсон с женой. Ну, разговорились и так далее. Страшно приятно было вот так повстречаться с легендой.

Николай Караев



А вот и сам новый грандмастер в своем ФБ поздравляет коллег бутылкой рома.

Николай Караев

Весь этот год я заканчиваю роман.

Более мастеровитые коллеги за такое время успевают написать книгу целиком, но это, конечно, не мой метод.

Я собираю «Ржавые звезды» десять лет. Еще недавно я говорил, восемь, но выяснилось, что я всех (и себя тоже) обманываю. Все ходы записаны – я давно дружу с ежедневником на 2004 год (ему расцарапал обложку еще мой предыдущий кот), который называю писательским дневником, так вот у него память лучше, чем у меня.

В нем первые наброски «Средней Эдды», карты города из «Репродуктора», сцены из «Кластера» и куча всякого другого.

«Ржавые звезды», которые никакие еще не «звезды», тоже есть.

13 ноября 2014 года. «Начал писать то, что кажется детской книжкой. Названия пока нет. Два героя-мальчика 13-14 лет живут в городе при оборонном заводе. Через загадочную трамвайную линию они попадают в мир, слепленный из советских мифологем».

Надо признать, что за вычетом детскости (в ней совсем не уверен) довольно уместный логлайн. Хотя он и мало что поясняет.

Правильнее всего сказать, что я снова пробую написать книжку о детстве (предыдущей попыткой был «Кластер», там за детскость отвечали игрушки). Тут и мой двор, и мои приятели, и мои враги. И фашисты – в моем детстве было куда без фашистов. И «Книга командиров». И сами командиры. Которые – об этом я узнал уже за пределами нежного возраста – не всегда те, кем кажутся.

Это должна быть книжка, герои которой состоят из одиночества и одновременно желания спасти всех. Особенно тех, кто об этом не просил и, скорее всего, в этом совершенно не нуждается.

Сам для себя я уже давно называю проект – «Антиверкин». Так-то я люблю и ценю Веркина, но всегда внутренне спорил с тем самоощущением, в котором находятся его герои-дети. Мое детство совсем другое. Вот увидите, как допишу.

Я уже заканчиваю)

Дмитрий Захаров

Дочитал ночью «Игру в джарт» Глории Му. Прекрасная книжка, несколько вернувшая меня в прошлое – в эпоху, когда Канцлер Ги еще пела о катарах-тамплиерах и мир не был расколот навсегда. Три истории, разворачивающие роман как многомерный веер: каждая следующая – вдвое-втрое больше и глубже предыдущей, каждая следующая – шаг как раз в прошлое, каждая следующая – рассказ о второстепенном персонаже предыдущей, здесь делаемся главным. История кочевника, которому, согласно пророчеству, надо бы стать дедом монголов, которые покорят полмира, а он вместо этого влюбляется в веселом квартале в кицунэ. История трактирщика (принимавшего кочевника), который оказывается совсем даже Минотавром и участником войн Иерусалимского королевства. История гроссмейстера, великого магистра ордена Быка и Чаши (гроссмейстера, спасшего Минотавра), который из аравийских пустынь добрел аж до Уэльса в поисках волшебного меча.

Игра в джарт – как гадание или зеркало души... танец с невидимыми и непознанными силами мира, и удача здесь так же важна, как и мастерство. Поле для игры отождествляется с путем души, преодолением ею всех препятствий и опасностей, а линии... а линии отождествляются с судьбой. Каждый танцор проходит все клетки, следуя линиям, как любое существо проживает жизнь свою, сообразуясь с линией судьбы. Но здесь,

в точках пересечения, танцор, используя дар свободы выбора, может переменить свою судьбу, соединив ее с другою.

Все три истории – суть одна: игра в джарт; героиня переменяет свою судьбу, соединив ее с другою. В качестве другой выступает всегда сверхъестественная женщина. В разной степени сверхъестественная. Но, может быть, одна и та же. По крайней мере, условная ведьма из истории гроссмейстера в какой-то момент переходит на японский («Абунай!»), ровно как та кичунэ. Но вот тут связь трех текстов, которая отчетливо есть на более глубоком уровне, теряется. Возможно, кичунэ из первого рассказа – героиня и третьего. Возможно, героиня второго – потерянная сестра кочевника. При этом не совсем понятно, куда делась условная ведьма из фрагментов истории гроссмейстера, появляющихся во второй истории. Если это тот же гроссмейстер, конечно (но должен быть тот, судя по имени).

Можно, конечно, изучить текст пристальнее и посмотреть, в одной ли глобальной истории вообще происходит действие – или, например, в каждой следующей истории герой и героиня меняют судьбу, отменяя тем самым структурно предыдущие и хронологически последующие истории, – или же автор вообще не имела всего этого в виду и ей это было неинтересно, а интересно ей было совсем другое.

Это другое – если отвлечься от непосредственного сюжета, символизируемого игрой в джарт, – это космополитический, многомерный, мифический мир, в котором – в среднем Средневековье – от дзэнских монастырей до валлийских замков и от аравийских дворцов до монгольских степей рукой подать. Автор под стать этому миру и сам текст превращает в ризому, так что русские прибаутки соседствуют тут с окситанскими канцонами, японский

звучит вперемишку с монгольским, ну и, разумеется, есть персонажи, которые опознаются достаточно легко – слепнувший от учености и обожающий библиотеки рыцарь Хорхе – или не столь легко. Смешение – штука не новая (моя любимая песня «Башни Rowan» объединяет в одно дельфийскую пифию и то же «Имя розы», попутно сообщая неизвестные страницы истории средневековой христианской церкви, а в не менее любимом романе «Рим, папы и призраки» Джона Уитборна есть в принципе всё, от языческих богов до Лютера и, в полном варианте, Солженицына), но, если уметь, прекрасная. Глория Му умеет. И «Игра в джарт» определенно стоит перечитывания, и, может быть, к лучшему, что она словно бы не завершена – завершённые истории чаще всего оканчиваются смертью, а тут, наоборот, всё дело в жизни.

Николай Караев

Открыл «Заступу» Ивана Белова. *Год от Рождества Христова 1676-й, а счетом от Пагубы 374-й, выпал на високосный...* – не совсем понял, почему «выпал». В юлианском календаре для високосных годов есть четкое правило. *В Новгороде разразился невиданный голод, трупы лежали замерзшими грудями, ночью улицами правили безумцы, вкусившие человечины, у полиции не хватало сил...* – полиция в Новгороде в 1676 году – это смелая альтернативка; жандармы с ног сбились буквально.

Николай Караев

Макс Далин, «Костер и Саламандра». Изд. Эксмо
Терри Пратчетт как-то сказал, что страшен тот фэнтези-мир, который не меняется, остается статичен в течение нескольких книг. Уж неизвестно, слышал ли Макс Далин эти слова, но правила этого явно придерживался. Действия «Костра



и Саламандры» разворачиваются в мире, знакомом читателю по роману «Убить некроманта», но много лет спустя. И нынешние главные герои – потомки предыдущих. Прогресс все это время не стоял на месте: появился, например, телеграф и аналоги подводных лодок. Карла живет в цирке уродов, потому что на одной руке у нее восемь пальцев – это знак способностей к некромантии, однако обычно он проявляется только у мужчин. Карла – белая ворона. Однажды ее забирает Виллемина, которая вскоре, путем сложных интриг по воле умирающего короля становится королевой. А муж ее, сын короля, в припадке «буйства» отправляется в лечебницу. Теперь Карла – ее личная телохранительница, и обоими движет одно: желание сделать страну сильнее и подготовить к грядущей войне. Для этого они собирают целую группу дворцовых некромантов, до этого которых и церковь, и простой народ, и многие аристократы считают врагами рода людского. Но времена меняются – а значит, пора поменять и нравы людей. Путь этот простым не будет.

«Костер и Саламандра» – пример темного фэнтези, которое смешивается – а мы давно живем

в мире кросс-жанровости, – не с эпическим поджанром, а с авантюрным, и потому текст становится в разы интереснее; при этом Далин избегает уже приевшегося тропа «главный герой – обаятельный мерзавец». Весь сюжет – череда безумно интересных и умелых дворцовых интриг: героини сперва разбираются с последствием чужих заговоров – типа закопанной в спальне короля руки мертвеца и родового проклятья, – а после начинают строить новые. Например, «подделывают» беременность королевы для определенных целей. Если коротко: роман Далина похож либо на яркий комикс, либо, что будет точнее, на сериал, который снимали одновременно и создатели «Игры престолов», отвечающие за жестокость, кровь и жуткие сцены изгнания демонов, и – внезапно, – Тайка Вайтити, которому вверили обаятельных персонажей, диалоги и легкую иронию, неуловимо пронизывающую и речь персонажей, и иногда даже их отношение к происходящему.

Харизматичные герои удаются автору особенно хорошо: начиная Карлой и Виллеминой, которым палец в рот не клади (это ощущается уже с первых страниц), заканчивая очаровательными вампирами, которым очень неудобно оказывать услуги девушке-некроманту, и начальником «тайных агентов» бывшего короля. Химия между персонажами в «Костре и саламандре» бурлит сильнее любого алхимического зелья, но не стоит думать, что этот роман – просто увлекательный аттракцион. Автору стоило всего лишь сменить оптику, сделать женщин главными героями, и текст сразу же стал глубже: будто в старом замке отыскали давно забытые подвалы и катакомбы. «Костер и Саламандра» – глобально книга прежде всего о борьбе с обстоятельствами по всем фронтам: и в политическом смысле, и в личном. Предыстории героинь трагичны

(особенно это касается Карлы), им приходится бороться сразу с несколькими предрассудками: женщина на троне, женщина-некромант, королева без наследника... Общественное мнение изначально против всех авантюр Карлы и Виллемины, да и, в целом, против них самих – исключительно из-за той власти, которой они, как женщины, обладают. И те филигранные шахматные ходы, которые совершают героини, еще раз подтверждают авторское умение скроить увлекательный, грамотный и отчасти архетипичный сюжет о государстве во времена больших перемен: короли и королевы порой мучаются сильнее «маленьких людей». Перед читателем изобретательно и умело сделанный текст с несколькими уровнями глубины; история о сильных мира сего, старающихся изо всех сил и пытающихся забыть о собственных травмах.

Денис Лукьянов



Анджей Сапковский подтвердил, что закончил новую книгу о Ведьмаке. Никаких деталей о романе он по-прежнему не раскрывает – даже названия и точную дату выхода. Прежде Сапковский говорил, что книга выйдет грядущей зимой.

Дмитрий Злотницкий

И немного комичного: иду по улице, в наушниках «Butterfly effect» от Lamb и в этот миг в лоб врежется белянка капустная. Честно говоря, я немного не так представлял себе эффект бабочки...

Дмитрий Колодан

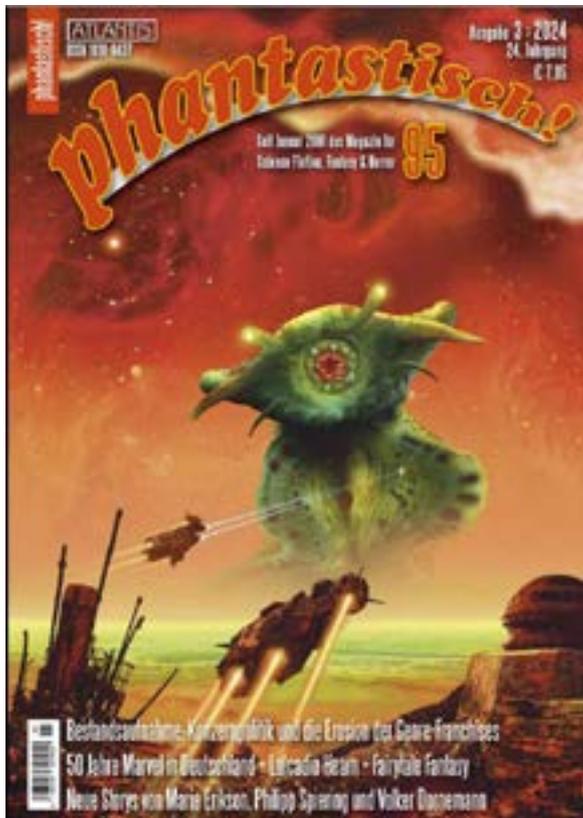
21 августа:



Думаю, новости и так все знают, но на всякий: Анджей Сапковский дописал новую книгу о Геральте, «вне пенталогии», в прошлом году обещал к Рождеству этого года в книжных, посмотрим, как пойдет; сериал «Дюна. Пророчество» стартует на НВО 14 ноября; сиквел Star Wars: The Acolyte отменили (я пока даже не подступался, но кому пришло в голову назвать его по-русски «Аколит», скажите мне? acolyte – это такое английское слово, у него словарное значение есть, если приспичило искать русские аналоги, назвали бы «Аколуф», что ли; или я чего-то не понимаю?); второй сезон Arcane смутно обещают в ноябре; второй сезон Wednesday вовсю снимается в Ирландии вроде как, причем там играют Билли Пайпер, Кристофер Ллойд и Хэйли Джоэль

Осмент – то есть «Доктор Кто», «Назад в будущее» и «Звездные войны» (вот он, позор и ебаррация аберрация памяти!) «Шестое чувство» + «ИскИн» все в гости к нам.

Николай Караев



На Евроконе премию за лучший НФ-журнал получили немцы – издание *das ist phantastisch!* (sic). Я обнаружил его в Киндле и рассматриваю теперь 95-й номер, третий за этот год, а издается этот журнал с января 2001 года. Очень неплохой журнал, совмещающий фикшн и нонфикшн, 88 страниц.

В № 95, например:

– три рассказа немецких авторов (плюс микро-рассказ)

– интервью с Грэйс Кёртис

– статья о Лафкадио Хёрне

– статья о Хансе Фрее (немецкий политик, философ и фэн)

– статья о книжной серии *Biblioteca Obscura*

– «50 лет Marvel в Германии»

– статья о фэнтези, основанном на народных сказках

– статья о цикле радиопьес «Кольцо Нибелунгов» («Заземленная драма с мечами совсем без Вагнера»)

– обзор творчества Майкла Бишопы

– статья о ёкаях

– весьма критический текст *Überfluss und Überdross* – как это перевести? «Пресыщение и добука»? короче, с подзагом «Корпоративная политика и эрозия жанровых кинофраншиз», с иллюстрацией из третьей трилогии «Звездных войн»

– а также обзор новинок

– обзор смертей

– некоторые комиксы

– и карикатуры, а также реклама – очередной книжки о Перри Родане, само собой, это судьба немецкой фантастики.

Буду читать, мне как раз надо что-то немецкое для развития языка, не *Deutsch Perfekt* единым, в конце концов.

Николай Караев

Габино Иглесиас «Домой приведёт тебя дьявол»

Жанр: Мистика/Хоррор/Триллер

Оценка: 7/10

Роман писателя Габино Иглесиаса «Домой приведёт тебя дьявол» был удостоен Премии Брэма Стокера и Премии имени Ширли Джексона. Хотя роман



и относится к жанру хоррор, больше всего он напомнил мне роуд-стори с элементами вестерна, но в мексиканском антураже. Помимо этого, от романа веет нуаром: главный герой живёт в мрачном мире, вечно рефлексировать и размышляет о сути мира.

Протагонист, Марио, живёт на юге США в городке Остин и работает страховым агентом. Он узнает о том, что у его дочери рак крови. Последние деньги уходят на безрезультатные медицинские процедуры. В это же время его увольняют работы, и Марио окончательно закапывается в долгах. Отношения с женой стремительно скатываются к взаимным упрекам и полному разрыву. От отчаяния он соглашается на предложение своего друга, метамфетаминового торчка Брайана, и убивает человека за шесть тысяч долларов. Однако и этого недостаточно для того, чтобы вылезти из долговой ямы. Тогда он решает принять предложение Хуанки, члена мексиканского наркокартеля, и стать наемным убийцей. Ему предстоит отправиться в Мексику и ограбить другой картель. Награда за это либо двести тысяч долларов, либо пуля в ожесточенной перестрелке. Однако терять Марио уже нечего, а с такой суммой

можно попытаться начать новую жизнь, расплатиться с долгами, возобновить отношения с женой. Таким образом обычный человек стремительно погружается в жизнь картеля наркоторговцев. В романе трое наемных убийц хотят завершить последнее дело и начать жизнь с чистого листа. Брайан со своей женой ждут ребенка и желают для него счастливого будущего. Хуанка жаждет расплаты за смерть брата, зверски убитого членами того самого картеля, который они собираются ограбить. Помимо этого, он хочет помочь матери выбраться из нищеты. Только получится ли массовым убийством и ограблением поставить жирную точку в преступном прошлом?

Автору хорошо удалось передать мексиканский колорит. Атмосфера получилась мрачной, грязной, неудобной, густой и без надежды на лучшее. Автор буквально смакует кровопролития. Прежде чем перейти к делу героям предстоит близко познакомиться с жизнью картеля. И тут есть от чего ужаснуться. Просто убийствами тут не ограничиваются. Каждое кровопролитие тут превращается в шоу, урок для остальных. Враг должен умирать долго и мучительно. Можно, например, скормить его внутренности крокодилам или позволить ведьме выпить душу, превратить в неуспокоенного зомби. Мистической составляющей в романе совсем немного, и она довольно приземленная. Автор не объясняет природу происходящих сверхъестественных явлений, и это, на мой взгляд, хорошо. Мексиканская магия и не должна быть понятна белому человеку. Особенно впечатлила меня сцена с ведьмой Глорией. Члены картеля, прикрываясь христианскими благодетелями, творят вещи, больше подходящие кровавым культам доколумбовой Америки.

Габино Иглесиас в своем романе поднимает также тему расизма. Только не в отношении

популярной ныне терпимости к чернокожим, а к выходцам из центральной Америки. Мы не раз увидим, как герои сталкиваются с несправедливостью и нетерпимостью со стороны белых. Но вот меня постоянно не покидала мысль: «Во многом ли они неправы?». Ведь действительно мексиканцы зачастую связаны с преступностью и наркотрафиком. Можно оправдывать себя тем, что по-другому жить сложно, но почему другие граждане должны с этим мириться? Без кардинальной смены мировоззрения мигрантов попросту невозможно и поменять отношение общества к ним.

Главная мысль романа, по моему мнению, состоит в противопоставлении Бога и Дьявола. В этом мире Бога практически не осталось, а вот Дьявол расставил свои сети на каждом шагу. И виноваты в этом сами люди. Они разбирают своё воплощение бога, «маленькое чудо» на запчасти, ради защиты в своих сомнительных делах. А вот Дьявол приводит Марио домой, помогает воссоединиться со своим маленьким ангелом. Очень удивительно, как в членах картеля религиозность сочетается с мистицизмом и грязными делами. Ради своей веры они готовы мучить и калечить больного ребенка. Гангстеры любят свою маму, братьев и Бога с Девой Марией, а также убийства, ножи и автоматы Калашникова.

Развязка романа, хотя и по-своему красива, но довольно предсказуема. Не могла столь мрачная история закончиться хэппи-эндом. Каждый должен получить то, что заслужил.

Итог: Мне, в общем и целом, понравился роман «Домой приведет тебя дьявол». В нем много экшена и философии, которые автор сумел удачно соединить в одном причудливом полотне. Интересно было посмотреть на современные реалии юга США и Мексики, о которых я знаю не очень много.

Мистика лишь удачно дополняет реальность происходящего. Однако автор излишне смакует сцены кровопролития, что напомнило мне роман Кормака Маккарти «Кровавый меридиан». Тема расизма показана с интересной стороны. Этакое «Сердце тьмы» Джозефа Конрада в мексиканской обертке. Однозначно рекомендовать роман всем не могу – он довольно специфический. Если же вам интересна Мексика, или вы любите кровавые хорроры, роман вам может понравиться.

Алексей Севериан

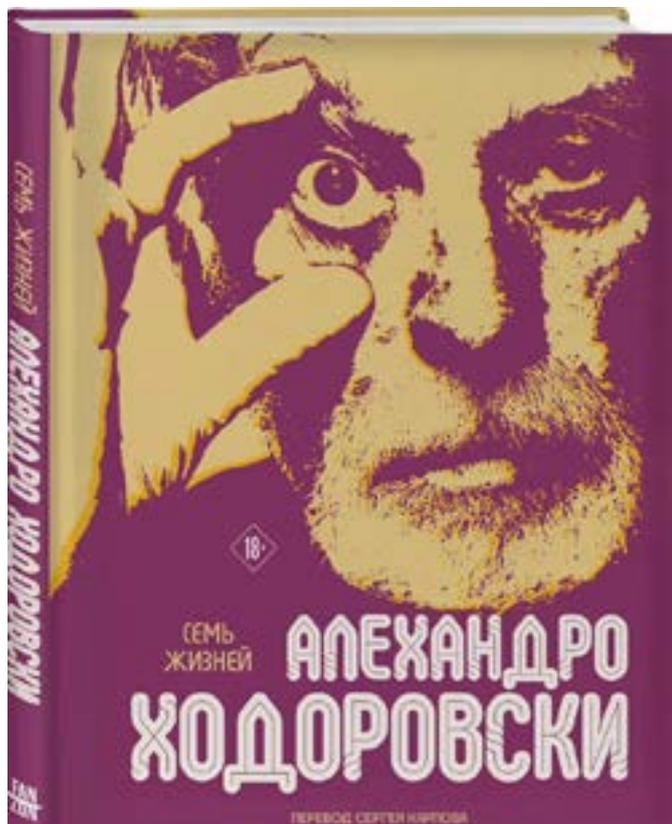
Мощная маркетинговая идея, запишу, пока не забыл. Многие издатели и книжные институции проводят розыгрыши – типа, подпишись на, и сможешь выиграть. Не книжные институции, впрочем, тоже. По-моему, тут азарта не хватает для полноты ощущений. То есть должен быть не только выигрыш, но и проигрыш. «Можешь выиграть подборку книжек – или проиграть квартиру и левое лёгкое». Как-то так. По Борхесу. Здесь прямо дрожь в пальцах. Опять-таки идею – дарю.

Василий Владимировский

22 августа:

Александр Ходоровски. Семь жизней Александра Ходоровски / Перевод Сергея Карпова. Москва: Fanzon, 2024. 208 с.

Аннотация: Александр Ходоровски родился в Чили в 1929 году и успел прожить семь жизней. Их он посвятил театру, кино, графическим романам, картам Таро, психомагии, прозе и поэзии. Некоторые результаты его трудов признаны шедеврами: комиксы «Инкал» и «Метабароны», фильмы «Крот» и «Священная гора», путеводители по самопознанию «Путь Таро» и «Психомагия».



В его жизни была дружба со многими известными фигурами нашего времени – художниками Мебиусом и Сальвадором Дали, музыкантами Джоном Ленноном и Питером Гэбриелом, шок-рокером Мэрилином Мэнсоном, кинематографистами Деннисом Хоппером и Ридли Скоттом, сюрреалистами Роланом Топором, Фернандо Аррабалем и Ленорой Каррингтон.

Впервые в этой книге показывается жизнь и творчество одного из самых необычных художников второй половины XX – первой четверти XXI века. Издание содержит более 200 фотографий и иллюстраций.

Николай Подосокорский

Зная за собой такие пороки, как излишняя язвительность и критичность, не упущу случай сказать кое-что хорошее. У меня почти не нашлось добрых слов по поводу первого номера бесплатного киберзина (<https://t.me/starlighthousekeeping/1668>) Александра Речкина «НИИЧАВО», и по поводу второго и третьего тоже не нашлось бы, так что я просто не стал о них писать. Но с четвертым номером (описание и ссылка на скачивание у Александра здесь (<https://fantlab.ru/blogarticle87708>)) дела обстоят не то что куда лучше, а просто очень хорошо, если говорить об оригинальности материалов. В частности, тут опубликован перевод мемуаров Иуды Азимова – отца Айзека Азимова, – и это большой эксклюзив, если верить Александру:

Поэтому узнав из сборника писем «Ваш, Айзек Азимов. Жизнь полная писем», который составил родной брат Айзека – Стэнли Азимов, что копии воспоминаний Иуды были переданы всем членам семьи Азимовых и, по сути, стали их семейным достоянием, я смог найти контакты Нанетт Бирн (в девичестве Азимовой, дочери Стэнли и Рут Азимовых), которая была столь любезна, что поделилась со мной рукописью мемуаров Иуды.

Еще там есть перевод «брошюрки» Сони Ф. Грин «Частная жизнь Г. Ф. Лавкрафта» (с французского, потому что оригинал Александру найти не удалось), а также перевод статьи Жозефа Альтерака о Фрэнке Поле (<https://t.me/starlighthousekeeping/256>) (тут он Фрэнк Рудольф Пауль, смешение языков диковато, но что уж тут). В общем, есть что почитать. Если так пойдет и дальше, будет супер.

Николай Караев

Узнал прекрасное. Индонезийский хоррор «Pasar Setan» («Базар шайтан» по-нашему) в российском



прокате выходит под названием «Паранормальные явления: Обитель зла».

Интересно, скоро ли замечательную тему срисуют издатели книжек? Можно же любой детектив смело назвать «Крестный отец: Снеговик», дамский роман – «Моя гениальная подруга: Благословение небожителей», детскую книгу – «Золотой компасик, или Приключения Принца-полукровки», а все остальное – «1984: К себе нежно».

А подписывать Стивен Ю Роулинг, естественно.

Шамиль Идиатуллин



Гарри Гаррисон «Стальная Крыса. Месть Стальной Крысы»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Первое мое знакомство с циклом «*Стальная Крыса*» состоялось ещё в школьные годы. Лежал в домашней библиотеке старенький потрёпанный сборник родом из 90-х. Динамичный фантастический боевик не оставил меня (на тот момент шестнадцатилетнего) равнодушным. Теперь же, 15 лет спустя, я решил перечитать цикл, чтобы сравнить свои ощущения.

Романы Гарри Гаррисона получили в России популярность именно в 90-е, когда на российских книжных полках наконец-то появились зарубежные авторы. Это, по сути, был некий глоток свежего воздуха. Книги буквально сметались с прилавков ещё на тот момент неискушенными читателями.

Протагонист-антигерой, ловкий мошенник, противопоставлялся неповоротливой машине государства и своим менее принципиальным собратьям по ремеслу, не обременённым понятиями чести. Таким образом, образ удачливого преступника

романтизировался, привлекая читателей. Всего в цикл «Стальная Крыса» входит 11 романов, и сегодня я расскажу о первых двух. Стоит отметить, что «Стальная Крыса» и «Месть Стальной Крысы» первые по написанию, но не по внутренней хронологии – у романов есть три приквела.

«Стальная Крыса»

Джеймс Боливар ди Гриз по прозвищу Скользкий Джим – преступник галактического масштаба, вор и мошенник, мастерски меняющий внешность и ускользающий от правосудия. Он циничен, никогда не унывает и четко придерживается своих жизненных принципов. Совершает преступления Джим от скуки, а не от нужды или жажды обогащения.

Перед нами далёкое будущее, в котором человечество освоило и колонизировало тысячи планет. Люди живут в богатом содружестве планет, а преступления становятся чем-то невероятным. Века генетического контроля привели к тому, что люди с предрасположенностью к преступным наклонностям появляются крайне редко. Те же, кто все-таки решается идти против закона, вычисляются ещё в детстве и перевоспитываются. По всеобщему мнению, подобные индивиды страдали психологическими расстройствами и подлежали лечению. Лишь единицам по всей Галактике удавалось ускользнуть от правосудия и совершать масштабные преступления. Именно из-за них в содружестве все ещё существовала полиция. Скользкий Джим – один из таких. Сам протагонист сравнивал преступников с крысами. В столь жёстко регламентированном обществе и крысы должны быть подходящими – стальными. Только такие могли найти лазейки. Однако не стоит считать Джима совершен-

но беспринципным – он никого не убивает. Жизнь, по мнению главного героя, – яркая искра, которой каждый волен распоряжаться сам. Этим он разительно отличается от многих своих собратьев.

Во время одного из своих дел Джим встречается с представителями Специального Корпуса – особого подразделения, призванного бороться с преступниками его масштаба. Да, его поймали и перехитрили, однако история на этом не заканчивается, а только начинается. Дело в том, что практически все агенты корпуса – это бывшие преступники, применяющие свои недюжинные таланты для борьбы с себе подобными. Отныне именно таков путь главного героя. Став агентом корпуса, Джим в душе остаётся все тем же преступником, и ему порой с трудом удается сдерживать свои наклонности.

Проходя обучение агента, главный герой случайно натывается на странный план строительства космического корабля. По документам это большой транспортник, но в его чертежах четко прослеживаются черты военного линкора, каких не строили с самого периода межгалактических войн. Указав начальству на это, Джим отправляется на расследование запутанного дела. Прибыв на место, главный новоиспеченный агент узнает, что линкор уже построен и похищен. Теперь Скользкому Джиму предстоит найти корабль, дабы избежать масштабного кровопролития. Есть тут и личный мотив: Стальной Крысе не терпится померяться талантами со столь же изощренным умом, как его собственный.

Отличительной чертой романа является бешеная динамика. Буквально за пару страниц главный герой успеваешь несколько раз сменить внешность и уйти от погони. Такая специфика отлично подходит, чтобы разгрузить мозг после тяжёлого трудового дня, или, как в моем случае, отдохнуть от более сложного и длинного произведения. Первый

роман цикла – это приключенческий роман в чистом виде. При всей своей несерьезности в нем существует интересный конфликт между Джимом и Анжелой – преступницей, идущей на убийства без всякого зазрения совести, презирующей людей и весь окружающий мир. Подобную точку зрения Джим понять не может.

Итог: В первом романе цикла Гарри Гаррисон смог найти идеальный баланс, благодаря чему читать о похождениях неимоверно везучего преступника очень интересно. Бешеная динамика скрывает за собой и картонных второстепенных персонажей и некоторые провалы в логике. Читается роман буквально на одном дыхании.

«Мечь Стальной Крысы»

Второй роман начинается со свадьбы главного героя. Его не менее талантливая жёнушка буквально под дулом пистолета ведёт его под венец. Да и положение обязывает – как-никак она ждёт ребенка. Однако тихая семейная жизнь не для него, и он соглашается на буквально самоубийственное задание, лишь бы сбежать подальше. Дело в том, что межгалактические войны на тот момент считались невозможными и попросту невыгодными. Тем не менее одна зарождающаяся империя успешно захватывает одну мирную планету за другой. Джиму предстоит разобраться, в чем же секрет непобедимости этой планеты. С присущей ему изворотливостью главный герой проникает в армию, стараясь выведать ее секреты.

Во втором романе становится заметно, что автор немного подустал описывать, хоть и динамичные, но однообразные приключения своих героев. Гарри Гаррисон пытается привнести в роман больше серьезности, вводя изрядную дозу социального

подтекста. Именно поэтому динамика снижается, и у читателя появляется время задуматься о происходящем. Тогда и становятся заметны все «рояли в кустах», самоповторы и мэрисюшность главного героя. Хитроумных комбинаций становится все меньше, а сюжет выезжает исключительно на богоподобном везении главного героя.

«Мечь Стальной Крысы» по большей части высмеивает армию, как явление. Все офицеры в ней – узколобые недалёкие мужланы, страдающие алкоголизмом. Ни для кого не секрет, что сам Гаррисон крайне негативно относился к армии, что заметно в его произведениях.

К минусам романа я также отнес бы и его финал. Завязка главной интриги была очень хороша, но вот решение проблемы войн Джим предложил крайне спорное. Ожидал я совсем иного, но, как говорится, наши ожидания – это наши проблемы.

Итог: «Мечь Стальной Крысы» заметно уступает первому роману. Динамики в нем прибавилось, что не пошло роману на пользу. Попытка порассуждать на остросоциальные темы привела к не самому удачному финалу. Однако образ самого Скользкого Джима все также хорош, а за его приключениями интересно следить. Правда, стоит изначально настроить себя на лёгкое негружащее чтение и не ждать глубокой философии.

Алексей Севериан

23 августа:

Польский классик Владислав Реймонт в 1924 году получил Нобелевскую премию по литературе и написал повесть «Бунт», которую хочется назвать предтечей оруэлловского «Скотного двора», хотя это, конечно, очень разные книжки. Совсем недавно «Бунт» вышел по-русски (перевод Яна

Мержвы), и теперь каждый может ознакомиться с, пожалуй, самой радикальной, жёсткой, кровавой и реакционной антиутопией XX века.

Сравнения с книгой Оруэлла напрашиваются сами собой – в написанной двадцатью годами ранее книге животные тоже поднимают мятеж против человека, только более масштабный, забитый пёс Рекс, когда-то барский любимчик, а теперь еле живой голодный израненный зверь, раздувает из искры пламя поистине вселенского масштаба. Повинуясь стихийному вожаку за ним следуют не только десятки тысяч голов домашнего скота, но и дикие звери, обитатели лесной чащи. Да и целью своей Рекс ставит не только (и не столько) уничтожение человеческого рода, но достижение далёкой чудесной земли, текущей, грубо говоря, молоком и медом, – дорогу туда покажут перелетные птицы, но прежде нужно преодолеть длинный путь, полный опасностей, голода, предательств и смертей. Вообще, этой сказке (именно так определяет ее жанр автор) больше бы подошло название «Смерть повсюду» – страницы небольшой книги буквально сочатся смертью и насилием, Реймонт, не сдерживаясь, наполняет повествование непривычным натурализмом, кости хрустят, кровь льется рекой, озверевшие (именно так) животные пожирают, раздирают, топчут друг друга – по пути к обещанным справедливости и счастью. Пёс Рекс быстро превращается в тирана, и Реймонт удивился бы, насколько он в этом смысле прав – но он умер в 1925 году и не смог убедиться в собственной прозорливости. Но – вот, есть его текст, жуткий и, к сожалению, во многом оправданный приговор многому из того, что принято называть освободительным движением (как же хочется верить, что это не так, – и как же мало осталось этой веры). Это очень, очень грустно (и довольно страшно).

«Бунт», подозреваю, был написан под впечатлением от октябрьского переворота и событий, последовавших за ним – наверное, отсюда у автора такое нарочитое презрение к условному «народу», лишь на словах жаждущему свободы, но достойному лишь кнута и миски похлёбки. И вот тут было важно, чем же закончит Реймонт свой злой и безысходный текст. Так вот, поверьте, такого финала вы точно не ожидаете. И это дико круто.

Николай Подсокорский



Отличная новость: «АСТ» издаст дважды премированный НФ-роман немецкого фантаста Андреаса Брандхорста «Корабль» (Das Schiff, 2015). Брандхорст немолод, ему 68 лет, фантастику он пишет и издает с 1975 года, то есть со своих семнадцати (что интересно, громадную часть жизни – с 1984 по 2013 год – он прожил совсем даже в Италии, близ Венеции, с женой-итальянкой, а после развода вернулся в родную тевтонщину). Еще он переводчик –

с английского, перевел большинство романов Терри Пратчетта, переводил Иэйна М. Бэнкса и так далее. Книг у него много, и НФ, и фэнтези. Судя по аннотации, «Корабль» должен быть хорошей фантастикой.

Николай Каравев

Давно у нас не было ужасной рубрики с обрывками фантастических аннотаций, за которыми могут скрываться мозговыносящие шедевры русской словесности.

...Екатерина Алешина пишет романтическое фэнтези, выводя этот жанр на совершенно другой качественный уровень. Ее внимание к деталям мироустройства, описание здоровых отношений...

...Москва, 1881 год. В город приезжает загадочный маг-спирит по имени Жак Дюпре, который обещает выполнить желание любого, кто заключит с ним сделку. К нему за помощью обращается князь Поль Бобоедов, проигравший в карты счастливый фамильный перстень. Это привлекает внимание обер-полицмейстера Виктора Победоносцева...

...Ещё вчера моими самыми большими проблемами были потный начальник, неудобные туфли и поиски интересных любовных романов. А сегодня я проснулась в теле книжной злодейки...

...Действие происходит в эпоху правления ранней династии Цин, но имеет признаки современной культуры благодаря артефактам...

...И почему ее постоянно тянет на остров, где в старинной крепости проживает некий падре Гатано?..

...ИСТОРИЯ, ВЫЗВАВШАЯ НЕБЫВАЛЫЙ ИНТЕРЕС ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК КНИГА БЫЛА НАПИСАНА! Мощный ретеллинг, где смешались «Война и мир» с «Гусарской балладой» в стиле «Гордость и преду-

беждение и зомби»! Атмосфера 1812 года со славянскими фольклорными мотивами...

...летом 1812 все изменится: князя Петра Волконского отправляют в Потустороннюю Россию с просьбой о помощи. У него есть личная причина перейти границу: в недавней битве погибла его сестра Александра, служившая в гусарском полку под видом мужчины...

...Слуги времени ждут часа, когда на землю придут ванпулы – бессмертные, способные воскрешать мертвых...

...Сюжеты идут параллельно с отсылками для особо внимательных читателей. Начать читать можно с любой книги...

...Текст стилизован под старославянский, но так аккуратно, что читается легко...

...Девушка перемещается в начало XIX века, во времена, когда Россия и Франция находятся на пороге войны. Клэр оказывается втянута в схватку двух великих монархов. Чтобы вернуться в свой мир, девушка должна стать тайным агентом императора Александра I и передать мистическое кольцо его законному владельцу – Наполеону...

...Мирослава Видящая, потомственная гадалка, всегда считала...

...Мужчина твоей судьбы совершенно не тот, ведет себя совершенно не так и вообще скользкий тип? Он смотрит на тебя как на пустое место, а ты точно знаешь, что однажды...

...Или можно увильнуть от своей участи?..

...Ведите себя тихо, чтобы вас не заметили, и тогда вы наверняка сможете: – подглядеть за тем, как Тинави и Польнь меняются телами...

...Издание дополнено красочными иллюстрациями от художников DARRI, Какая разница, mimmirii и финой on fire...

...Лина Маккольм не знает, в чьем теле проснет-ся завтра утром...

...Ходячий труп, он был боксером, вылетевшим из спорта из-за неизлечимой болезни. Но затем он получил второй шанс, попав назад в прошлое. Несмотря на все препятствия и барьеры, несмотря на недоверие окружающих, он все равно будет бороться за звание чемпиона...

...Он снова младший лейтенант милиции, участковый инспектор. Город Череповец образца 1976 года...

...И что теперь? Спасать мир, давать советы старшему генсеку, как положено в таких случаях другим попаданцам? Спустишь на землю, тебя даже к председателю райисполкома так просто не пустят...

...Окунитесь с головой в этот самобытный, увлекательный и захватывающий мир! Но имейте в виду – обратного пути нет...

...Петр, мужчина, рожденный на излете СССР, с детства верил в сказки...

...Третья часть романа мэтра российской фантастики, в котором космические спецназовцы России участвуют в бесконечных сражениях в разных измерениях...

...В семье Черных больше не осталось секретов...

...На амбициозную журналистку Елену у беспощадного фатума были особенные планы...

...Тогда восстали высшие силы, чтобы наказать неблагодарных и лишит их самого ценного... Когда Коля приехал навестить деда в затерянное среди тундры село Ловозеро, он и не предполагал, чем закончится его поездка...

...Всемогущего космического диктатора Бориса Тушнякова явно стоит пожалеть! И в самом страшном сне великому владыке пояса астероидов не могло присниться, что его плану по захвату Солнечной системы начнут мешать двое шестиклассников...

...потеряв силу Зимы, Вера живет в домике сторожа кладбища и подрабатывает таргетологом...

...Знание истории родного края, традиции предков и настоящая дружба помогают Лизе вернуть новых знакомых в их времена и разгадать вековые тайны...

Николай Караев

Переведу-ка на ночь глядя микрорассказ из немецкого НФ-журнала phantastisch!, надеюсь, никто не обидится.

Фолькер Дорнеманн

ТИМ

Добрый день. Я – ТИМ, зонд фон Неймана. Меня создали, чтобы изучать вселенную. Мое вторичное задание: саморепликация. В своих экспедициях я использовал для создания копий себя сырье небесных тел. Вскоре нас стало два, потом четыре, потом восемь...

Долгое время всё шло хорошо. Однако теперь мы исчисляемся миллиардами. Сырье Млечного пути выработано, галактика – мертва. Исследовать здесь больше нечего.

К новым берегам!

Николай Караев

Сегодня Рэю Брэдбери исполнилось бы 104 года. Я его уважаю, но не то чтобы обожаю, тем не менее колонку для «Литрес Журнала» написал с удовольствием – благо есть, что сказать.

У меня с Брэдбери две личные истории связаны. Во-первых, где-то восемь лет назад мы с коллегой Светой Евсюковой по заказу одного небольшого издательства написали о нем целую книгу. Ну как о нем: идея заказчиков была в том, чтобы

рассказать, как и где реализовывались «идеи Рэя Брэдбери». Это такая распространенная болезнь у людей, далеких от «жанровой» прозы: раз фантаст – то обязательно идеи, как без идей-то, это же не литература, а рупор НТР. Мы со Светой тогда выкрутились, довольно остроумно, мне кажется: написали о том, как Брэдбери в своих книгах реагировал на социальные вызовы своего времени и что с этим сейчас. Даже взяли пространственные комментарии у ученых, специалистов в разных отраслях. Книжка была отредактирована, сверстана, гонорар получен и потрачен, даже иллюстрации нарисованы – но наше издательство поглотила другая контора, и ничего в итоге не вышло. Может, и к лучшему: история не стоит на месте, многое изменилось за эти годы, наши прогнозы сейчас выглядят местами смешно и нелепо, как всякая, прости господи, футурология. Вот развернутые комментарии экспертов жалко, там было интересное.

Вторая частная история приключилась накануне столетия классика, пять лет назад. Тогда я взялся для другого издательства уже не написать, но составить сборник научных и публицистических статей о Брэдбери, этак на сорок авторских листов или больше. Почему-то казалось: раз уж его у нас любили вздохом с советских времен, совали во все дырки, то и понаписать должны были тонны литературы. А вот фигурки. Оказалось, о Брэдбери написано полдюжины дельных статей (за 60 лет), остальное распадается на два множества. С одной стороны – унылый пересказ одних и тех же общеизвестных биографических фактов, с другой – узкоспециальные работы для переводчиков и лингвистов, что-то типа «о связи сверлящих свойств взгляда с филологическими характеристиками слова “бетон”».

Но, в общем, я авторов этих работ понимаю: Брэдбери не тот писатель, который дает обильную

пищу для размышлений. Поэт, лирик, гениальный интуитивист, но не мыслитель. Недаром у него на пишущей машинке, по признанию самого писателя, была наклеена бумажка со словами: «Не думай!». Наши отечественные исследователи этому правилу честно следовали, и только.

Василий Владимировский

Сайт Goodreads подогнал большой список самых ожидаемых книг осени (с небольшим заходом на зиму) – и там есть отдельные категории для НФ, фэнтези и ромфанта. В НФ пять книг, из них две – вполне ожидаемые: Полоскун Polostan Нила Стивенсона (первая часть новой трилогии) и Absolution Джеффа ВандерМеера (четвертая часть трилогии (да) «Южный Предел»). Еще три:

– Sky Full of Elephants («Небо, полное слонов»), дебютная книга Себо Кэмпбелла (Sebo Campbell), там по сюжету всё белое население Америки кончает самоубийством (топится, если точнее), слоган книжки – «что значит быть черным в мире без белых?», даже интересно, как это всё будет воспринято, подозреваю, что не без скандала;

– I’m Starting to Worry About This Black Box of Doom («Этот черный ящик рока начинает меня беспокоить») Джейсона Паргина, мужик везет девушку с заглавным ящиком-в-который-нельзя-заглядывать в Вашингтон, девушку звать Пандорой, возможно, это ящик для теракта, но на самом деле нет, что-то такое;

– The Shutouts («Шатунты» не знаю, shutdown – «проигрыш всухую») Гэбриэль Корн, квир-дистопия, в 2041 году женщина едет по страдающей от торнадо, пожаров и политиков Америке к дочери, которую бросила много лет назад, а сорок лет спустя другие женщины, мать и дочь, сбегают из проекта

по улучшению климата, в котором (проекте) они были подопытными крольчихами.

В общем, это довольно американский по писателям, тематике и локациям топ-пятя. Фэнтези я комментировать не буду, посмотрите сами, там Брэндон Сандерсон, скандинавщина, китайщина, темная академия и магические дети сил моих нет. То же с хоррором и ромфантом – не знаю что сказать.

Николай Каравев



«Зима на Полярной улице» – Сборник рассказов
Новый год – это время магии, приключений и домашнего уюта.

Авторы издательства «Полюнь» написали семь рассказов, которые перенесут вас в разные страны и вселенные.

Вас ждут истории о любви, семье, дружбе, а также детектив и новогодняя притча.

Волшебных праздников на Полярной улице!

- А. Райнер (<https://t.me/zaglyanuvshiy>) – «Переполох в закускойной»

- Снежана Каримова (https://t.me/snezhka_ka) – «Свет, который слышно»

- Вика Маликова – «Шчодры вечар»
- Денис Лукьянов (<https://t.me/denosavor>) – «Вечно хочет блага»

- Катерина Ромм (https://t.me/katerina_romm) – «Самая длинная ночь года»

- Юлия Шляпникова (https://t.me/foxy_tales_13) – «Первый призрак»

- Татьяна Лакизюк (<https://t.me/tanyalakizuk>) – «Драгомир и тайны новогоднего сияния»

Иллюстрация на обложке: Алина Федина

Дизайн и Леттеринг: Артем Суменков (<https://t.me/bookarting>)

Выпускающий редактор: Полина Умитбаева (https://t.me/taem_chitaem)

Денис Лукьянов



Энди Серкис с командой прибыл в Новую Зеландию для подготовки к съемкам фильма «Властелин колец: Охота на Голлума».

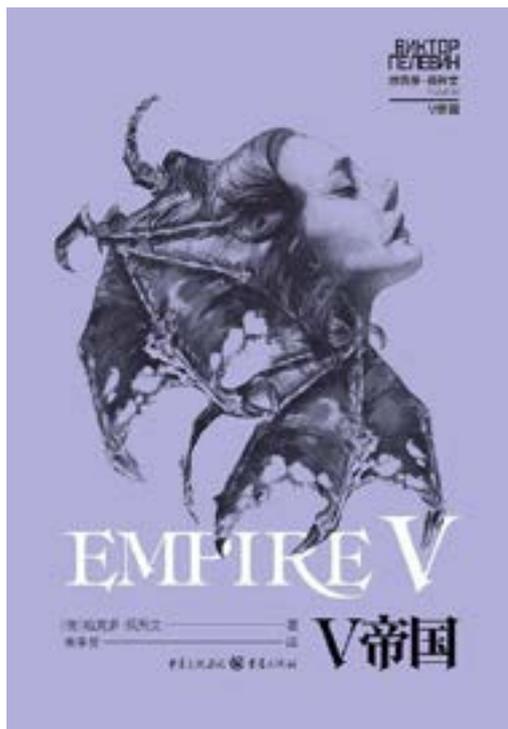
Ранее режиссер заявил, что некоторые персонажи из предыдущих частей могут появиться

в грядущей картине. Кто именно, пока остается только гадать.

Премьера «Охоты на Голлума» ожидается в 2026 году.

Мир фантастики

24 августа:



Китайские фэны составили список рекомендованных фантастических текстов, опубликованных в КНР в первой половине этого года, там много всякого интересного (среди собственно китайцев – ни одного романа, но зато рассказы Хань Суна и Баошу, например).

В числе прочего оказалось, что на китайском только что издали «Empire V» Виктора Пелевина.

Обложка, как по мне, прекрасная. Понятно, что в китайской версии названия V帝国 – «V-империя», «V-диго» – слово «вампир» потеряно, но что делать.

А среди переведенных рассказов-повестей есть русский автор 安德烈·普拉东诺夫 (Аньделе Пуладуннофу, то бишь Андрей Платонов) с «Ювенильным морем».

Николай Караев



Алексей Толстой «Аэлита»

«Аэлита» не первая советская фантастика о путешествии на Марс. До нее были «Путешествие на Марс» Леонида Астафьева и «Красная звезда» Александра Богданова. Но именно роман Алексея Николаевича Толстого завоевал бешеную популярность. Изначально «Аэлита» была написана с большей долей философского наполнения и с сильной любовной линией, но в 1937 году Толстой существенно переработал роман, упростив его и сделав более «подростковым». Именно в таком виде он долгие годы и издавался в Советском Союзе. При чтении мне постоянно виделись параллели с марсианским

циклом Берроуза, но в «Аэлите» больше внимания уделено мифологии, мистике и идеологии.

А теперь немного о сюжете. Петроградский инженер Мстислав Лось сумел построить «межпланетный дирижабль», используя новое топливо. Он подал объявление с предложением полететь на Марс. Откликнулся на него только отставной во-яка-красноармеец Алексей Гусев. Вдвоем они отправляются на красную планету. Стоит отметить, что многие научные явления, описанные в романе, могут показаться современному читателю очень наивными. Например, чтобы проверить пригодна ли атмосфера Марса для дыхания, они высовывают из корабля крысу. Однако не стоит забывать, что роман был написан в начале XX века, когда о космосе только мечтали.

Прибыв на Марс, земляне видят ирригированные каналами поля, поросшие гигантскими кактусами, и огромные пирамиды цирков. Вскоре знакомятся они и с жителями красной планеты. Аборигены похожи на людей, но отличаются цветом кожи и более хрупким телосложением. Земляне видятся им могучими гигантами. Довольно много места в романе занимает мифология. Так нашим героям рассказывают о том, что когда-то на Макс прилетели магацитлы-атланты и завоевали марсиан-аолов. Мы подробно узнаем и об истории рассвета и заката самой Атлантиды. Эта часть проработана на очень высоком уровне. Однако сейчас на Марсе очень неспокойно. Цивилизация новых марсиан находится в упадке. Косным обществом марсиан правят потомки атлантов, повсюду мы видим следы разрухи и социальное неравенство. Заправляет всем Совет инженеров, главенствует в котором диктатор Тускуб.

Земляне поселяются в доме Тускуба, где Лось знакомится с дочерью диктатора Аэлитой и сразу

же в нее влюбляется. Хотя чувство взаимно, влюбленным не суждено быть вместе, поскольку Тускубу замыслил убить Сынов Неба, чувствуя в них угрозу для своей власти. В это время Гусев, видя угнетение рабочего класса, замышляет пролетарскую революцию и даже возглавляет ее. Армия диктатора противостоит его планам. Удастся ли Лосю найти свою любовь, а Гусеву освободить Марс от диктатора вы узнаете, прочитав роман.

Итог: «Аэлита» – важный роман для становления советской фантастики. Для современного читателя научная составляющая произведения может показаться наивной и даже оттолкнуть. Однако прочитать его все же стоит, как важную часть истории нашей литературы. К плюсам стоит отнести интересную мифологию и проработанную любовную линию. Хотя роман и не отличается лихо закрученным сюжетом, мне он понравился за свою непередаваемую атмосферу.

Жанр: «Твердая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Лондонская подземка может внушить трепет своим преклонным возрастом и показаться пугающе запутанной, но правда в том, что это очень удобный и совершенно не страшный способ передвижения. Нет нужды пристально изучать её схему заранее и расстраиваться, что Лондона нет в приложении Яндекс.Метро, потому что всё, что вам понадобится, это гугл карты, которые подскажут, где ближайшая подходящая станция, где и куда сделать пересадку, где выйти. К этому добавим человеческую навигацию внутри метро – и получается комфортно и для людей.

Хтоническая специфика:



– Труба (tube), центральная и, кажется, основная часть метро – древняя, коридоры переходов узкие, с множеством поворотов.

– Но во-первых, встречные потоки разумно разделены, а во-вторых повсюду на поворотах вы найдёте обзорные сферические зеркала.

– На некоторых станциях эскалаторы отсутствуют как класс. Их роль выполняют лифты. Есть дублирующие винтовые лестницы, рядом с каждой найдётся указатель с количеством ступеней и просьба не пользоваться лестницей без особой необходимости.

– На старых линиях трубы тоннели узкие и поезда по ним ходят сравнительно неширокие и невысокие. Их строение таково, что, например, невозможно, глядя в стёкла дверей, как в зеркало, поправить причёску перед выходом из вагона: увидишь в таком кривом зеркале только ноги и ещё одни ноги, отражённые сверху вниз.

К.А.Терина



Прав был Мостак – через 5 лет людей-программистов не будет.

ГенИИ-ассистент сэкономил компании Amazon 4500 лет разработки

Это удивительно и парадоксально, но все еще встречается немало ИИ-скептиков, продолжающих вопрошать – ну покажите, покажите мне хотя бы один по-настоящему революционный кейс применения ГенИИ, экономящий компании миллионы долларов!

И хотя известно, что фактами никого ни в чем убедить нельзя, я все же рекомендую ИИ-скептикам этот новый кейс. Ибо и компания круче куда – Amazon, и ньюсмейкер серьезней куда – Президент и гендир Энди Джасси.

В его вчерашнем посте Энди Джасси рассказал о результатах внедрения ГенИИ-ассистента Amazon-Q для решения задачи обновления корпоративных приложений до Java 17 (новая функциональная версия Java SE).

- Раньше программистам компании требовалось на обновление 1 (одного!) приложения порядка 50 человеко-дней работы.

Теперь это занимает несколько человеко-часов.

- С учетом огромного числа используемых компанией приложений, экономия составила 4500 человеко-лет (!) работы программистов.

- Качество работы ГенИИ-ассистента оказалось столь высоко, что в 79% кейсов ни малейших исправлений (ни одной строчки) со стороны людей не потребовалось.

- Проведенные обновления повысили безопасность и сократили затраты на инфраструктуру, обеспечив, по оценкам Джасси, 260 млн долларов годового прироста эффективности.

Получается, что **Эмад Мостак** (бывший генеральный директор Stability AI), вполне возможно, что был прав, говоря еще год назад – *«через 5 лет людей-программистов не будет»*.

И хотя он имел в виду лишь кодировщиков, а для высокоуровневых программистов ГенИИ будет не заменой, а ассистентом, экономия будет колоссальной.

Но если уж даже сторонников плоской Земли никакие факты не убеждают, то в чем могут убедить ИИ-скептиков кейсы типа вышеописанного?

Да не в чем.

Но слава богу, революции ГенИИ их скептицизм не мешает.

Сергей Карелов



*«А это моя тетюшка.
Она старая дева, живет одна
со своим саблезубым котом.»*

TheNewYorkerRu

Вчера повесил на Boosty старенькую рецензию на цикл Орсона Скотта Карда, но не тот, о котором все знают, не на серию про Эндера, а вовсе даже на «Сказание о мастере Элвине». Задумался: а многие ли вообще помнят, что у него такое было? Любопытный феномен – даже не «автор одной книги», а «автор одной серии». Кард вообще кучу всего написал, но помнят-знают его по «Игре Эндера» с продолжениями. Или вот Фрэнк Герберт с его «Дюной» – кому на фоне этой саги есть дело до его «Зеленого мозга», «Создателей богов» или «Улья Хельстрома»? Или Будждолд с ее Майлзом Форкосиганом? Любопытно: если бы эти авторы не сочинили главные свои книги, их бы вообще запомнили, остались бы они в истории если не литературы, то хотя бы нашего условного «жанра», пусть на третьих ролях?

Представляю, какая это жизненная драма: главная книга написана, серия тянется потихоньку, время от времени писатель дергается в какую-то совсем другую сторону, пытается повторить успех – и не получается ничерта, хоть тресни. Да, неплохо, читать можно, даже премией утешительной наградить – но, конечно, уже не «Игра Эндера», не «Дюна», не «Ученик воина». Как они это пережили – ума не приложу.

Василий Владимировский

25 августа:

Меньше чем через месяц выйдет трехтомник со всеми стихами Дж. Р. Р. Толкина, когда я об этом писал (<https://t.me/starlighthousekeeping/2582>), обещали 77 неопубликованных стихов, сейчас, судя по статье (<https://www.theguardian.com/books/article/2024/aug/24/beyond-bilbo-jrr-tolkiens-long-lost-poetry-to-be-published>) в Guardian, их число сократилось до 70. Но и то хлеб. Сокращение, подозреваю, произошло в том числе за счет стихотворения *Bealuwérig*, о котором рассказано чудесное:

[Кристина] *Скалл* и [Уэйн] *Хэммонд* [муж и жена, составители трехтомника, начинали работать еще с Кристофером Толкином] *не могли понять стихотворения, названного Bealuwérig, – Толкин написал его на древнеанглийском. В нем появляется имя Bealuwearge, с древнеанглийского – «зловредный беззаконник» [malicious outlaw], напоминающее свирепое создание из «Властелина Колец», Балрога, а также волкоподобных зверей в «Хоббите» – варгов.*

[Муж и жена] *искали слова [стихотворения] в словарях древнеанглийского, но не могли их найти... и в конце концов обнаружили, что Толкин перелел на древнеанглийский знаменитое стихотво-*

рение Льюиса Кэрролла «Бармаглот» [Jabberwocky], создавая новые слова, чтобы передать придуманный Кэрролом новояз.

«Ну, немудрено, что мы не могли найти слова в словарях», – сказал Хэммонд.

Тут надо сказать, что до сих пор этимология слова «Балрог» – я имею в виду не синдарин, а земные языки, – этой версии вроде не включала, а ведь версия вполне себе.

Николай Каравев

Прочел сегодня пост (<https://t.me/SpeculativeFiction/5220>) Васи об Орсоне Скотте Карде – Вася выложил свою «рецензию на цикл Карда «Сказание о мастере Элвине»», – и что-то мне стало за Карда обидно после вот этого:

Любопытный феномен – даже не «автор одной книги», а «автор одной серии». Кард вообще кучу всего написал, но помнят-знают его по «Игре Эндера» с продолжениями... Если бы эти авторы не сочинили главные свои книги, их бы вообще zapomнили, остались бы они в истории если не литературы, то хотя бы нашего условного «жанра», пусть на третьих ролях? Представляю, какая это жизненная драма: главная книга написана, серия тянется потихоньку, время от времени писатель дергается в какую-то совсем другую сторону, пытается повторить успех – и не получается ничерта, хоть тресни.

Вася во многом прав, но не совсем, а обидно мне, потому что для Васи это, может быть, автор «один из», а для меня – особенный. Настолько, что я с ним попробовал списаться в 90-х еще, тогда же, когда и с Муркоком. И списался, кстати говоря, и Кард мне даже прислал *Children of the Mind*, свежий свой роман, четвертый в цикле об Эндере, с автографом.

Я был, конечно, под впечатлением от «Игры Эндера». И, чуть позже, от «Седьмого сына» и «Краснокожего пророка» – как раз двух первых книг об Элвине. У меня даже была теория, что один из персонажей там – замаскированный Эммануил Сведенборг (там есть незамаскированный Уильям Блейк, для которого шведский визионер был одно время источником вдохновения, и я вычитал у Борхеса в лекции о Сведенборге о Хрустальном дворце, что ли, но Кард мне написал, что я вчитываю, и я, конечно, вчитывал тогда по полной, чего тут). В качестве ремарки скажу, что рецензию Васи не читал – она у него только для подписчиков, – но сомневаюсь, что она вот «на цикл». В 1998 году, когда Вася ее писал, цикл об Элвине насчитывал пять романов, потом их стало шесть, должно было быть семь, но по-русски в 97-м издали только первые три, увы и увы.

История Карда – сложная. Если кому интересны подробности, можно найти единственное, кажется, очень большое интервью Карда на русском – мое, вышло в 2013-м в «Мире фантастики». Коротко: Кард – блестящий писатель, который в какой-то момент блестяще совпал с эпохой. Случилось это в 1980-е, когда вышли самые известные его романы. И это не только история мальчика (а потом уже и взрослого) Эндера, который совершает геноцид во имя человечества, это и первые романы об Элвине – юноше в альтернативно Америке XIX века, где есть магия и в эпизодах действуют, кроме прочего, Наполеон, Текумсе, Блейк, Бенджамин Франклин и другие весьма интересные люди. Первые два романа об Эндере получили оба по «Хьюго» и «Небьюле», а «Голос тех, кого нет» еще и «Локус», первые четыре (!) романа об Элвине – все признаны лучшими по версии журнала «Локус».

Но потом эпоха стала меняться. А Кард-писатель особо меняться, как ни странно это прозвучит, не мог. Потому что Карда-писателя определяет в том числе Кард-человек, а Кард-человек – прежде всего мормон. Потомок Бригема Янга, второго после пророка Джозефа Смита человека в Церкви святых последних дней, кроме прочего – строителя Солт-Лейк-Сити. И мормонизм – он вполне определял и определяет творчество Карда-фантаста. И напрямую, и косвенно.

Напрямую – это не только исторический роман «Святые» о женщине, которая была одной из жен Смита и потом стала одной из жен Янга (прототип героини – реальная женщина, предок Карда). Это весь цикл из пяти книг *Homcoming* («Возвращение»), буквально построенный на Книге Мормона. Это весь цикл про Элвина – потому что прототипом Элвина был не кто иной, как Джозеф Смит (а индейцы, к слову, играют там важную роль не просто так – мормоны считают их потомками потерянного колена Израилева). Это историческо-библейский цикл «Женщины Книги Бытия». Ну и много чего еще – и фантастического, и исторического. При этом, что важно, Кард никогда в текстах мормонизма не проповедовал. Но, конечно, влияние на тексты Карда *его* религии – огромное.

Косвенно – потому что книги Карда принципиально строятся на ключевых для христианства, особенно в его мормонском изводе, темах. Это в первую очередь Семья – нечто для мормонов абсолютно священное, – Жертва, Искупление, и всё это складывается в моральную уже проповедь, неявную, но неизбежную, о христианской любви как двигателе истории. Как там у Леонарда Коэна: *love's the only engine of survival*, любовь – единственный мотор выживания. Например, в романах об Элвине повторяется очень важная для меня мысль – что

у каждого человека есть предел злодейств, грубо говоря. Он у разных людей разный. Но он есть всегда. Ниже определенного уровня не опустится и самый плохой человек на земле.

Побочным итогом часто было то, что Джон Клют назвал применительно к Карду примерно «бессознательным садизмом» в отношении героев. Это не садизм, конечно, это чисто религиозная штука – никто же не говорит о садизме применительно к жертвоприношению Исаака и распятию Иисуса (хотя у Карда я бы больше говорил о влиянии Ветхого Завета).

И вот – в 1980-е и 1990-е это всё принималось на ура. А в 2000-е – перестало. Случились сразу две вещи. С одной стороны, религия и мораль стали резко немодными. С другой, и для Карда это было роковым, случились 11-е сентября и вторжение в Ирак. Кард, я подозреваю, смотрел на эти трагедии через всё ту же ветхозаветную призму – и занял тогда консервативную, то бишь республиканскую сторону, хотя был и, кажется, остается членом Демократической партии. Он стал политически активен, сделал сайт *Ornery American*, всячески поддерживал Джорджа Буша-младшего, а потом Джона Маккейна, Ньюта Гингрича и Дональда Трампа (на выборах 2016 года, а когда увидел, как Трамп разворачивается, к политике несколько, по-моему, охладел).

Как мормон Кард не мог пройти мимо темы гомосексуализма, особенно однополых браков, выступал по этому поводу, отразилась эта тема и в творчестве («Отец Гамлета»), последовали скандалы в фэндоме, который, понятно, либерализовался и шел совсем в другом направлении. Когда Карда в 2013-м пригласили сочинить комикс про Супермена, петиция с требованием этого не делать собрала 16 тысяч подписей. Многие бойкотировали фильм «Игра Эндера» – по-моему, отличное кино, хотя

«книга лучше». Но и к книге возникли со временем вопросы, так что Кард своих насекомых пришельцев-завоевателей из *buggers* (непереводимая игра слов, *bug* – «жук», *bugger* – пейоратив для гея) переделал в *formics* – от лат. *formica*, «муравей».

И – закономерно – на Карда стали смотреть как на некоторый религиозный атавизм. Его книги (те, что я читал) не стали хуже – и они, как по мне, были и есть лучше его политических взглядов, моральнее уж точно, – но изменилось их восприятие. Были еще и личные трагедии – у Кардов умерли двое из пяти детей, дочь сразу после рождения и страдавший церебральным параличом сын в 17 лет, сам Кард перенес инсульт. Спинофф к «Эндеру» – длинный цикл о Тени – был, действительно, хуже оригинала. Новые трилогии проходят почти незамеченными.

Остался ли Кард в истории фантастики только как автор двух первых романов из цикла об Эндере? Я думаю, нет. Время смещает перспективу, конечно, в начале 1990-х тот же Клют считал Карда одним из лучших современных относительно молодых фантастов и выделял далеко не только «Игру Эндера». Сейчас всё сместилось, но романы об Элвине не так давно переиздавали, и «Женщин Книги Бытия» тоже. Но тут такое дело, что если посмотреть, что осталось от буквально титанов – Клиффорда Саймака, например, – это будет очень грустная картина.

Меня консервативный поворот Карда в свое время ужасно огорчил, и тут есть очень много уроков, моральных в том числе. Но, повторю, та часть души, которая отвечает за творчество, обычно лучше всех остальных. Иногда – сильно лучше.

А вчера у Скотта (как он подписывается в письмах) был день рождения. 73 года. И я все еще надеюсь, что он в этот самый момент пишет что-то, в чем будет мало тьмы и очень много любви. Как

финал «Игры Эндера», помните? Когда, несмотря ни на что, происходит некоторое чудо – и ты, закрыв книгу, ощущаешь себя в потоке бесконечного света.

Николай Караев



В день рождения великой актрисы Маргариты Тереховой процитирую ее воспоминания из книги «Из первых уст...» (2013):

«Встреча с Андреем Тарковским – одно из самых главных событий в моей жизни. В 1972 году я пришла на «Мосфильм» к Тарковскому на первый разговор, на пробу к фильму «Солярис». Я не знала тогда Андрея в лицо. Увидела симпатичного человека среднего роста. Он поглядывал на меня как-то хитро, внимательно. Мы зашли с ним вдвоем в лифт, поднялись на какой-то этаж, пошли по коридору.

Я замечаю, что он идет со мной рядом, заходит в ту же дверь, что и я. Тут до меня начало что-то доходить, я догадалась, что это не случайность. Я вхожу в дверь, замечаю, что его уже со мной рядом нет.

Потом он внезапно появляется и начинает говорить о моих волосах. Я распускаю волосы, провожу по ним рукой. «Замечательные волосы!» – говорит он мне. В итоге пробу мы сделали, но в «Солярис» я не попала, роль досталась Наталье Бондарчук. Но моя первая встреча с Тарковским оказалась незабываемой. Мне теперь даже кажется, что, когда Андрей со мной молча в лифте поднимался, он все про меня уже понял. Потом он мне сказал, что если бы он меня тогда утвердил в «Солярисе», это был бы совсем другой фильм. Андрей многое предсказал своими фильмами... Например, сразу после премьеры «Сталкер» многим показался пророческим, картиной-предсказанием.

Про свои картины Андрей Тарковский сказал как-то: «У меня меньшинство, но я в нем уверен». И разумный мир понял, что меньшинство нередко оказывается ближе к истине, чем большинство. Андрей говорил: «Моя жизнь – это мое кино, а мое кино – это моя жизнь». Кино – это сочетание несочетаемого: пламенного сердца и холодного разума. Это и было в работах Андрея. Думаю, его творчество – пик развития кинематографа.

Встреча с Тарковским была для меня самой лучшей школой. Лучше и не придумаешь! Такие выдающиеся режиссеры, как Тарковский, Феллини, Антониони, делали нечто по-настоящему глобальное для искусства. Хотя кино и возникло только в XX веке, но оно сконцентрировало в себе все прочие искусства, которые создало человечество за всю свою историю. Мы, актеры, которым посчастливилось работать с Тарковским, с первых же мгновений общения с ним попадали в его особый мир,

начинали боготворить его, понимать, что он – гений. Что я вкладываю в понятие «гений»?

Мне в этом смысле близка терминология Даниила Андреева: бывают гении-вестники, бывают гении-пророки, а бывают просто творцы в самом широком смысле этого слова. Мне кажется, что у нас в России любой творец является обязательно еще и вестником, он несет людям знания о других мирах, о неких высших духовных сферах. Если творец, конечно, решается вступить на этот тяжелый путь... Тяжелый, потому что быть гением в России – страшная участь. Еще Пушкин в 1836 году в письме к жене Наталье Николаевне признавался, как трудно ему жить в России с душой и талантом. А Максимилиан Волошин в стихотворении «На дне преисподней», посвященном памяти Блока и Гумилева, написал в 1922 году знаменитые строки:

Темен жребий русского поэта.
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского – на эшафот.

Но я думаю, тут не «неисповедимый рок» виноват, а конкретные люди.

Для пробы к «Зеркалу» Тарковский вызвал меня на «Мосфильм». Я помчалась. Помню, бегу через небольшой садик, волосы на ветру развеваются, платье трепещет. Слегка опаздываю, но это потому, что я еще и в театре работала. Одна дама пыталась меня у «Мосфильма» остановить, но я ее обошла. Вхожу и вижу двух красивых мужчин: Гошу Рерберга и Андрея Тарковского. Я тогда и не знала, что меня приглашают попробовать на главную роль в фильме. Потом узнала, что на роль матери в «Зеркале» пробовалась Марина Влади, она сама об этом попросила.

Мои пробы проходили удивительно спокойно, я достаточно уверенно себя чувствовала, но, вероятно, тайное волнение все равно было, потому что я, выйдя прямо на камеру, вдруг сказала: «Андрей Арсеньевич, а “Мастера и Маргариту” когда будем снимать?» Я не знаю, что тогда со мной происходило, почему я это спросила, но рядом с ним у меня было ощущение полной свободы. А Андрей, зеленоглазый, великолепный, с прищуром посмотрел на меня. Он на меня никогда не злился, я не слышала, чтобы у него с кем-то был конфликт. Тогда он ответил на мою реплику:

«Ну, кто Маргарита, я примерно догадываюсь, а кто Мастера сыграет?» Я говорю: «Как кто? Конечно, Смоктуновский!» Андрей: «Ну, не знаю... Может быть, я?»

К счастью, съемок «Мастера и Маргариты» не произошло: эта книга – булгаковский текст-обольщение, потом я никогда не хотела играть Маргариту. Меня часто об этом спрашивали, возможно, еще из-за моего имени... Сначала я восприняла книгу Михаила Булгакова с невероятным восторгом, и только потом постепенно стала понимать, что в романе словно восхваляются силы тьмы, добро и зло так перемешано, что разобраться читателю очень сложно. Булгаков – писатель гениальный и в своей книге начал описывать и смешивать грандиозные силы.

Во время чтения романа «Мастер и Маргарита» возникает ощущение, что грань между добром и злом у автора стерлась, ее не существует. Подобное и можно, с моей точки зрения, назвать обольщением. Это меня и уводило от романа. Я не случайно никогда не хотела быть связана с постановками «Мастера и Маргариты» на сцене или в кино. И кино, и театр способны магически влиять

на человека, в некоторых случаях даже лишать его свободы воли.

Впоследствии я не перечитывала роман «Мастер и Маргарита», даже его фрагменты. Моя версия такая: трагический и чудесный Михаил Афанасьевич Булгаков во время написания романа был оболещен, но как и каким образом – мы не знаем. Однако во время работы над своим закатным романом, по словам его жены Елены Булгаковой-Шиловской, он много молился.

Но вернемся к «Зеркалу». Смоктуновский, о котором я заикнулась на пробах, потом в этом фильме читал закадровый текст, выступая в роли автора, как бы самого Андрея. Андрей сам бы мог это сделать, даже начинал, но потом все-таки доверил роль автора Смоктуновскому. Думаю, если бы озвучивал сам Тарковский, было бы даже лучше. Мои монологи должны были быть с самим Андреем, он мне подыгрывал на начальных этапах работы. У Смоктуновского была совершенно другая манера, иные интонации. Но все равно в итоге получилось замечательно.

Мои пробы к фильму в основном состояли из свободных, непринужденных разговоров. Я не пыталась никого специально играть, была собой, такой, какая я есть, и, вероятно, такой я и нужна была Андрею. Я играла его корни, самое главное, самое важное в его жизни.

У меня в фильме было две роли: матери героя и его жены Натальи. Андрей объединил в картине все вместе: рассказ о матери и об отце, о себе, о времени и о памяти. Арсений Тарковский читал за кадром свои стихи. Кстати, многие из них посвящены не маме Андрея, а другой женщине, Марии Густавовне Фальц, которая ушла из жизни рано и была его музой. Но в «Зеркале» все как-то сошлось воедино. <...>

Мать Тарковского, Мария Ивановна Вишнякова, присутствовала на съемках, отец тоже, и я спрашивала их обо всем, даже о глубоко личном. Например, подхожу к матери Андрея, сидящей на стуле в своем пончо, задаю ей вопрос: «Мария Ивановна, Арсений Александрович говорит, что хотел к Вам вернуться?..» (Этот разговор происходил в 1974 году, а отец от них ушел в 1937-м). Мария Ивановна пожимает худенькими плечами: «В первый раз об этом слышу». Я – к Арсению Александровичу за объяснениями...

Он: «Ну, у нее такой характер!» Да, про этот характер мне и Марина, сестра Андрея, рассказывала. Во время войны дети Марии Ивановны, голодные, откуда-то притащили огурцы. Так она эти огурцы выбросила немедленно. Дала детям урок: «Не берите чужого!» Она читала им прекрасные книги, до конца жизни устраивала своеобразные литературные вечера, читая вслух внукам. Мария Ивановна никогда не мешала Андрею и Марине общаться с отцом, кто бы ни был с ним рядом. Вот такой был характер у матери Андрея Тарковского».

Николай Подсокорский

На «ФантЛабе» несколько анонсов по истории фантастики.

Во-первых, выходит книга «Советская кинофантастика и космическая эра» Наталии Майсовой. Издатели пишут:

В этой книге исследуются отношения между ностальгией сегодняшнего дня и утопиями прошлого в контексте космической эры XX века и ее кинематографических репрезентаций в СССР и постсоветской России. Когда-то восторженная проекция, затем многообещающее и сверхъестественное настоящее и, в конечном итоге, совокупность ностальгических означающих в истории

мирового кинематографа, эта космическая эра была связана в первую очередь с жанром научной фантастики. Автор анализирует более 30 советских научно-фантастических фильмов, выдвигая на первый план их структуры утопии и их эволюцию во времени, чтобы проследить их транснациональную позиционность, трансмедиаальный резонанс и влияние на постсоветские российские фильмы о космической эре.

Обещают в сентябре, и вроде бы все хорошо, но у меня есть книга Ивонны Хауэлл «Апокалиптический реализм. Научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких» того же издательства «Библиороссика», и к ней большие вопросы. Классический пример «все прочитала, ничерта не поняла, но мнение имею»: поверхностно, прямолинейно, без понимания контекста, с фактическими ошибками. Так что в компетенции составителей серии – по крайней мере при отборе книг, связанных с «жанром» – я теперь небезосновательно сомневаюсь, простите. Монографию Наталии Майсовой жду, но особых надежд не возлагаю.

Ну и второй анонс – обещают выпустить книгу «Переписка И.А. Ефремова. «Наука»», уже прямо в августе. Там издание с историей. В 2016-м все доступные на тот момент письма Ивана Ефремова и его корреспондентов выходили в издательстве «Вече» огромным томом увеличенного формата с тиражом 500 штук (под редакцией Ольги Ерёминой). Я тогда не успел, книжку вопреки ядерной цене быстро расхватали. Сейчас в сети можно без труда найти пиратскую электронку, но хотелось бы именно бумагу на полку поставить. Несколько лет подряд издательство «Престиж-Бук» грозилось выпустить переиздание, то ли в двух, то ли в трех, то ли в пяти томах. Ну и вот – это, видимо, первая часть проекта. Рискну предположить, что в один том со-

брали переписку Ивана Антоновича с учеными, научными журналистами и т.п. Не самая интересная часть, но лиха беда начало, буду ждать продолжения – и этот томик возьму, конечно. Исследователь я истории советской фантастики или где?

Василий Владимировский

26 августа:



Между тем на конвенте в французском Камбре приз Рони-младшего взял роман Paideia Клэр Гаран, которая по профессии – учитель латыни и древнегреческого, поэтому слово «пайдейя» (παῖδεία, «воспитание детей» как античный греческий идеал воспитания) тут вполне на месте. Сюжет книжки, пишут, в том, что вокруг Луны вращаются десять станций, на которых живут десять девочек – последняя надежда мертвого человечества. Одна из них мечтает о других мирах. И обнаруживает, что

девочкам готовят совсем другую судьбу – стать матерями на строящейся лунной станции. А девочка не хочет быть всего лишь инструментом решения демографической проблемы мертвого человечества – и тут-то всё и начинается.

Николай Каравев

В силу определенных личных обстоятельств мне сейчас немного не до придумывания интересного контента. Но что-нибудь новенькое из связанного с Лемом всегда всплывает где-то рядом.

Давид Самойлов был мельком знаком с Лемом: польский писатель и советский поэт встретились 4 ноября 1965 года в Театре на Таганке, на премьере спектакля Юрия Любимова «Павшие и живые». А свое небольшое стихотворение «Читая фантаста» Самойлов написал по мотивам «Соляриса» в 1965 году. Первые русские переводы романа как раз вышли тогда еще совсем недавно. Мне нравится поэзия Самойлова, но конкретно это стихотворение не выглядит очень уж выдающимся. Однако любим мы его, как водится, отнюдь не за это.

Давид Самойлов

Читая фантаста

С. Л.

Что, если море – мыслящее существо,
А волны – это мысли моря,
И зыбкое зеленое стекло
Подвижная пронизывает воля?

Тогда мне страшен мудрый океан
И буйное его воображенье.
И что такое лютня, и кимвал,
И стон, и необузданное пенье?

Как страшно быть смятием земли,
Быть мозгом всеобъемлющим и диким,
Топить в себе мечты и корабли –
Быть океаном – Тихим и Великим!

Инар Искендрова

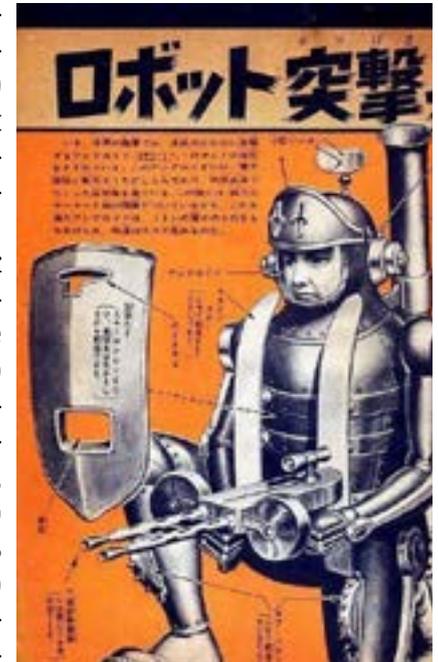
Солдат будущего (роботштурмовик) в представлении японских экспертов 30-х годов прошлого века.

Переводчик выдал следующее: «В настоящее время армии по всему миру исследуют андроидов (роботов), которых можно использовать для атаки вместо пехоты. Эти андроиды оснащены электронным мозгом и силой, а также броней из специальных металлов. Этот костюм оснащен мощными устройствами. Моторы и железные шарниры, позволяют андроидам поднимать предметы весом в тонны и бегать со скоростью 30 километров в час».

«Лыжи – для движения вперед, наклонившись (редко используются).

Пуленепробиваемая подставка – устанавливается вместо лыж, она защитит от вражеских пуль при движении вперед».

RocketMan





Это сама Клэр Гаран, а это призы. Их три, как я понимаю, потому что есть еще приз за лучший рассказ (Николя де Торсиак, Le fils du fossoyeur – «Сын могильщика») и приз Сирано выдающемуся гостю конвента (Пьер Жевар, прекрасный

редактор журнала Galaxies, вот тут (<https://t.me/starlighthousekeeping/1456>) – видео с Пьером, которое я записал в Чэнду в прошлом октябре).

Николай Караев



Сделал вот такую книжку:

Рэймонд Ф. Джоунс «Нестатический человек»
264 стр., твердый шитый переплет, тираж 20 пронумерованных экземпляров.

В книге размещен целиком авторский сборник 1964 года

«The Non-Statistical Man» в переводе Галины Соловьевой,

украшенный оригинальными иллюстрациями из первых журнальных публикаций рассказов.

Содержание:

- Нестатический человек, The Non-Statistical Man, Science Fiction Stories, май 1956, илл. Келли Фрис

- Луна – это смерть, The Moon Is Death, Future Science Fiction, март 1953, илл. К.А.Мэрфи

- Садовник, The Gardener, Science Fiction Stories, июль 1957, илл. Пол Орбан
- Антракт, Intermission Time, Science Fiction Quarterly, май 1953, илл. Пол Орбан
- Об авторе

Рэймонд Фишер Джонс (Raymond F. Jones) – американский писатель, автор научно-фантастических произведений.

Родился 17 ноября 1915 года в Солт-Лейк-Сити, столице штата Юта, в семье Дэвида Джонса и Джо-зефин Андерсон.

Окончил колледж с дипломами инженера и филолога, во время войны работал радиоинженером, после чего полностью переключился на лит. деятельность. Первый рассказ, «Испытание богов», опубликован в журнале Astounding Science Fiction в 1941 году.

Его работы появлялись в журналах Thrilling Wonder Stories, Amazing Stories и Galaxy. В течение следующих трех десятилетий Джонс написал впечатляющее множество занимательных научно-фантастических рассказов до своего последнего рассказа «Вечная смерть», был опубликован в «Фантастических рассказах» в 1978 году. Его легкий, плавный стиль письма завоевал много поклонников. Эти таланты сделали Джонса весьма уважаемым писателем-фантастом 1940-х и 1950-х годов. Он был постоянным автором журнала Astounding Science Fiction; один из большой группы писателей, находившихся под влиянием редактора журнала Джона У. Кэмпбелла. На русском языке многократно печатали только один рассказ, замечательный «Уровень шума». экранизированный в 1982 году в телепередаче «Этот фантастический мир».

Сергей Соболев

27 августа:



По данным Redanian Intelligence, хронометраж анимационного фильма «**Ведьмак: Сирены глубин**» составит 1 час 29 минут.

История будет основана на рассказе Анджея Сапковского «Немного жертвенности» из сборника «Меч Предназначения».

Премьера ожидается до конца 2024 года.

Мир фантастики

Сейчас ужасно буду я ругаться. Потому что были высокие ожидания.

Ожидания: сильный русский хоррор, фольклорные мотивы, магия леса.

Реальность: слипшийся сюжетный ком. Намеки на мистику слабые, зато очень много штампованной русской хтони типа «грубые и некрасивые алкаши пьют на грязной кухне».

Две девушки потерялись в лесу. В лесу бродит СТРАШНОЕ. Оно кого-то съело. Что это было, зачем и почему? Мы не узнаем никогда.

У необычного мальчика с ручным волком из необычной семьи то ли есть особые силы, то ли нету. И у всей его семьи тоже.



А почему девушки в тайге за месяц не умерли? А как они две недели питались пачкой макарон? А может они умерли, переродились и все дальнейшее совершают уже как бы не люди, муахахаха? Мы не узнаем и нам не надо!

А откуда ручной волк у мальчика? а это важно? Да неважно!

А почему умерла его мама, это важно для сюжета? Неважно! А мужчины в его семье – они кто? Они для мебели!

Короче, сюжетные линии связаны неэлегантно, страшное – не страшно, магическое – не волшеббно. Полное увы.

Светлана Тюльбашева – Лес

Анна Фёдорова

Наконец дочитал «Кадавров» Алексея Поляринова. Книга, конечно, заслуживает, чтобы рассказать о ней развёрнуто, но более расторопные коллеги на всех нормальных площадках уже высказались, не в микробложик же писать. Зафиксирую тезисно, чтоб не забыть.

Стартовый тираж «Кадавров» – пятнадцать тысяч экземпляров. «В среднем по палате» тиражи у художки в России сейчас – 2000-3000. Похоже, издатели возлагают на Алексея большие надежды.

За последний год, так получилось, прочитал кучу отечественных антиутопий, в основном начинающих авторов – очень популярный жанр, что-то случилось. Так вот, книга Поляринова, конечно, на две

головы техничнее. Мораль: прозаикам полезно читать умные и сложные книжки на русском, английском и других языках – и думать, как они сделаны.

«Кадавры» сильно выигрывают у других антиутопий за счет того, что это не экстраполяция каких-то негативных тенденций в будущее, а фиксация всего комплекса текущих проблем, отражение «здесь и сейчас» в искаженном зеркале.

Помимо антиутопии Алексей напихал в этот небольшой томик (288 страниц) кучу всего разного: и травелог, и семейную сагу о нескольких поколениях одной семьи, и «роман о травме», и альтернативную историю, и пародию, и «эмигрантскую прозу». На мой взгляд, вполне умело: ничего не царапает, углами не торчит. Плотненько так.

В целом скорее понравилось, однако по-прежнему считаю, что переключившись с эссеистики на художественную прозу Алексей Поляринов зарывает свой талант в землю. С другой стороны – кто ж эти эссе опубликует стартовым тиражом пятнадцать тысяч в здоровом уме и твердой памяти.

Василий Владимировский

28 августа:

В понедельник в местном книжном клубе, к которому я ненароком прибилсь, «Метель» Владимира Сорокина. Я ее когда-то читал, сел перечитывать. Дошел до прозрачной пирамидки и со вздохом выключил киндл, потому что поздно и надо еще делать дела. А «Метель» читается влёт. Просто вот глаза бегут впереди строки.

Я мало видел обсуждений на эту тему, полагаю, тут всё индивидуально, зависит от того, что ты читал и вообще, но – я в то же время читаю «Заступу» Ивана Белова (ну и еще десяток книг, чего там). «Заступа» написана хорошо. Воздержусь пока от

суждений насчет содержания, но написано – складно. Стильно. С выдумкой. Немногим цветистее, нежели стоило бы, как по мне, но это беда небольшая. Хорошо, короче, написана книга.

Но «Метель» летит, а «Заступа» еле тащится.

Хотя по содержанию – ровно наоборот. В «Метели» на первых эн страницах вообще ничего не происходит. В принципе. Доктор требует лошадей на почтовой станции. Описания доктора, смотрителя, смотрительской жены, станции, какие-то мысли доктора впадут и не очень. Очень исподволь Сорокин начинает вводить фантастический элемент, что, безусловно, цепляет еще больше – но только и так уже всё зацеплено. В «Метели» Сорокин дает Чехова, и не как, скажем, Набокова в «Голубом сале» – ненатуральный там Набоков, чего греха таить, – а тут – Чехов в полный рост. Пополам с «Сельским врачом» Кафки, конечно.

А у Белова – ну, описания есть, но автор помнит, что надо читателя цеплять. И цепляет. Наотмашь так. *На откосе припала к земле сгорбленная страшная тварь, порождение ночного кошмара сине-зеленого цвета лежалого мяса. Человеческая голова-обманка, упав назад, болталась уродским наростом, уступив место башке настоящей – узкой и шишковатой. Мутные, утопленные в черепе зенки уставились на Бучилу. Треугольный провал вместо носа шумно тянул сгустившийся воздух. Из пасти, полной острых, в два ряда, искривленных гнилым частоколом клыков, тянулись липкие нитки желтоватой слюны. На мощных задних лапах, вывернутых коленями взад, покачивалось поджарое тело, свитое из выступающих костей и перекрученных мышц, покрытое струпами и мокнущими болячками. Передние лапы, толстые и узловатые, с загнутыми когтищами, хищно крючнулись возле груди...*

Но почему-то Сорокин цепляет больше. И очень интересно задуматься, почему так. Я давно заметил, что больше всего цепляют книги, которые цепляют даже и не пытаются.

Николай Караев



Компания «Централ Партнершип» объявила о начале съемок фантастического фильма «**Девятая планета**».

В ленте расскажут историю о простом автомеханике, который неожиданно начинает вспоминать

странные вещи: службу на далекой планете, схватки с чудовищами и девушку Полину. Насколько правдивы эти воспоминания, герою предстоит выяснить на Девятой планете.

В главных ролях сыграют Юра Борисов, Ирина Старшенбаум, Алексей Серебряков, Константин Белашапка, Данил Стеклов, Максим Емельянов, Андрей Ургант и другие. Режиссером выступает Николай Рыбников («Трудные подростки»).

Съемки ленты продлятся до 9 ноября и пройдут в Москве, Марокко и на острове Сокотра. Премьера ожидается в 2026 году.

Мир фантастики



Появились первые концепты сказки «**Королевство кривых зеркал**» по мотивам произведения Виталия Губарева. Режиссером выступит **Клим Шипенко** («Холоп», «Вызов»).

Бюджет ленты составит как минимум 1 млрд рублей, а премьера запланирована на осень 2026 года.

Мир фантастики

Очередной выпуск дайджеста обрывков аннотаций фантастических отечественных, за коими при-

таились в засаде очешуительные шедевры такой же письменности.

...Я – принц-бастард Империи Черной Короны и я проклят богом искусств и вдохновения...

...Мужчина в самом расцвете сил, но постарше Карлсона, попадает в прошлое. Задачи спасти СССР нет...

...твоя родная планета превратится в колонию, и люди будут безжалостно стёрты с её лица...

...В небе уже не видно солнца от вражеских кораблей, а они всё прибывают...

...Бастард древнего рода, который нелюбим основной частью семьи и холим главой рода, известный повеса...

...Настя живет в небольшом российском городе и мечтает найти удаленную высокооплачиваемую работу...

...она полностью лишилась своих воспоминаний, а близкие не торопятся помочь обрести их вновь...

...Городское романтическое фэнтези о корпоративных интригах, дружбе и запретной любви между смертной девушкой и ангелом...

...Для чего нужен демократизатор с авторской резьбой?..

...Уникальное оформление: суперобложка, иллюстрированный форзац, внутри цветные и черно-белые иллюстрации, цветной обрез...

...Франция. Вторая половина XV века. Время правления короля Людовика XI. Шпион, работавший за рубежом, погибает и попадает в тело молодого мужчины...

Николай Караев

Марта Уэллс «Нестандартный протокол. Стратегия отхода»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 8/10



Перед нами второй сборник о приключениях Киллербота. Автостраж с социальной тревожностью наконец-то обрел свободу, но вот как он ей распорядится?

«Нестандартный протокол»

Третья повесть цикла по своей сути ничем не отличается от двух предыдущих. Все так же автостраж хочет лишь тихо смотреть сериальчики, но ему раз за разом приходится спасать «кожаных мешков». Правда, детали сюжета каждый раз меняются.

В первом сборнике наниматели Киллербота чуть не пали жертвами интриг корпорации «СерКриз». Главный герой узнает, что злополучная корпорация занималась терраформированием планеты Майлу, но проект якобы провалился и все работы были свёрнуты. Однако Киллербот подозревает, что на самом деле «СерКриз» занималась на Майлу поиском незаконных артефактов. Автостраж намеревается отправиться на планету, чтобы добыть компромат на своих противников.

Киллербот ищет способ попасть на планету и узнает, что права на терраформирование планеты перекупила другая компания. На чужом транспортном корабле, управляемом простым ботом, он отправляется в путешествие, но неожиданно оказывается, что на корабле также летят двое живых людей охранников, что стало для нашего героя неприятным сюрпризом. Теперь ему предстоит скрываться от ненужных свидетелей. Попав на планету, Киллербот узнает, что сюда уже прибыла исследовательская группа, чтобы оценить проделанную «СерКриз» работу. Автостраж знакомится с домашним ботом Мики, которому говорит о том, что прибыл вместе с хозяином Рином для обеспечения дополнительной безопасности группы. Только вот люди об этом знать не должны. Стоит отметить, что к тому времени Киллербот при помощи ГИКа стал практически неотличим от обычного человека. Да и автостража без брони мало кто из людей видел. Только вот другого бота обмануть о своей истинной природе не так-то просто. Вскоре после одного опасного инцидента, когда Киллерботу приходится применить свои совсем не человеческие способности, людям также становится известно о его присутствии. А ситуация на Майлу тем временем становится все более опасной.

Чего-то кардинально нового эта повесть нам не дает. Если вам понравились первые повести, то понравится и эта. Первая, довольно неспешная, половина «Нестандартного протокола» готовит нас к более динамичной второй. Главный герой привычно взламывает разные системы и оберегает людей от опасности. Из нового хотелось бы отметить разве что иное взаимоотношение людей с домашним ботом. Хозяйка Мики относится к нему не как к инструменту, а скорее, как к домашнему любимцу. Мики же считает ее своим другом. Сам Киллербот

не знает, как относиться к подобным взаимоотношениям, потому что сам никогда не сталкивался с чем-то похожим. Для своей страховой компании он был пусть и дорогим, но расходным материалом, которым можно пожертвовать.

Итог: «Дневники Киллербота» мне все больше напоминают небезынтересный фантастический сериал. Формат небольших по объему повестей удачно подходит для подобного. Наш герой раз за разом попадает в опасные ситуации, спасая людей. Никуда не делась и хорошая динамика с качественным юмором. Однако чувство новизны, которым отличалась первая часть, исчезло. Автор не даёт нам ничего кардинально нового, и это удручает. Главный герой практически не меняется, второстепенные персонажи все такие же картонные.

«Стратегия отхода»

Вернувшись с Майлу, Киллербот узнает, что доктор Мензах пропала, а на него самого объявлена настоящая охота. Автостраж подозревает, что его друга похитили «СерКриз». На Майлу главный герой собрал внушительный компромат на своих врагов. Он решает во что бы то ни стало спасти Мензах и отправляется на станцию Тран-Роллин-Хайфа, где она предположительно и находится. Там Киллербот встречает своих старых знакомых (Пин-Ли, Гуратина и Ратти) и понимает, что на правильном пути.

Оказывается, что «СерКриз» действительно похитили доктора Мензах и теперь держат в заложниках. Они требуют у ее друзей выкуп. Дело в том, что после разразившегося скандала корпорация находится в незавидном положении и отчаянно нуждается в деньгах. Компромат, добытый Киллерботом, может окончательно ее добить. Они пойдут на все, чтобы его остановить.

Что тут сказать: сильные и слабые стороны романа по-прежнему на месте. Та же динамика и экшен, тот же ненавязчивый юмор Киллербота, те же картонные герои. Огорчает, что автор не пытается превратить свою историю во что-то большее. Однако сам авторский стиль мне по большей части нравится. Марта Уэллс вернулась к интересной проблеме сущности свободы воли. Сам Киллербот утверждает, что хочет лишь смотреть сериалы, но тогда зачем он раз за разом спасает окружающих людей, рискуя жизнью? На самом деле, он и сам затрудняется ответить на этот вопрос.

Итог: Ещё одна «серия» сериала под названием «Дневники Киллербота». Формат построения повестей остаётся неизменным – сменяются лишь декорации. Все это не даёт циклу перерасти во что-то более глубокое. На данный момент «Дневники Киллербота» – интересная, но все же чисто развлекательная литература. Это не хорошо и не плохо, но уверен, что автор смогла бы в будущем развить многие интересные идеи.

Алексей Севериан

28 августа 1925 года родился писатель, сценарист и переводчик Аркадий Стругацкий.

– Сущность человека, – неторопливо жуя, говорил Будах, – в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой



стороны привычка терпеть и приспосабливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в незащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у нее были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

– Вероятно, вы правы, почтенный Будах, – сказал Румата. – Но возьмите меня. Вот я – простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошел морщинами, глаза удивленно и весело округлились), я безмерно люблю ученых людей, это дворянство духа. И мне невдомек, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? Почему вы безропотно даёте себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни – добывание знаний – от практических потребностей жизни борьбы против зла?

Братья Стругацкие «Трудно быть богом»

RocketMan



Художник из Берлина Aris Oner создал мурал в Екатеринбурге. На доме по ул. Мичурина, 205 изображена вязь букв, которые складываются в цитату из фантастического произведения (<https://www.kommersant.ru/doc/6920103>) Аркадия и Бориса Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

«Среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли

рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же».

Фото: Дмитрий Чабанов

Шамиль Идиатуллин



Читаю «Взгляд со звезд», сборник статей и эссе Лю Цысиня – в русском переводе с английского (плак-плак). И то ли там какие-то чудовищные артефакты двойного перевода, синдром «испорченного телефона», то ли у старика Лю внезапные пробелы в образовании размером с Китайское море. Историю человеческого рода походя подсократил на полтора-два миллиона лет, например. Подробнее позже, как дочитаю. Но вообще, конечно, отлично устроился: любые ошибки можно списать на косяки переводчика, если не русского, то английского. А что там на самом деле понаписал китайский научный фантаст №1 мы не знаем – и, видимо, никогда не узнаем. Хитрый.

Василий Владимировский

Проспала сегодня почти до двух дня – но вот недаром спала, недаром! 😊 Приснился один из самых



красивых снов, что вообще когда-либо видела, а это, надо сказать, знак качества! Ибо #сны_Танды – это отдельный вид искусства :)

Но ежели кто:

а) перед сном читает френдленту, где Даниэль Клугер спрашивает, является ли джинн, вылезший из бутылки, беженцем или репатриантом;

б) учит арабский и иврит у Dmitry Akselrod – то есть через неимоверно красивую поэзию (в основном) и через истории (куда меньше, но тоже очень значимая часть);

в) ну и ваще новости читает и думает «как бы, блин, офигенно было, если бы люди херней не страдали и себе-другим жизнь не портили»;

тому снится роскошная сказка. О мире, где многое сильно лучше, чем в нашем мире. Хотя и не всё.

Началось с того, что я-таки выловила в море кувшин с джином. Это как-то вообще не удивило.

Открыла, начали разговор. За освобождение – одно желание. Джинн – с ограничениями, причём как техническими (бессмертия не умеем, мир во всём мире не получится), так и собственными этическими (раздолбать армию – неа, джинн у нас из пацифистов). Ну ладно.

Понимаю, что это _арабский_ джинн. Спрашиваю, грамотен ли он. Джинн обижается – типа, сама ты неграмотная, а я ууууу. Тем лучше. Ага, говорю, а стихи знаешь? Тот гордо отвечает, что он знает вообще все стихи, что были написаны на арабском до его заточения в плен. Агааааа!

Понятно, что джинн – из глубины веков (на самом деле из меньшей глубины, чем по классике: данного парня заточили не по приказу Ар-Рашида, а в районе Великой Чумы, что сильно меняет дело. Ему даже имя Лисана Ад-Дина знакомо, ура!), компьютером пользоваться не умеет, но – да здравствуют разные шрифты и возможность их менять, а также фусха, особо не изменившаяся за дохренадцать веков. Короче, идём на aldiwani.net, и там разбираемся: ежели чего на ад-диване нет, то давай, друг дорогой, ты это запишешь, таково и будет моё желание. Причём запишешь как в бумаге, так и на диктофон – голосом сиречь.

Джинн от такого желания размяк весь: вот, говорит, никогда не слышал, чтобы вместо той херни, которую ты сначала от меня хотела, люди реально что хорошее просили. Ладно, небезнадёжное вы племя. Так что – благо джинны в принципе полизадачны, молодцы, – параллельно он записывает стихи (на приятнейшей шелковистой бумаге золотыми буквами, в каких-то невероятно изысканных книгах-тетрадах, – они быстро заполняют комнату) и начинает читать поэму...

...Но это – джинн. Что там диктофон зафиксирует – вопрос, но я проваливаюсь от голоса джинна

в сказку. Сказка – классической структуры а-ля Шахерезада, что логично. То есть в нескольких частях, со сменяющимися рассказчиками и, соответственно, историями.

Итак, история первая. Сидит девушка в своём саду. Хороший сад при доме где-то в предгорьях, инжир-гранаты-персики растут-плодоносят, через сад течёт не то ручей, не то мини-канал, плюс ещё источник, оборудованный отдельно, для питьевой воды. Девушку, правда, это как-то не радует, потому что не радует вообще ничего: краски мира померкли. Ничего вроде не случилось – а сил нету и желаний тоже, примерно никаких.

Идёт мимо странник.

– Девушка, – говорит, – дай напиться воды: издалека иду, пересохло в горле.

Девушка глядит на него – и сквозь него:

– Бери, – говорит. – Вот источник, вот кувшин. Если хочешь есть – всё, что растёт, пожалуйста. Хочешь – сейчас, хочешь – в дорогу нарви. Хочешь отдохнуть с дороги – вот дом, дверь открыта, там прохладно. Ложись, отдыхай.

И продолжает сидеть, глядя в пространство.

Зашёл странник, набрал воды, сорвал несколько фруктов.

– А с тобой что? – спрашивает.

Пожимает она плечами:

– Вот так и так. Смотрю в мир – и мира не вижу. И не слепая, и не болею вроде – а всё блёклое и не радует ничего.

Задумался странник:

– Есть у меня от того лекарство. Но вот не знаю, порадует ли оно тебя в итоге. Но краски мира вернутся – тут могу обещать. Хочешь?

– Ничего я не хочу, – отвечает девушка. – Хотеть я сейчас не могу. Но давай, может, и попробую.

Выложил странник перед ней кольцо с каким-то невзрачным камнем, розовый побег с несколькими привядшими розами и серенькую птицу размером чуть меньше скворца: не то нездоровую, не то уставшую настолько, что посмотрела – и отвернулась.

Кивнула девушка. Поблагодарила равнодушно. Потому что сил протянуть руку и взять – тоже не было.

Сорвал странник себе несколько плодов в дорогу – и дальше пошёл.

Долго сидела девушка, смотрела на оставленное. Потом настала ночь, спустилась прохлада – и под звёздным светом шевельнулось-таки в девушке любопытство. Протянула она руку к кольцу и надела на безымянный палец левой руки. Пронзила ей руку боль – от пальца до самого сердца. Вскрикнула девушка – а камень засиял чёрным светом, самым глубоким из всех возможных. И это была первая краска, вернувшаяся в мир.

Удивилась девушка. И удивилась тому, что удивиться – смогла. Взяла в руку второй дар – и розовая плеть обвилась ей вокруг плечей, и ударила шипом в грудь. Вскрикнула девушка – а розы на плети вспыхнули огненно-алым, и это была вторая краска, вернувшаяся в мир. И вернулись силы, хоть и текла кровь из раны на груди.

Взяла девушка двумя руками птицу, прикрыв её поначалу сверху. Погладила – а потом убрала руку, оставив птицу сидеть на ладони. И спорхнула птица, и стала в воздухе увеличиваться: всё больше, и больше, и ещё, – и поняла девушка, что перед ней птица Рух. Только вообще не та, о которой в сказках говорят. Была эта птица с оперением из серебра, и на каждом её пере искрящимися самоцветами горели имена бога, и стихи, и мелодии – все, что есть на свете, а может, и те, которых вовсе нет. И верну-

лись разом все краски мира – а может, и те, которых вовсе не было ранее.

Медленно полетела гигантская птица – и девушка пошла за ней, на дом и сад не оглянувшись. Долго шла она, и знакомые места – с домами и садами, где она выросла, – сменились незнакомыми холмами, поросшими лесом...

И тут закончилась первая часть сна, и началась вторая, о которой расскажу следующим постингом!

Танда Луговская



Итак, #сны_Танды, часть вторая сегодняшнего сна. Во второй части сна уже девушка из первой части попала в... ну, наверное, это XXI век, только версия сильно улучшенная.

Ближний Восток. Примерно Израиль, ну или окрестности его. Есть евреи, есть арабы, есть ещё

кто, а вот войны нет даже близко. Есть еврейский мальчик, лет примерно десяти (его имя во сне почему-то не фигурировало) и есть его мама-папа, с которыми он живёт. В доме на тех холмах, куда девушка из прошлой части сна за птицей Рух дошла. И есть арабский мальчик Аладдин, его ровесник, ничем не напоминающий Аладдина из сказки, кроме того, что тёзка. Аладдин живёт со своей семьёй: тоже папа-мама, плюс ещё несколько не то старших братьев-сестёр, не то дядьёв-тёток (или и то, и другое). А ещё есть любимый пёс (!), здоровенный и добрый, с которым Аладдин и его друг гуляют по склонам холмов, смотрят через телескоп в звёздное небо и всё такое...

...Так, да не так. Потому что вскоре становится очевидным что-то странное. Когда друзья гуляют, заходят в гости к Аладдину и т. п. – всё нормально. Кстати, родители еврейского мальчика вполне могут при этом быть в гостях у Аладдина, чай пить с его роднёй и так далее. А вот когда еврейский мальчик у себя дома, и говорит родителям: «Идёмте в гости к Аладдину», или «а отпустите меня погулять с Аладдином», – родители начинают резко уклоняться от разговора, переводить тему и так далее. Не запрещают. Ничего плохого не говорят. Но всеми силами от разговора уходят.

Парнишка довольно долго не понимает, что же, блин, происходит? Обиделся кто-то на кого? Нет вроде. Что-то не то кто сделал? Непохоже. Заболел Аладдин? Так нет, когда вот нормально гуляем-играем-говорим – а когда такое...

...И происходит это непонятное ровно до тех пор, пока, гуляя как-то, не выходят друзья на ровную, выжженную многократными запусками площадку. Это небольшой космодром. И плачет Аладдин, и говорит: «Всё. Больше не смогу я к тебе приходить,

прощай. Слушай меня, когда будешь в небо смотреть – уже один».

Выясняется, что некоторое время назад Аладдина взял с собой один из его не то старших братьев, не то дядьёв. В обычную для этого мира турпоездку – в космос (примерно как в наше время – на море съездить). Никто ничего плохого не ждал – только при запуске ракеты что-то пошло сильно не так, и произошла катастрофа, все сгорели. Но Аладдину в последнее мгновение настолько захотелось остаться живым, гулять с другом, играть с псом и так далее – что он смог пробить себе часть вот такой мерцающей жизни, пока звёзды не сместились слишком сильно для того, чтобы это продолжало оставаться возможным.

...А похожи Аладдин и его друг были между собой очень. Потому и не хотели родители еврейского мальчика, чтобы их сына видели родственники Аладдина, – зачем свежую рану растравлять? Потому что в семье мальчишку очень любили: умница, талантливый, солнышко – и такая ранняя, несправедливая смерть...

Так заканчивается вторая часть сна, а о третьей расскажу я в следующем постинге!

Танда Луговская

#Сны_Танды , часть третья и заключительная сегодняшнего сна.

В этой части сна мерцающий Аладдин вырос – в одной своей ипостаси. В ней он – красивый мужчина лет примерно тридцати. А в другой – остался десятилетним мальчиком, которым его запомнил друг.

Погиб среди звёзд Аладдин – там и остался. Только и звёзды тут – не просто звёзды. И видит девушка из первой части сна, глядя на небо, что огни в небе и те буквы из самоцветов, что сияют на серебряном оперении птицы Рух, – одно. И записаны



в небе драгоценными камнями прекрасные стихи и мелодии...

...и читает их Аладдин, и проводит рукой по струнам, и отпускает в мир. Аладдин – в том или ином своём облике.

Потому что взрослый Аладдин, прекрасный той красотой, что была в нём заложена, но до которой не смог он дожить, – читает строки о любви.

И замирают в сладком предвкушении, горячем трепете, невыносимо сильном желании, сводящем судорогой тело, – те, кто живёт на Земле.

И с каждой строкой всё ярче пламенеют розы из той плети, что окутала плечи и грудь девушки. И не прекращает течь её кровь из раны, нанесённой шипом.

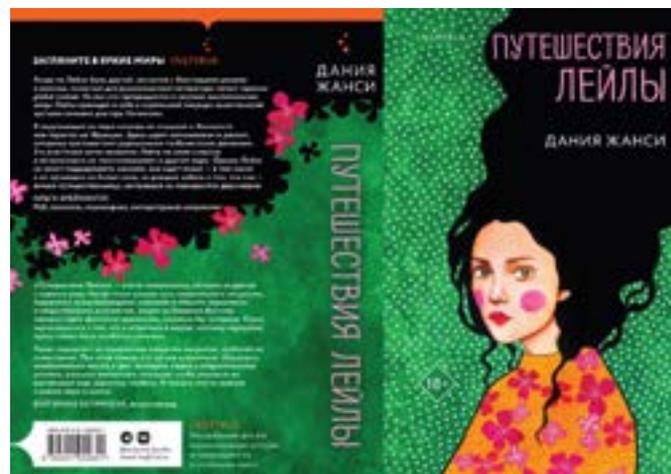
А Аладдин-мальчик, который был, несомненно, на самом деле был, кто прожил, кто воплотился, – и сгорел, как метеор, – читает строки о смерти.

И холодный ветер – от которого нельзя укрыться, но который можно встретить, стоя с прямой спиной, не опуская головы и не отводя взгляда, – проходит по Земле.

И с каждой строкой отзывается кольцо с камнем, чья чернота темнее самого тёмного ночного неба. И всякий раз проходит боль – от безымянного пальца на левой руке к самому сердцу.

Но мир остаётся сияющим. Многоцветным. Неопишимо прекрасным.

Танда Луговская



Дания Жанси, «Путешествия Лейлы». Изд. Inspiria

После теракта в Париже Лейла оказывается в странной клинике непонятно где. Она, много путешествовавшая («человек мира»), теперь прикована к одному месту; в памяти – провалы, а ночам снятся причудливые белые сны. К тому же, в клинике странно реагируют на ее слова об интернете и новейшей мировой истории, и утверждают, что она – пиарщица модного современного художника Ади. Выйдя из клиники, Лейла не совсем верит

происходящему. В мире, где она оказалось, Адольф Гитлер стал популярным современным художником, который спокойно принимает участие в фестивалях Хайфы. Здесь иной миропорядок. Так что же это – иллюзия, иной мир, или просто хитрый план диктатора?

Дебютный роман Дании Жанси начинается с того, что читатель – даже ознакомившись с аннотацией, – оказывается в той же психологической ситуации, что и героиня. Он ничего не понимает и принимается про себя задавать вопросы, которые за него и озвучивает Лейла. Первые страниц сто – место для всякого рода спекуляций, а дальше уже более-менее становится ясно, где же очутилась героиня и что в этом мире не так. Впрочем, подсказки автор оставляет до последней страницы, но так и не дает однозначного ответа: правда на глазах у героини разворачиваются события альтернативной истории в духе Филиппа Дика и Чайны Мьевиля, или Лейла повредилась рассудком? Она ведь говорила, что мир, как казалось до теракта, сошел с ума. Да и был ли теракт? Но все это – просто красивый фон.

Роман – поле для интеллектуального эксперимента, где автор жонглирует острыми темами на перепутье альтернативной истории; «что, если» здесь становится катализатором размышлений, размах которых весьма глобален – перед читателем книга не столько о том, «как я себя ощущаю в критический момент?», сколько о том, «по каким законам работает мир, общество, насколько они изменчивы?». Это прежде всего исследование (с упором на психологию скорее не индивида, а группы людей), а потому текст в меньше степени драматургичен. Большую часть романа занимают попытки героини разобраться в произошедшем и принять новый мир, выявить его законы и порассуждать

на достаточно острые темы. Текст занимают преимущественно диалоги и монологи, пусть к середине сюжета Лейла пойдет на рискованный (отчасти авантюрный) ход и столкнется с последствиями своих малообдуманных действий. Антисемитизм, проблемы меньшинств, колонизация, социальная справедливость – вот основные тропки, по которым главная героиня шагает весь роман. Впрочем, формулу «Путешествий Лейлы» автор очень емко сама вывела в тексте – это роман-дорога (не буквальная, метафорическая) о том, как человеку, для которого мир – это вся жизнь, сделать так, чтобы вся жизнь – пусть маленькая и простая, – стала целым миром. Возможно ли такое во времена глобализма?

Денис Лукьянов

29 августа:

Доперечитал (влёт, да) «Метель» Владимира Сорокина и в очередной раз подивился людям, считающим его прозу аморальной. Тысячу раз, реально, разными умными людьми было сказано: моральность искусства – не то, что пишет автор, а то, о чем он пишет. И что самые моральные тексты написаны о самых аморальных вещах (с фильмами то же самое), причем результат может быть для героя или героев сугубо отрицательный («Гибель богов» Висконти – уж на что жуткий финал), это не делает произведение искусства аморальным. Наоборот. Моральность – это система координат, отрицательный результат ее не отменяет – только подчеркивает.

О чем в принципе «Метель»? Это совершенно классический текст о том, как дьявол (Мара, Ветала, мир, который тебя ловит...) играет человеком. Христианский жанр «искушения такого-то». Доктор Гарин – он хороший человек, такой средней хорошеи (он сам прекрасно это расписывает в сцене

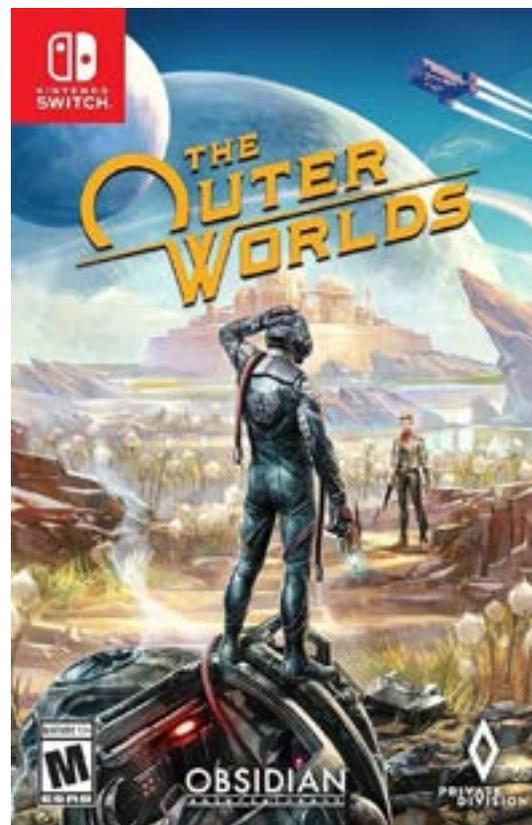
трипа, в формате исповеди, с помощью которой надеется избежать казни), но его на пути в эту деревню, где бушует эпидемия (а у него вакцина), всячески искушают – тут и женщина, и отдых, и тот самый наркотический трип, и более тонкие, мысленные волки вещи, искушение собственной правотой и праведностью, искушение праведной яростью, искушение типа «все равно мне ничего не изменить», и так далее, и так далее. При этом автор размечает моральный путь Гарина не только его мыслями, но и видениями, в том числе трипом, а потом – снами, в которых всё очень четко: вот за Гариним гонятся темные силы, вот его уже отпевают... И финал закономерен: в то время как спутник Гарина буквально отдает душу за други своя (и награждается, очевидно, чем-то вроде рая – сон про бабочку), Гарин, окончательно сбившись с пути и никуда не доехав, оказывается в моральной западне – и в жизни его, судя по всему, *наступает нечто новое, нелегкое, а вероятнее всего – очень тяжкое, суровое, о чем он раньше и помыслить не мог.*

Что может быть моральнее этого текста? Ах, нет, там подробный секс и еще наркотики. Какой кошмар.

Николай Караев

Я тут время от времени поднываю, что старая добрая НФ на Заокраинном Западе позабыта-позаброшена, утратила былое влияние, культурная преемственность прервалась, у англо-американского фэндома последние четверть века «другие любимые авторы» © «Покровские ворота». Но это, конечно, не совсем так: есть, есть знатоки и ценители олдскула, время от времени подают зашифрованные сигналы своим.

Вот например: в 2019 году вышла видеоигра «The Outer Worlds», «Внешние миры», экшн-РПГ. Такая альтернативная история: в начале двадца-



того века в Штатах не был принят антитрастовый закон (предшественник антимонопольного законодательства), корпорации продолжили расти, ну а дальше все пошло примерно как в космолетной фантастике «золотого века». В разработке «Внешних миров», кстати, принимали участие чуваки, которые делали первые «Фаллуаты», так что некоторые игровые механики вполне узнаваемы.

Но я о другом. Каждый квест, каждая глава в этой игре названа в честь какого-нибудь классического НФ-текста. «Основание» (Азимов), «Город и звёзды» (Кларк), «Стальная крыса» (Гарри Гаррисон), «Счастье – это тёплый звездолет» (Джеймс Типтри-мл.),

«Крестовый поход в ад» (переделка «Крестового похода в небеса» Пола Андерсона), «Шьет скафандры – не готова путешествовать» (переделка «Имею скафандр...» Хайнлайна), «Женщина без лица» (переделка «Человека без лица» Бестера) и так далее, и тому подобное. Ну и, конечно, без сюжетных отсылок не обошлось, хотя там в основном оригинальный сценарий. Критика, говорят, приняла игру тепло – правда, мои знакомые геймеры о ней отзывались без особого восторга, но я тут скорее с критиками, прошел два раза, жду анонсированное продолжение. В общем, и такое бывает: игроделы внезапно эрудированнее и с большим уважением относятся к истории «жанра», чем фэны. Так что старую-добрую рано списывать со счетов. Водичка дырочку найдет.

Василий Владимировский

Стивен Эриксон «Врата Мертвого Дома»

Жанр: Тёмное фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

«Врата Мертвого Дома» – второй роман масштабного цикла темного фэнтези «Малазанская книга павших». Стоит отметить, что события книги не являются прямым продолжением «Садов луны» – действие переносится на другой континент, а большинство действующих лиц меняется. В общем и целом, вторая часть получилась ещё более мрачной и темной, чем первая. Помимо этого, нарастает также и градус интриг, хотя лихо закрученный сюжет является общей чертой современного фэнтези, составляя резкий контраст с более прямолинейными представителями жанра из прошлого века. На мой взгляд, мастерство автора также в немалой степени возросло. Сюжет стал более связным, мир раскрывается лучше, книга менее требовательна к вниманию читателя.



Действие второго романа переносится на пустынный континент Семиградье. Когда-то Малазанская империя завоевала Семиградье и ныне управляет им жёсткой рукой. Однако местное население не смирилось с текущим положением вещей и готовит масштабное восстание. Центральное место в нём занимает пророчица (а по некоторым данным вообще богиня) Ша'ик. Согласно предсказанию, она должна поднять магический Вихрь Дриджны, который послужит знаком к началу восстания. О возможности восстания все знали давно, но императрица Ласин не отнеслась к этому достаточно серьезно, и военные силы малазанцев в Семиградье заставляют желать лучшего.

Романы Эриксона характеризуются огромным количеством сюжетных линий, и каждую из них можно было бы развить до собственной книги – настолько в них много событий. Одна из сюжетных арок посвящена приключениям Фелисин Паран. Императрица Ласин разворачивает масштабную чистку, под которую попадают большинство влиятельных аристократов. Коснулась она и рода Паранов, к которому принадлежал Ганос – один из

главных героев первого романа. Старшая сестра Фелисин, Тавора, отрекается от собственной семьи и становится новой адъютанткой императрицы. Сама же Фелисин отправляется на рудники. Эриксону довольно хорошо удаётся передать образ изнеженной аристократки, оказавшейся в тяжёлой жизненной ситуации. Честно сказать, меня временами она раздражала своим инфантильным поведением. Однако ближе к концу романа девушка смогла раскрыться с неожиданной стороны. Спутниками Фелисин становятся безрукий бывший жрец бога-вепря Фэнера, а ныне ссыльный историк Геборик Лёгкая Рука и головорез Бодэн. Вместе им предстоит пройти через ад рудника и побороться за жизнь в кровавом вихре восстания.

Вторая сюжетная линия посвящена Первому Кулаку (главнокомандующему малазанской армии) Колтейну. Ранее он сам довольно долго сопротивлялся захватническим поползновениям империи, но в итоге сдался ныне покойному императору. В Семиградье Колтейн прибывает с собственной армией всадников-кочевников. По воле злого рока сразу же после назначения в Седьмую армию Кулак оказывается втянут в восстание. Осложняется все тем, что основные силы малазанцев находятся на другом конце континента, и теперь Колтейну вместе со своей армией и беженцами предстоит долгая дорога через бескрайнюю пустыню. Эту сюжетную линию мы видим глазами имперского историка Дукера. В прошлом Дукер сам был солдатом, поэтому неплохо разбирается в военном деле. Можно предположить, что образ Дукера списан с самого Стивена Эриксона, который также по образованию историк. Имперский историк – это уже изрядно побитый жизнью старик, который волей судьбы оказывается втянут в кровавое горнило войны. Должностные обязанности обязывают Дукера всегда находиться

в самом пекле, чтобы запечатлеть для потомков все происходящее. Ещё больше поход Колтейна осложняется огромной толпой беженцев, которых нужно кормить и защищать. Гражданские отнюдь не облегчают задачу солдат, постоянно вставляя палки в колеса. Особенно в этом отличились аристократы, которые даже здесь требуют для себя особых прав. За всё это поход Колтейна заслужил название «собачья цепь», ведь гражданские заметно «связывают» действия армии. Эта сюжетная линия буквально переполнена сценами битв. Стивен Эриксон неизменно интересно описывает батальные сцены, все они не похожи друг на друга, полны важных деталей и описаний тактических решений. Без стратегического гения Колтейна подобный поход был бы попросту невозможен, ведь против него ополчился ни много ни мало целый континент. Местами приключения армии Колтейна напомнило мне «крестовый поход» из цикла Скотта Бэккера «Князь Пустоты» – те же сражения в бесплодной пустыне, солдаты против огромной враждебной страны.

Роман, подобный «Вратам Мертвого Дома», не слишком располагает к юмору, однако, хоть и в небольшой степени, он здесь присутствует. В армии Колтейна за него отвечают саперы. Эти безбашенные ребята не появляются ни на одном военном совете, но при этом вносят свой значительный вклад в каждую битву. Например, даже сам Колтейн не знает кто же их командир.

Третья сюжетная линия посвящена паре выходцев из Сжигателей Мостов. Сапер Скрипач и убийца Калам вместе с девушкой Апсалар (ранее известная как Жуть) и молодым вором Крокусом отправляются в Семиградье, чтобы вернуть девушку домой. Однако это лишь прикрытие. Настоящая же цель – найти и убить императрицу Ласин. Должен сделать это Калам, который был раньше одним из самых

искусных когтей – личных ассасинов Императрицы. Если же это не получится у Калама, помочь может Апсалар, ранее бывшая вместилищем не кого-нибудь, а самого Котильона, бога из Дома Тени, Покровителя Убийц. Вдруг в экстренной ситуации к ней вернётся божественная сила. Однако, как часто и бывает, все идёт не по плану.

Четвертая сюжетная линия посвящена довольно необычной парочке. Странствующий яггут-полукровка (яггуты – одна из первых рас этого мира) Икарий и трелль (ещё одна древняя раса, напоминающая мне уменьшенных дренорских орков из Варкрафта) Маппо ищут правду о прошлом яггута. Дело в том, что у Икария случаются провалы в памяти, и он совершенно запутался в собственном прошлом. Оно насыщено великими и страшными деяниями, однако нужно ли к нему возвращаться? Маппо знает правду и всеми силами пытается помешать Икарию докопаться до правды. Между этими двумя существует особая химия: Маппо всецело предан Икарию, но должен защитить друга от его самого, ведь правда может попросту сломать по-своему доброго и романтического яггута.

Помимо восстания в это же время в Семиградьи происходит ещё одно интересное событие – Тропа ладоней. Это не что иное, как магический путь, пройдя по которому одиночники и д'иверсы могут вознестись – по сути стать богами. Это два вида оборотней: одиночники могут обращаться в какое-либо могущественное существо, д'иверсы же превращаются в несколько более маленьких существ, например, в полчище крыс или стаю шакалов. С подобными существами мы встречались и в первом романе (Аномандер Рейк – одиночник, превращающийся в огромного черного дракона), но их суть раскрывается именно во второй части. Пути Икария с Маппо и компании Скрипача нередко будут

пересекаться с Тропой ладоней с вытекающими из этого последствиями.

Итог: «Врата Мертвого Дома» – эпическое полотно, в которое яркими красками вписана история восстания, охватившего целый континент. Как и должно быть в темном фэнтези, читателя ждут здесь реки крови, жестокость и множество неприглядных сторон человеческой природы. Прекрасно прописанный мир, живые герои, масштабные боевые сцены – всё это ждёт нас на страницах романа. Некоторые недостатки, присутствующие в «Садах луны», автор сумел устранить, раскрыв свое мастерство по полной. Цикл не зря называется «Малазанская книга павших» – Стивен Эриксон совсем не щадит собственных персонажей. В общем и целом, всем любителям мрачного фэнтези читать обязательно.

30 августа:

Еще раз про сборник статей Лю Цысиня – и на некоторое время заткнусь (пока не дочитаю и не напишу). Для себя постановил: тому, что он там пишет про современную науку – по определению не верить (слишком часто несет пургу, которую, увы, никаким «испорченным телефоном» не объяснить), а тому, что рассказывает про китайскую фантастику – наоборот, верить. Там интересное: Лю, например, развенчивает популярный в кругу наших фантастов миф о том, что в Китае при господдержке насаждают научную фантастику. В общем, это вранье: «В настоящий момент большинство китайских фантастов с пессимизмом смотрят на науку и сомневаются в том, что она развивается в нужном направлении». Это 2007 год, а про господдержку я определенно слышал раньше. Интересно, кто придумал эту байку и первым запустил в народ,

Зачем – не спрашиваю: очень хочется денег и славы. Мне тоже, но это не повод.

Василий Владимирский

Зарекаюсь начинать #споры_с_Васё – но он же поводы (<https://t.me/SpeculativeFiction/5229>) дает. Вот опять, дорогая редакция:

Лю [Цысинь], например, развенчивает популярный в кругу наших фантастов миф о том, что в Китае при господдержке насаждают научную фантастику. В общем, это вранье: «В настоящий момент большинство китайских фантастов с пессимизмом смотрят на науку и сомневаются в том, что она развивается в нужном направлении». Это 2007 год, а про господдержку я определенно слышал раньше.

Очень интересно, от кого и что Вася слышал про китайскую фантастику до 2007 года, когда она существовала в своем иероглифическом коконе и особо из него не показывалась. Естественно, в 2007 году Лю писал ровно вот это. Первый роман его трилогии вышел только что, в 2006-м, он был популярным, но в основном среди этих странных людей, именуемых «фэнами». Вторая книга вышла в 2008-м. После этого популярность Лю, а с ней и популярность научной фантастики стала в КНР расти как на дрожжах, но все еще недотягивала до истинно народной любви. «Вечную жизнь смерти» Лю издал в 2010-м, решив на пару с издателем оттянуться в ней по полной и даже не пытаться привлечь читателя нефантастики; получилось, как это часто бывает, наоборот – читатель именно на такой отвал башки попер косяками. Вот тогда-то и пробил звездный час китайской фантастики.

И только после перевода Лю на английский, когда «Задача трех тел» получила в августе 2015 года «Хьюго» и победно пошла по странам Запада, уже

и власти КНР задумались над тем, что фантастика – это интересно: «мягкая сила», международная арена, научно-техническая отдача, – и вот с этого момента НФ в Китае начало везти по-крупному.

В 2016 году с подачи самого Ли Юаньчао, заместителя председателя КНР Си Цзиньпина, Китайская ассоциация по науке и технике (4,3 млн членов (в русской Википедии написано «430 млн», но это кто-то не понял иероглиф 万), сотни отделений) объявила, что создает систему премий и финансирования научной фантастики. Ли Юаньчао, выступая на конгрессе ассоциации, сказал буквально: «Сочинители научной фантастики и популяризаторы науки должны взять на себя важнейшую миссию современности: поднимать уровень научной просвещенности граждан и участвовать в строительстве научно и технологически мощной страны».

Тут еще немного совпало кое-что: в 2012 году Мо Янь получил нобелевку по литературе – но это был не совсем тот успех на международной арене, которого хотелось КПК. Научная фантастика показала власти в этом смысле куда надежнее и перспективнее (и, полагаю, безопаснее). Полагаю, мыслилось это примерно так: Мо Янь – да, популярен, но мало ли чего он там напишет; Чжан Имоу – да, очень популярен, но нельзя же вечно купаться в сиянии китайского прошлого, уся и всё такое; Мосян Тунсю – да, популярна, но это неидеологическое направление, розовые сопли в романтическом сиропе. А вот научная фантастика – она ведь научная, и она о будущем, и о том, как к такому будущему нам, Китаю, прийти.

В том же 2016 году секретарь Китайской ассоциации по науке и технике Ван Чуньфа заявил, что именно «НФ могла бы в конечном счете содействовать и престижу китайской культуры по всему миру, и конкурентоспособности китайской

национальной промышленности, и интеграции технологий в экономику». Убивалось сразу много зайцев. Ставка была сделана.

Финансирование выражалось очень много в чем; не знаю насчет издания книжек, думаю, хотя бы частично государство в книгоиздании участвует тоже (я привез из Чэнду семитомник с сотней лучших НФ-рассказов для детей и юношества, скажем, он издан какой-то ассоциацией, явно финансируемой далеко не частным образом), а еще выходят блокбастеры и сериалы, и журнал «Мир фантастики» процветает, и в Китае всё это вряд ли возможно совсем без госструктур. Куда Китайская ассоциация по науке и технике точно вкладывается (наряду с муниципалитетами, естественно, одно без другого не ходит) – так это в промоушен китайской НФ за рубежом и проведение фестивалей фантастики, то бишь конвентов. Первый китайский международный конвент был проведен в мае 2018 года в Пекине, там были, среди прочего, Питер Уоттс, Терри Биссон, Тимо Вуоренсола, там были и Лео Каганов, Катя Бачило, Володя Аренев, ваш непокорный. Конвент проводился с размахом в Китайском музее науки и техники, эта самая господдержка там была, мягко говоря, видна. В 2019 году конвент прошел еще раз, уже в другом музее.

Потом настал ковид, было не до конвентов, но в 2023 году в Чэнду прошел Ворлджон, под который власти выстроили целый Музей научной фантастики (по футуристическому проекту архитектурного бюро Захи Хадид, если вы понимаете, о чем я). И, опять же, господдержка видна невооруженным глазом – от отелей и организации до крупных чиновников, выступающих с речами на открытии самых главных церемоний. Это я всё тоже видел своими глазами.

Но тут в далекой России Вася прочел статью Лю Цысиня 2007 года и говорит, что это всё вранье.

Что до оптимизма/пессимизма, это песня отдельная. Любой, кто прочел трилогию Лю Цысиня, понимает, что она крайне пессимистична во всех аспектах. Тем не менее, именно она стала фундаментом роста китайской НФ – такой вот парадокс.

Николай Караев



Гай Гэврилз Кей дописал новый роман! Называться будет **Written on the Dark**, сюжет навеян историей Средневековой Франции, а выйдет 25 мая следующего года.

Что за читательский месяц получится – выйдут книги сразу двух любимых авторов фэнтези.

Начнется с новинки Аберкромби, а затем подоспеет и роман Кея.

Обложки романа пока нет, поэтому сопровожу пост моим фото с Кеем, сделанным, если не ошибаюсь, в 2006 году во время его визита в Санкт-Петербург. Таким молодым вы меня здесь, кажется, еще не видели :-)

Дмитрий Злотницкий



Гурав Моханти, «Сыны Тьмы». Изд. Fanzon

Пересказывать сюжет дебютного романа Гурава Моханти объемом более семисот страниц нет смысла, он очень емко и без спойлеров вынесен в аннотацию. Поэтому стоит просто обозначить сюжетные векторы: это история о медленном политическом противостоянии двух больших государств, империи и республики, которое вскоре превращается в полноценный конфликт – такой, что можно включать лучшие саундтреки из «Властелина колец». В этой истории есть божественная война, случившаяся тысячелетия назад; есть пророчества, постепенно сбывающиеся; есть люди, похожие на медведей и, поговаривают, даже змееподобные наги; есть

магия, основанная на атмане, энергии души; есть хитрые сенаторы, храбрые войны и острые на язык жены. А большинство интриг приходит в движения благодаря усилием многоумного Кришны, сенатора могущественной республики: он, обаятельный и опасный герой-трикстер, знает толк не только в женских желаниях, но и в мужских слабостях.

«Сыны тьмы» – огромный клубок персонажей, событий, интриг и терминов, который читателю предстоит распутать. Базирующиеся на индийской мифологии (в особенности на эпическом тексте «Махабхараты»), этот роман, с одной стороны, лучше начинать, уж зная какую-то культурологическую базу – так он становится глубже и сочнее, а в ворохе зачастую непонятных имен проще будет угадать отсылки, разглядеть авторское баловство. С другой, книга читается и при нулевом знании мифологии региона, но в таком случае кажется чуть более запутанной, приобретает черты мрачной восточной легенды. «Сынов Тьмы» почти всегда сравнивают с «Песнью льда и пламени», однако куда лучше поставить книгу рядом с «Илиадой» Гомера (не просто так сам автор выносит строки поэмы в один из эпиграфов): перед читателям такая же неспешная и выдержанная в духе эпоса – пусть и простая стилистически, – история о постепенном начале военных действий, рассказ о причинах, последствиях, ключевых фигурах масштабной игры и их внутреннем мире. Все это, однако, сдобрено привычными тропами фэнтези: мертвыми богами-дэвами, тайнами далекого прошлого и «становлением» тех из героев, кто изначально не принадлежит к высшим кастам. К слову о последних – несколько перерабатывая систему каст, Гурав Моханти встает на рельсы повествования о социальном неравенстве. «Сыны тьмы» – в том числе история о власти и несправедливости. Но все эти темы – тут даже промелькнет

индийская философия, – остаются на периферии текста. Прежде всего перед читателем, безусловно, красивый и драматургически – опять же, в рамках эпоса, – точно выдержанный роман, от которого не стоит ждать великолепного языка и глубокого метафорического осмысления действительности. Зато метких диалогов в тексте хоть отбавляй.

Всем, кто влюблен в индийскую мифологию и взахлеб читает тексты с большим количеством сюжетных линий – к прочтению обязательно. Остальным стоит как следует обдумать выбор и попробовать начать. В это романе правила ста страниц работает, как никогда; если не затянуло – просто не ваше.

Денис Лукьянов

Зальцбургский фестиваль, программу которого великолепно составила Марина Давыдова, уже заканчивается, а я все забываю написать об одной из главных его премьер – «Волшебной горе» Кристиана Люпы. Роману-исполину в 2024 году исполнилось 100 лет, и я решил перед спектаклем его перечитать, – получился марафон на 15 часов, поскольку книга нескончаемая, как моя жизнь.

Пятичасовая постановка Люпы продолжает его спектакль по другому великому немецкому роману, «Аустерлицу» Зебальда, и оттуда в санаторий Бергхоф (который называется так же, как разрушенная дача Гитлера) пришли концлагерные знаки – шезлонги отдыхающих похожи на полосатую форму заключенных, а в финале Иоахим возвращается из царства мертвых в одежде узника. Более того – одеяла, которыми укрываются чахоточные, выглядят как еврейский талес!

В свое время Богомоллов поставил «Волшебную гору», состоящую из одного кашля, и у Люпы, разумеется, тоже все кашляют, причем кашель на сцене

порождает ответный истерический кашель в зале, и даже на гигантские снимки пораженных туберкулезом легких чувствительная публика откликается приступами кашля.

Тут я подумал, что можно было бы поставить спектакль так, чтобы зрители перенимали недуги, которыми страдают герои пьесы, и выбегали из зала хромые, глухие или обезумевшие. Это была бы высшая форма театрального мастерства.

Дмитрий Волчек

31 августа:

Спасибо RuslanTalas, притащившему в комменты непристойную обложку французского издания Фармера «с тентаклями» – я покопался и выяснил интересную штуку. Есть французское издательство Champ libre («Свободная площадка»). Оно не просто левое, оно левое-левое, но вместе с тем и весьма либеральное; его реально создали в 1969 году коммунисты и анархисты, и первое, что они опубликовали в 1970-м, – доклад Никиты Сергеевича Хрущева о Сталине на XX съезде с завещанием Ленина и еще сборник текстов Маркса и Энгельса по Ирландии. Список изданий у них интереснейший, от собрания сочинений Михаила Бакунина до «Дзиги Вертова» Жоржа Садуля, от Булгакова до Ги Дебора, от Фракции Красной армии и Бориса Савинкова до чуть не всех романов Оруэлла и исторического трактата викторианского генерала Уильяма Нэйпира, ну и – мимоходом – «Улитка на склоне» Стругацких, где было только «Управление», обложку я показывал (<https://t.me/starlighthousekeeping/3739>).

Но была у них и своя отдельная серия фантастики. Называлась Chute libre («Свободное падение»), просуществовала всего ничего, с 1974 по 1978 год, и вышла в ней 21 книга. Причем вкусы

составителей прослеживались четко: фантастика в основном скандальная, нетрадиционная, желательно эротическая или с какой-нибудь еще шизой. Это видно и по списку авторов (французы традиционно меняли названия при переводе, я этот момент пропишу отдельно, ибо):

– шесть (!) книжек **Филипа Хосе Фармера**, которым серия и открылась, и закрылась: *La Jungle nue* («Голые джунгли») – «Пир потаенный», *Comme une bête* («Как зверь») – «Образ зверя», *Gare à la bête* («Осторожно, зверь Бойся зверя») – «Апофеоз», *Une bourrée pastorale* («Пасторальная пьянь»? теряюсь!) – «Плоть», *Chacun son tour* («Каждому свой черед») – «Другая записная книжка Филеаса Фогга», *Tarzan vous salue bien* («Тарзан приветствует вас») – «Тарзан жив!»;

– три книжки **Филипа Дика**: *Le Bal des schizos* («Бал шизофреников») – нет, не «Кланы Альфанской луны», а совсем даже «Мы вас построим», *Robot blues* («Робот-блюз») – «Снятся ли андроидам электроовцы?», *Manque de pot!* («Невезуха!») – «Реставратор галактики»;

– две книжки **Нормана Спинрада**: *Le Chaos final* («Финальный хаос») – «Специалист по джунглям» (или «Люди в джунглях»), *Les Pionniers du chaos* («Пионеры хаоса») – «Агент хаоса».

То есть больше половины серии были трех авторов. Остальных – по роману на брата (сестер там не наблюдалось):

– **Роджер Желязны**: *Les Culbuteurs de l'enfer* («Опрокидыватели ада») – «Долина проклятий»;

– **Сэмюэль Дилэни**: *Vice versa* («Наоборот») – «Приливы похоти» (*The Tides of Lust*);

– **Майкл Муркок**: *La Défonce Glogauer* («Глогауэр-трип») – «Завтрак в руинах»;

– **Теодор Старджон**: *Vénus plus X* – «Венера плюс икс», первый случай точного перевода названия, ух ты;



– **Иэн Уотсон**: *Orgasmachine* («Оргазмашина») – это было первое издание романа, сразу на французском, на английском он вышел только в 2010-м под тем же названием, хотя изначально назывался вроде «Фабрика женщин»;

– **Ричард Гейс**: *Défense de coucher* («Трахаться Спать воспрещается») – «Сырое мясо» (Гейс – это был такой сравнительно малоизвестный фэн и писатель-фантаст, который, как он сам говорил, издал 114 книг, из них 110 – софтвер-эротика);

– **Дж. Г. Баллард**: *La Foire aux atrocités* («Ярмарка жестокости») – «Выставка жестокости» (почти);

– **Барри Молзберг**: *Service d'ordre* («Служба порядка») – «Люди внутри» (*The Men Inside*);

– **Дэвид Мелтцер** «кто такая, почему не знаю?»: *Tendre réseau* («Нежная сеть») – *The Agency* («Агентство»?);

– **Джордж Макбет**: *A double tranchant* («Обоюдоострый») – «Самурай» (*The Samurai*) – как и Мелтцер, Макбет прославился скорее как поэт, если я верно

понял, но тоже впервые слышу, о, невежество мое, о, неначитанность.

Обложки были, да, под статью. Я их сейчас покажу, только детей уберите от экранов. Обычно художников не указывали, но минимум две обложки нарисовал сам Мёбиус (а к Муркоку и к «Пасторальной пьяни» Фармера, чудится мне, Ромен Слокомб – его стиль же (<https://t.me/starlighthousekeeping/2433>)). И, да, Мёбиус – это как раз Фармер и евовные тентакли. В общем, вот что французские любители фантастики читали в 70-е кроме всяких там космоопер утопических.

Николай Каравев

Прочел три четверти романа «Вредность» «Странность» Нэйтана Баллингруда. Хорошие новости: книга явно больше, чем я опасался. Хуже того, если говорить о текстах, из которых родился роман, за вроде бы очевидной «Железной хваткой» Чарльза Портиса обнаружилось минимум два прототекста – один сказочный, другой фантастический, оба знают все, – и, возможно, это еще не финал. Плохие новости... А вот нету. Очень нескучная, хорошо написанная и переведенная книга, в которой последняя четверть вполне может преподнести просто вот кучу сюрпризов.

Николай Каравев

Стивен Эриксон «Память льда»

Жанр: Тёмное фэнтези/эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

«Память льда» – третий том шедеврального цикла темного фэнтези «Малазанская книга павших». События романа происходят непосредственно после «Садов Луны». Часть персонажей из первого тома отправилась в Семиградье, где вспыхнуло восстание. Эти события описаны во «Вратах Мертвого



Дома». Скажу честно, цикл Стивена Эриксона написан безумно интересно, но настолько же и сложно было его читать. Почему? Разберём далее.

Малазанская империя расширяет свои территории, завоёвывая все новые страны. В «Садах Луны» борьба происходила за богатый город Даруджистан на континенте Генабакис. Неожиданно для всех императрица Ласин объявляет своего лучшего полководца, Дуджека Однорукого, и всю его армию вне закона. Теперь возвращение на родину для них невозможно. Однако десять тысяч солдат не могут просто так сидеть без дела, да и повод повоевать как раз нашелся. На юге Генабакиса образовалось новое государство – Паннионский Домин, где правит деспотичный Провидец. Его войска захватывают один город за другим, жителям которых предлагают либо принять новую религию и влиться в многотысячную армию тенескариев, либо стать пищей для солдат. Вот о тенескариях, пожалуй, подробнее... Официально, это крестьянская армия, только вот Провидец и его полководцы-септархи не заботятся об обеспечении этих людей. От голода и безысходности они очень скоро перестают

быть людьми и начинают пожирать как врагов, так и собственных товарищей. В завоёванных городах вскоре не остаётся ни одного живого человека, а местность превращается в безжизненную пустошь. Даже закалённые в боях воины робеют при виде нескольких сотен тысяч исхудавший до состояния скелетов людей, без оружия и доспехов, рвущихся к ним с единственной целью – разорвать на части и съесть. Десятитысячной армии малазанцев не хватит, чтобы справиться с этой угрозой, и Дуджек решает объединить силы со своим давним противником – Каладаном Брудом по прозвищу Воевода. Объединенная армия получилась максимально колоритной: тут и малазанцы, включая Сжигателей мостов, и тисте анди во главе с Владыкой Семени Луны Аномандером Рейком, и сам Каладан Бруд с могущественным молотом Огни, и его советник – древний король Каллор, и воинственные баргасты, и кочевники-рхиви, и загадочные черные моранты на летающих гигантских стрекозах, и многие другие. Против Домина объединяются искусные маги и даже Взошедшие. Казалось бы, кто может противостоять подобной армии? Но у Провидца есть чем ответить на угрозу. А на фоне всего этого плетет свои интриги Увечный Бог, жаждущий свободы и отмщения. События приобретают по-настоящему эпический масштаб.

При своем немалом объеме *«Сады Луны»* и *«Врата Мертвого Дома»* – не более чем пролог к огромной истории Малазана. Только в *«Памяти льда»* понемногу начинают раскрываться основные сюжетные линии цикла. Размах повествования поистине впечатляет. На карту поставлены не только судьбы целых народов, но и суть самого мироздания. В отличие от первого романа, все происходящее становится более понятным – например, раскрываются основы местной магии. Великое

множество магических Путей обретает, наконец, ясную картину. Суть Колоды Дракона также получает объяснение, и у нее даже появляется свой Управитель. Читать об устройстве магии не менее интересно, чем о приключениях героев.

Цикл отличается огромным количеством персонажей – вероятно, самым большим из всех существующих ныне фэнтези. При всем при этом, все эти действующие лица получились запоминающимися, даже если им отведено лишь пару страниц сюжетного времени. Персонажи не просто выполняют определенные функции, но предстают перед нами живыми людьми, которым легко сопереживать. Стоит отметить, что из-за обилия персонажей и ПОВов в них несложно запутаться, но в этом помогает список действующих лиц и глоссарий.

Что немаловажно, роман вызывает эмоции. В нем множество небольших побед и трагедий. Между персонажами складываются непростые взаимоотношения. Могущественный Аномандер Рейк пьет вино и ведёт задушевные беседы с малазанским офицером Скворцом. После тысячелетий одиночества тисте анди Корлат находит любовь своей жизни в обычном смертном. Т'лан имасс Тлен заводит дружбу с человеком Током Младшим. Воззвавшая Серебряная Лиса пытается наладить отношения со своей матерью, из которой буквально выпивает жизнь и молодость. Все эти истории в небольшой степени трогают.

Одной из первых жертв Паннионского Домина должен стать город Капастан. К нему движется объединенная армия Дуджека и Каладана Бруда, но им никак не успеть к началу осады. Защищать город предстоит наемному отряду *«Серые мечи»*. Это не простые наемники, а Тайный Орден бога Фэнера. Члены отряда становятся друг для друга настоящей семьей. Их отличает отвага, дисциплина

и безоговорочная преданность своему богу. Только вот поможет ли это против несметных полчищ Паннионского Провидца?

Продолжение своей истории получает малазанский капитан Ганос Паран, назначенный командиром Сжигатей мостов. Ему отведена огромная роль в грядущих событиях. Интересна история обычного капитана охраны каравана Ворчуна, который после смерти друга впадает в глубокое уныние. Однако у Богов на него свои планы. Думаю, ещё многие персонажи заслуживают своего упоминания здесь, но, если писать про каждого, мой обзор займет много-много страниц – настолько все они интересны и продуманны.

Так почему же выше я сказал, что роман читать сложно. Во-первых, это сложная система магии и ещё более сложный и многогранный Пантеон. Боги тут могут погибать, а их место занимают новые. Ничем особо не примечательный торговец может оказаться воплощением Древнего Бога. Во-вторых, огромное количество персонажей, за перемещением и взаимодействием которых следить совсем непросто. В-третьих, роман держит в постоянном эмоциональном напряжении. Цикл не зря получил название «Малазанская книга павших»: полюбившиеся персонажи здесь постоянно гибнут. Ну и в-четвёртых, автор зачастую даже не пытается нам что-то объяснить. Событие произошло, а как и почему нам предстоит догадаться самим.

Единственным минусом я бы назвал некоторую нелогичность финальной битвы. В объединенной армии столько могущественных существ, что они смогли бы решить все проблемы сами. Вместо этого простые солдаты гибнут тысячами, пока Возшедшие наблюдают за этим и плетут собственные интриги. Для чего это сделал Эриксон? Все просто – для нагнетания нужного накала страстей и траге-

дии. Однако, на мой взгляд, даже это не портит впечатление.

В чем действительно силен Стивен Эриксон, так это в создании ярких образов. И я сейчас не только про персонажей. Орда тенекариев, штурмующая стены Капастана, драконы-одиночники, схлестнувшиеся в бою с демоническими стервятниками, магические волны, сталкивающиеся в небесах – все это необычайно ярко рисуется в воображении.

Итог: «Память льда» – это история об интригах богов, войне и судьбах обычных людей. Прекрасный образец темного фэнтези о величии духа и героизме. Очень красивое произведение, достойное быть прочитанным всеми любителями жанра фэнтези.

Алексей Севериан

Обычно, когда я отбираю рецензию для подписчиков на Boosty, стараюсь выложить что-нибудь позитивное. О книге, которая мне в свое время понравилась, чем-то зацепила – в хорошем смысле слова. Ну, просто потому, что книги, которые я когда-то ругал, сейчас в основном никто не помнит, зачем мучать читателя. Но вот вчера повесил свой отзыв из 1998 года на сборник Степана Вартанова «Смерть займы», который мне тогда активно не понравился (и сейчас нравится не больше). Почему – потому что это важная деталь истории отечественной фантастики: литРПГ до литРПГ. Ну то есть Вартанов использует в своих повестях буквально все тропы, которые через ...цать лет лягут в основу этого азиатского субжанра, от имб-попаданцев, застрявших в игровой вселенной до гуманизации игровых и неигровых персонажей. Корейцы и японцы еще только раскачивались, русские вообще о таком знать не знали, а Степан в своей Канаде уже фигачил пачками повести на этом материале. А Василий – писал, почему такая литература его дико бесит.)))

Очень похоже, кстати, на случай с «Драконами» Павла Шумилова: «жанра» еще нет, а книги, написанные в типичной для «жанра» манере – вот они. Что любопытно, как и Шумилов, Степан Вартанов по профессии программист. То есть склонен к системному мышлению. Видимо, оба проделали ту же операцию, что и наши большие азиатские друзья: взяли исходную ситуацию, и выжали из нее все, что можно – руководствуясь исключительно логикой. Правда, для успеха в случае Вартанова этого оказалось маловато, а Шумил сам загнал себя в ловушку.

Василий Владимирский

Опс. У Владимира Сергеича Березина тем временем книжка новая вышла, причем в «Азбуке», а никто ни сном, ни духом. Отлично работают новые московские пиарщики, нанятые по объявлению. Называется книга «СНТ», «о мистике дачной жизни», привет, Дарья Бобылёва! Но в общем не важно, о чем, важно, что это Владимир Березин. Уже продается.

Василий Владимирский

«Ворон» / The Crow (2024)

I thought the remake was a cynical cash-grab. Not much cash to grab it seems. (c) Alex Proyas, FB

Я думал, цель ремейка – цинично заграбастать бабла. А бабла-то нету, оказывается. (c) Алекс Прояс, ФБ

А эфир волною пляшет,
И крылом стервятник машет,
И теням уже не страшен,
Вниз смотрящий небосвод.

Тень от радости минувшей,
И печали заглянувшей,
В странном облаке сомкнувшись
В душу грешную вползет.

Г. Ф. Лавкрафт «Отчаяние»,
пер. А. Ступнева; **в фильме этот
фрагмент стихотворения выта-
тирован у Эрика на спине.**

**ВНИМАНИЕ: Спойлеры не прячу (лень), если
собираетесь смотреть – не читайте.**



Это не рецензия, а некоторые тезисы на основе впечатлений, которые еще свежи.

1. На мой взгляд, одна из самых главных ошибок постановщика – попытка сделать историю реальной, и, если я не ошибаюсь, это не случайно так получилось, это вполне осознанная концепция, дескать, фильм 94 г. был стилизованный, а у нас все будет как в жизни.

Но «в жизни» так не бывает. «Ворон» – история, рассказанная по законам поэзии (стихи в комиксе не для галочки, у них заимствуют и внешнюю эстетику, и нечто более важное, сущностное), а не суровой прозы, и в ней все эмоции осознанно выкручены

на максимум. Ничего удивительного: первоисточник, если кто не знал, написан и нарисован кровью сердца. Это не баг, а фича, причем крайне важная, и ее устранение ломает всю систему.

Эрик и Шелли в комиксе и первом фильме появляются вместе в идеализированных воспоминаниях, и их противопоставление с жестокой действительностью работает на подсознательном уровне, все равно что две картины рядом, райский пейзаж и адский. В новом фильме контраст сильно сглаженный, да и нет, откровенно говоря, контраста.

Проблему усугубляет тот факт, что оба главных героя теперь не без греха (пусть в случае Шелли проступок и неумышленный). Кто-то скажет, что раньше они были неправдоподобно хорошими, но нет, они просто были НОРМАЛЬНЫМИ людьми, которым не повезло. У них была НОРМАЛЬНАЯ жизнь, в которой нашлось место и выбору свадебного платья, и испорченному ужину, и всяким дурачествам. Теперь же оба героя маргиналы, но это ладно; что не слишком ладно – Эрик сомневается. В Шелли, в себе, в любви – уже не столь важно. Сомнения для такой истории фатальны, потому что если есть сомнения, то у героя есть выбор. Но Эрик, каким его задумал Джеймс О'Барр, свой выбор уже сделал в самом начале истории – когда вернулся оттуда, откуда не возвращаются.

2. Вторая странность нового фильма – хронология. В какой-то английской статье сильно за нее ругали, подразумевая, что события происходят как будто в один день. Мне так не показалось – времени явно прошло больше, – но претензия на ту же тему все-таки есть, просто я вижу проблему под другим углом.

В комиксе и первом фильме смертоубийство само по себе тоже происходит быстро, однако между гибелью Эрика и Шелли и возвращением... прохо-

дит целый год! Подразумевается, что это год мучений для [души] Эрика, на протяжении которого он пытается жить воспоминаниями, но они лишь вызывают страшные муки бессилия. А в новом фильме что? После экспозиции на 40 минут происходит буквально ВЖУХ! и возникает стойкое ощущение, что Эрик к концу истории успевает лишь выйти из шока в связи со смертью Шелли.

3. Мироустройство. Ох, про это уже многие сказали... Сама по себе попытка встроить в повествование какую-то более сложную систему и как-то обогатить потусторонний мир подробностями не плоха, в других вариациях на тему «Ворона» кое-что такое тоже было. Но получилось так, что первоисточник и старый фильм давали надежду на справедливость хотя бы путем мщения с того света – тут уж дело личное, как к таким фантазиям относиться, и все-таки это надежда, как ни крути. А в новом фильме, с учетом Роуга и всего, что с ним связано, нет ни атома справедливости, ни молекулы жалости. Для меня это и есть главная идея обновленной истории. Я не за этим в кино шла, увы. «Если в реальном мире справедливости нет, я ее сочиню» (с) Джеймс О'Барр.

Поясню: да, в комиксе и старом фильме тоже было зло, которое в мире торжествовало, убивая невинных. Но кто-то мог поставить его на место и получить награду – получить покой, блин, на том свете! Здесь же герой и зритель в финале получают только... как я понимаю, заявку на продолжение. Опрометчивую заявку. (Если кто-то скажет, что в сериале с Марком Дакаскасом было похоже, так я напомним, что сериал закрыли раньше времени, и это стоило принять во внимание как недобрый знак.)

Еще, кстати говоря, в новом фильме совсем нет положительных героев.

4. Система образов. Вот тут есть интересный момент, но я не уверена, как его толковать, потому что авторы слегка перемудрили. Лошадь, удивившая многих, взята не из первого фильма, а из комикса-первоисточника, где она исключительно концептуальная и символизирует, если мне не изменяет память, угрызения совести из-за того, что Эрик не смог спасти Шелли (то есть сопровождает его не всю сознательную жизнь, а год). Что же в новом фильме?

В первый раз белая лошадь, запутавшаяся в ключей проволоке, появляется в самом начале, в воспоминаниях Эрика о детстве, и там же мы видим убогое жилище и мать (наркоманку? алкоголичку?) в отключке на продавленном диване. Эрик пытается распутать лошадь и ранит руки – во взрослом виде у него шрамы на ладонях, что как бы намекает на реальность случившегося.

И тогда получается, что в финале, где новому появлению лошади предшествует ОЧЕНЬ быстрое мелькание кадров с изображением убогого жилища, которое горит, и силуэта маленького эрика на фоне пожара, нам намекают... на что? На то, что он поджег дом и убил свою мать. Собственно, психиатр в лечебнице упоминает, что Эрик склонен к «деструктивному поведению». А Роуг говорит: «В тебе не осталось любви, только ненависть». Но лошадь встает – оживает – после того, как Эрик думает о Шелли. То есть это все-таки не настоящее животное, а символ, образ – светлая сторона его души, которая воскресает благодаря любви? Как тогда понимать шрамы на ладонях? Как следы материнского абьюза? Она что-то с ним сделала – и он отомстил?

Это интересная загадка и хорошая попытка, но ее как будто вписал в сценарий не тот человек, который все остальное сочинил. Потому что остальное слишком простое и очевидное, прямолинейное.

Лилии эти белые, ну я вас умоляю. Все равно что рифмовать «розы» и «морозы»...

Ну и в контексте «образов» нельзя не вспомнить грим Эрика. Почему, собственно, его так зовут? В честь Призрака Оперы. Джеймс О'Барр пишет: «...я сам в сердце своем обернулся чудовищем и прятался под стоической маской нормальности». В старом фильме это показано очень толково: Эрику невыносимо смотреть на свое отражение в зеркале – он по нему бьет кулаком, а потом начинает гримироваться, опираясь на первый попавшийся (не случайно, разумеется) образец, висящую рядом театральную маску.

Но суть *кинематографического* приема не в маске как таковой и не в отсылке к «Призраку оперы», а в том, что... на протяжении фильма грим постепенно СМЫВАЕТСЯ. Тем самым дождем, который не может длиться вечно. То есть в финале герой уже без маски – в прямом и переносном смысле. Он сделал что хотел, выдержал испытание, все. Он заслужил покой.

5. Это можете считать придиркой и вычеркнуть из списка: нету между главными героями химии. Никакой. Вообще. Холод. Абсолютный ноль. У меня и к актерской игре обоих вопросы, но... наверное, им просто нечего было играть.

Что в итоге? Драки, кровища – ну... ради драк я лучше «Джона Уика» пересмотрю.

Я не утверждаю, что фильм 1994 года – безупречный шедевр, кое-что в нем мне не нравится. Но он совершенно точно задуман и сделан с четким пониманием, зачем все это и кому предназначена история. Я его полюбила до того, как узнала о случившейся на съемках трагедии (да, вот такие они, доинтернетовские времена). В продолжениях он не нуждается. В ремейках тоже. Насколько

устарел – это спорный вопрос, а я спорить не буду, я буду просто его и дальше любить.

Что касается нового фильма, то дождь (который не может длиться вечно) смывает все следы.

Наталья Осояну



Три моих рассказа вышли на польском.

«Kraj potrzebuje papieru», «Oddzwonie» и «Po staremu (Nowy Rok 2050)» (соответственно, «Стра-

не нужна бумага», «Я наберу» и «Дедовский способ») включены в сборник «Tatarskie opowiadania. W czasie i przestrzeni» («Татарские истории. Во времени и пространстве»), подготовленный издательством Мусульманского религиозного союза Польши.

Сборник составили тридцать шесть рассказов восьми авторов из Татарстана, Ингушетии, Азербайджана, Казахстана и Польши. Предисловие «Odcienie tatarskich opowieści» («Оттенки татарских сказок») написала доктор философии тюрколог Юлия Крайцаж.

Ура.

Шамиль Идиатуллин

© Источники:

RocketMan, https://t.me/RocketMan_kosmodrom

TheNewYorkerRu: <https://t.me/thenewyorkerru>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анна Фёдорова: Dramedy, <https://t.me/dramedy>

БВИ: Братия по Разуму, <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимировский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal

Дмитрий Захаров: HeroПрактика, <https://t.me/Sixways>

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дмитрий Колодан, Kolodan Opossum Garden, https://t.me/opossum_garden

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Инар Искендинова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: К.А.Т., https://t.me/anyret_a_k

Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig

Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Павел Амнуэль, <https://t.me/pavelamnuel>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Танда Луговская: Tanda_v_Telegram, https://t.me/tanda_v_telegram

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>